

• ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БИКИНИ

АНДРЕ КУТЕН

АНДРЕ КУТЕН

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БИКИНИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АНДРЕ КУТЕН

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БИКИНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

8 И
К 95

André Coutin

RETOUR A BIKINI

Stock, Paris, 1972

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с французского

Ответственный редактор и автор послесловия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ

К 70304-011 133-80. 4703000000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

1

Стоя на берегу, Джосиа смотрел на военный корабль, маневрировавший в лагуне. Когда судно направилось к острову, Джосиа воскликнул:

— Они хотят отнять у меня бомбу!

Не выйдет. Джосиа решил любой ценой сохранить заветную вещь.

«Бомба» была запрятана у него под циновкой: это был распылитель ДДТ, подаренный ему лейтенантом американских военно-морских сил Эдвардом Дж. Руни. Несколько месяцев назад лейтенант посетил атолл и тогда же научил Джосиу отгонять пульверизатором назойливых мух.

Позже, во второй свой приезд, Руни осведомился, как идет охота на насекомых. Джосиа ответил загадочно: «Мухи теперь не те, что раньше». Напрасно Эдвард пытался выведать у него, что тот имел в виду. Наконец, потеряв терпение, он пригрозил, что отнимет бомбу. Тогда Джосиа схватил распылитель и принялся танцевать вокруг хижины, с силой нажимая на кнопку баллончика. Набежавшие соседи весело прихлопывали в такт дьявольской пляске. Обескураженный лейтенант не знал, что и подумать — то ли Джосиа спятил, то ли вознамерился выставить его, американца, на посмешище всей деревне. Неужели не ясно, что пульверизатор предназначен для борьбы с насекомыми и глупо пускать ДДТ по ветру! Восторгаться предметом только за его форму и устройство, а не за «функциональность», насмехаться над теми, кто видит в изделиях сугубо утилитарный смысл, — все это представлялось полнейшей бессмыслицей офицеру американской армии...

Корабль скользил по лагуне.

Его появление прервало трапезу бикинийцев. Дети, на ходу дожевывая куски, стремглав помчались к пляжу, усеянному рыбачьими лодками с балансирами. За

ними, мягко ступая, двинулись девушки с ожерельями из раковин и гирляндами магнолий.

Подойдя к берегу, они распустили длинные иссиня-черные волосы, блестящие от кокосового масла, и стали их расчесывать черепаховыми гребнями. Трое нагих подростков нырнули в воду, чтобы оторвать от рифа куски розового коралла.

Жителей Маршалловых островов не надо оповещать о прибытии чужого судна; незачем стучать колотушкой по полому стволу пальмы, выбивая набатный звон. На узких островках атолла, едва выступающих над гладью Тихого океана, каждый житель — вахтенный, каждый несет сторожевую службу, обозревая разом обе водные поверхности: и лагуну, и океан.

Мотобот, спущенный со сторожевого корабля, уткнулся в берег. Несколько местных парней, зайдя по пояс в воду, вытянули его на песок.

Трое офицеров американских военно-морских сил ступили на землю Бикини. Визитеры были одеты в летнюю парадную форму при всех регалиях.

Напрасно Джосиа искал среди них лейтенанта Руни. Главные знаки внимания прибывшие оказывали пожилому человеку с седыми, стриженными под бобрик волосами. «Бамбуки-американцы прислали нам верховного вождя войны», — решил про себя Джосиа.

Откуда взялась эта кличка, которой островитяне наградили американцев на тихоокеанском театре военных действий, — «бамбуки»? В 1945 г. низкорослые коренастые маршаллы впервые увидели высоких морских пехотинцев в таком количестве. Когда те сомкнутым строем высаживались на берег, островитянам они показались живым бамбуковым частоколом. Поди отличи их друг от друга в одинаковой форме! «Бамбуки-американцы».

В тот день сторожевик доставил в мирные воды лагуны Бикини commodore¹ Бена Уайетта, военного губернатора Маршалловых островов; его сопровождали начальник штаба, адъютант и переводчики.

Сойдя на землю, commodore по-свойски подтолкнул вперед гостя — курчавого микронезийца, наряженного,

¹ Капитан I ранга, командующий соединением кораблей. — *Здесь и далее примеч. перев.*

как для воскресной проповеди в пресвитерианском храме: белая рубашка, галстук-бабочка, черные брюки, лакированные штиблеты. Островитяне смотрели на него как на выходца с того света. Кто мог подумать, что губернатор откапает на атолле Аилинглапалап и привезет сюда, за 800 километров, короля Бикини — Джеймату! Джеймата, сын короля Кабуа, после его смерти получил в наследство Бикини с двумя соседними грядами коралловых островков. Старый Джуда, иройдж Бикини, не видел Джеймату с момента начала войны на Тихом океане.

Американцы, как и их предшественники немцы и японцы, так и не смогли найти эквивалент для обозначения титула «иройдж». Аналогов в христианской истории для него не было. Титул наследственный. Выходит, он — король на своем островке? Потом оказалось, что король у бикинийцев есть, но живет он в другом месте. Первые американцы, высадившиеся на Бикини после изгнания японцев, прозвали иройджа «царь Джуда». Местные жители не возражали. Да и выглядел Джуда как подобает царю — чело его венчала коралловая корона.

Обвитый гирляндами из цветов и раковин, представитель Соединенных Штатов милостиво принял скромные дары островитян: ребяташки протянули высокому гостю кокосовый орех; самые ловкие ныряльщики достали со дна красивые куски коралла; старухи принесли плетеные корзинки, циновки и сумочки; малыш отдал очищенный банан. «Йокве юк» («Любовь вам»), — произнесли все присутствовавшие бикинийцы. «Я вас люблю». На языке маршалльцев эта фраза означает: «Добро пожаловать».

Старый алаб — глава одного из деревенских кланов — шепнул царю Джуде:

— Джеймата небось опять станет требовать дань... А разве он защитил нас от японцев? Помог чем-нибудь во время войны?

Но Джуда был озабочен другим. Позавчера матросы с американского судна «Самнер» взорвали подводный риф у входа в лагуну. Силуэт «Самнера» до сих пор маячил в трех милях от островка Эниу, входившего в состав атолла Бикини. Что бы это могло значить?

«Самнер» бросил якорь в лагуне за три дня до прибытия губернатора. Капитан объявил иройджу, что он привез географов, которым поручено составить карту акватории атолла.

На рассвете островитян разбудил грохот взрывов. Женщины в страхе заметались по деревне: «Японцы вернулись... Снова будет война... Неужели нас ждет судьба Кваджалейна и Эниветока?» Оба эти атолла Маршалловых островов в конце войны были опустошены огненным шквалом.

Прибежавшие на пляж алабы увидели, как над лагуной взметнулись столбы воды. Небо было чистое, ни один самолет не кружил над островом, на горизонте не видно ни одного судна, кроме «Самнера» под флагом Соединенных Штатов.

Делегация бикинийцев уселась в рыбачью пирогу, которая по успокоившейся прозрачной глади лагуны устремилась к «географическому судну». Капитан корабля повел отеческую речь, словно попечитель общества призрения сирот, обещающий взять их на водный праздник.

— Скоро к вам прибудет невиданный флот. Зрелище будет восхитительным. Лагуна превратится в важный порт. Но проходу больших военных судов мешали коралловые рифы, понимаете? Поэтому мы их взорвали. Теперь все в порядке.

Тревожные мысли засели в голове у Джуды: «Зачем понадобилось превращать его лагуну-аквариум в морской порт?» Но законы гостеприимства обязывали относиться к гостям почтительно. По знаку иройджа жена положила к его ногам связку кокосовых орехов. Ударом мачете иройдж отсек верхушку одного плода и протянул его коммодору. Американец отведал освежающего кокосового молока. А Джуда продолжал отдавать распоряжения: собрать черепаший яйца, зарезать поросенка.

Гостей окружил хоровод женщин. Юная певица подыгрывала себе на японском банджо — «сувенире» недавней оккупации. Баюкающим мелодиям нежно вторил ритмичный плеск океана. С каждым припевом голоса крепчали, поднимаясь, словно набегающая на риф волна.

Угощение разложили на циновках. Коммодору в знак особого уважения поставили тарелку и прибор;

члены его эскорта ели, как принято на Маршалловых островах, черпая из половинки пустого ореха свернутым пальмовым листом. Коммодор с удовольствием отведал свежей рыбы, добытой в лагуне, и не пожалел похвал в адрес умелых рыбаков.

Джуда от их имени поблагодарил высокого гостя и заметил, что вряд ли сможет в дальнейшем угощать американских друзей такой рыбой, если военные суда заполнят лагуну. Кстати, что за чрезвычайные обстоятельства заставили американское командование превратить здешнюю тихую заводь в военный порт? Неужели оно боится возвращения желтых дьяволов? Странно. Ведь он, Джуда, хорошо помнит, что сказал посланный сюда военным губернатором офицер: «Япония побеждена!»

Бен Уайетт решил, что настало время изложить цель своего визита. Нельзя сказать, чтобы это доставляло ему удовольствие; он скорее предпочел бы еще раз лицом к лицу встретиться с японцами. Больно уж щекотливое дело. Всю ночь, пока шел корабль, он пытался найти слова, которые могли бы смягчить привезенную им весть. Как воспримут островитяне решение правительства Соединенных Штатов? Реакция местного населения может оказаться самой неожиданной.

Губернатор еще раз освежился кокосовым молоком, загасил в скорлупе сигару и сделал знак переводчикам. Говорил он медленно и отчетливо, чтобы толмачи успевали переводить:

— Полгода назад лейтенант Руни приезжал к вам с сообщением об окончании войны... избавившей вас от японских оккупантов... Он рассказал, каким образом мы заставили врага капитулировать... Мы показали ему, что обладаем оружием фантастической мощности... Две бомбы, сброшенные на Нагасаки и Хиросиму, возымели больший эффект, нежели военные действия целой армии... Теперь нужно как следует выявить все возможности подобных бомб... Для этого нам потребуется взорвать несколько бомб, похожих на ту, что была сброшена на Хиросиму, но при этом не причинить никому вреда. Более подходящего места, чем ваш атолл, мы не нашли. Поэтому мы просим на время уступить нам Бикини. Вам не грозит никакая опасность, если вы удалитесь от места взрыва. Мы предоставим

в ваше распоряжение транспортное судно и перевезем вас недалеко отсюда. А когда кончатся испытания, вы вернетесь домой.

Джуда и алабы в недоумении смотрели на американца. Воспользовавшись минутным замешательством, оратор поспешил произнести ритуальные фразы успокоения и пасторские благословения. Речь его текла гладко и без запинки.

— Вы можете смело положиться на заверения правительства Соединенных Штатов. Мы сражались за вашу свободу. Теперь мы сообща будем защищать ее... Предоставив нам на время свою землю, вы окажете услугу всему человечеству. Миллионы детей и стариков во всем мире с глубокой благодарностью будут вспоминать вас.

И под конец — торжественное заключение, которое, как уверяли губернатора, наделено чудодейственной силой «белой магии»:

— Президент Соединенных Штатов поручил мне передать вам это и заверить в вечной дружбе.

Коммодор обвел тревожным взглядом застывшую аудиторию. Старики сидели неподвижно, полузакрыв глаза, похожие на сухие корни кокосовых пальм. Расслышали ли они толком последнюю фразу? Высокому гостю показалось, что вся деревня от мала до велика хранит минуту молчания. Женщины перестали суетиться, дети — играть. Не слышно было стрекота насекомых. Даже океан стих.

Джосиа мог спокойно вздохнуть — никто не посягал на его бомбу. Обитателям острова было не до мух. Новые хозяева тихоокеанского архипелага решили сбросить на Бикини смертоносный груз, который уже испепелил два крупных японских города. Их бомба не щадит ничего живого.

Коммодор повернулся к королю Джеймате — настал его черед обратиться к своим подданным. Конечно, американец не обольщался насчет реальной власти этого монарха, который давным-давно утратил связь с жителями атолла. Однако губернатор счел весьма целесообразным заручиться поддержкой короля. В целом феодальная система шокировала демократические чувства коммодора, но в данном случае она должна сослужить добрую службу Соединенным Штатам. Будь Джеймата

полновластным хозяином Бикини, с ним можно было бы договориться, как с обычным землевладельцем. Несбыточная мечта! У него тогда бы просто купили клочок экспроприированной суши. Джеймате оставалось бы лишь сообщить жителям о высылке. Увы, военный губернатор опасался, что дело окажется не таким простым.

Джеймата, со своей стороны, был несказанно обрадован ходом событий. Коль скоро его привезли сюда, значит американцы признают законность его прав. Он даже и не мечтал об этом.

Впрочем, ему-то хорошо было известно, что иройджа-лап-лап (король) имеет право на землю, но никогда не распоряжается судьбой своих подданных. Поэтому Джеймата из осторожности не стал выказывать своей «власти». Нет ничего хуже, чем отдавать распоряжения, которые заведомо не будут выполнены. Он просто добросовестно повторил хорошо заученный текст.

— Новое оружие наших друзей-американцев позволило положить конец войне, принесшей столько страданий народу Маршалловых островов. Вы ведь не хотите, чтобы вновь загрохотали пушки! Есть только один способ избежать этого: показать нашим врагам силу и мощь нового оружия. Наши друзья хотят изучить секреты «белой смерти» и при этом не причинить никому вреда. Им нужна большая лагуна, куда они могли бы ввести и поставить на якорь огромные корабли. И мы можем им помочь. Я, сын Кабуа, властелин островов Ралик, призываю вас довериться нашим покровителям. Они защищают ваш мир и покой. И они умеют заботиться о народах, пострадавших от войны!

Выходит, Джеймата с ними заодно... Король бросает бикинийцев на произвол судьбы. Ни отказом, ни затягиванием переговоров он не дал островитянам возможности выиграть время. Джуда сделал вид, что не заметил присутствия короля, и обратился прямо к коммодору. С тем, что американцам понадобилась лагуна, он спорить не станет. Но почему из многих тысяч островов в безбрежных просторах Тихого океана выбор высоких друзей пал именно на Бикини? Вот чего он не может понять.

— Куда увезут нас с земли, где жили наши предки?

— На необитаемые острова. Точно такие же, как ваш. Вы сможете добывать там копру и все остальное...

— А почему бы вам не испытать новое оружие на островах, где никто не живет?

— Мы, конечно, думали об этом. Но все предложения пришлось отвергнуть из соображений безопасности.

Действительно, губернатор остановил свой перст на Бикини не по наитию. Место для полигона атомных испытаний было научно обосновано. Геологи, физики, метеорологи, высказав различные соображения, в результате сошлись на одной-единственной точке земного шара.

Атолл Бикини, состоящий из 27 островков, образует широкий полумесяц на севере Маршаллова архипелага. Общая площадь его лагуны — 400 квадратных километров. Сбросив две первые бомбы на японские города, Пентагон тут же начал подыскивать место, где военные могли бы спокойно упражняться в освоении нового вида оружия. После пяти месяцев усердных поисков был найден идеальный полигон.

Это был Бикини. С конца XIX в. Маршалловы острова находились под германским протекторатом. В годы между двумя мировыми войнами ими управляли японцы, которым был вручен мандат Лиги наций. Когда отгремели бои на Тихом океане, острова стали подопечной территорией Организации Объединенных Наций, управляемой Соединенными Штатами Америки.

По плану ответственных за проведение операции лиц полигон для ядерных испытаний должен был соответствовать ряду условий: отстоять минимум на 500 морских миль от ближайших населенных пунктов; лежать в стороне от морских и воздушных путей; находиться в зоне постоянных ветров, чтобы можно было с максимальной вероятностью вычислить отклонение радиоактивного облака.

Бикини выглядел заброшенной точкой на севере архипелага. Должно быть, никто не жил на этом жалком куске коралла. Его название не было известно ни одному американцу. Что там могло находиться? Гнездовья перелетных птиц да пальмовый пляж, по которому ползают крабы.

Однако разведка донесла, что там копошатся какие-то человекообразные существа. По-видимому, рыбаки остановились отдохнуть по пути домой, или сезонные рабочие заготавливают копру.

Затребовали дополнительные сведения. Оказывается, американцы не первые облюбовали это место: другие люди успели обжить его.

Ответ вызвал раздражение: горстка упрямых микронезийцев считает этот атолл своей родиной. По счастью, их там всего сто шестьдесят семь душ — цифра, с демографической точки зрения, незначительная. В приличном отеле куда больше служащих! А здесь их не наберется даже на большой дом. И все-таки они помеха изучению расщепления ядра, осложнение. У них есть наследственный король, традиционные главы кланов, могилы предков. Прошлое, одним словом. Нет-нет, ни в коем случае не цивилизация. Как бы там ни было, проблемы с транспортом не возникнет — на палубе любого грузового судна умещается гораздо больше пассажиров. А общая площадь выступающей над поверхностью океана земли едва составляет одну двадцать седьмую часть полезной площади зданий Пентагона в Вашингтоне.

Коммодор был уверен: спроси любого человека в Айдахо, Массачусетсе или Техасе, и он ответит, что транспортировка ста шестидесяти семи человек на новое место жительства не заслуживает газетного упоминания. А здесь, на песчаной полоске земли с несколькими кокосовыми рощицами посреди Тихого океана, где водружен американский флаг, операция столь смехотворно малого масштаба должна называться «перемещением населения»!

Власти даже сочли необходимым отрядить туда своего чрезвычайного посланника и от имени президента Соединенных Штатов давать какие-то заверения. Губернатору Маршалловых островов, у которого под началом было во сто крат больше народа, чем жителей несчастного островка, пришлось ехать за сыном короля Ралика и, прикрываясь феодальными традициями, улаживать дела на богом забытом атолле.

Услышав из уст коммодора, что его остров оказался единственно пригодным для ответственной миссии, что на него обращено пристальное внимание двухсот миллионов американцев, Джуда напомнил гостям, что на Бикини царит демократия.

— Мы соберем совет старейшин, где каждое семейство представлено алабом. Один я не могу принять

столь важное решение. Я изложу им ваше требование, а они уж рассудят, как поступить.

Иройдж поднялся. Посол двинул в бой последние резервы — он напомнил о великой чести, коей удостоивается бикинийский народ в результате павшего на него выбора.

— Ваш атолл прославится на весь мир. Риф и лагуна Бикини будут прочесаны и исследованы самым тщательным образом. Наблюдения такого масштаба не выпадали еще на долю ни одного острова, ни одного озера. Заповедники и национальные парки в США исследованы куда меньше.

Коммодору и его начальнику штаба подали плетеные циновки и мухобойки: в ожидании решения совета старейшин гостям предложили вздремнуть, но сон не шел.

— Задача не из легких,— признался Бен Уайетт своему спутнику.— Надо не просто вырвать у них согласие большинством в несколько голосов, а получить единодушное одобрение. Если хоть один старик будет против, считайте, что миссия не удалась. Необходимо, чтобы все одиннадцать алабов без исключения приняли нашу сторону, чтобы все члены их кланов послушно отправились за ними. Если кто-нибудь перед отплытием скажет: «Не хочу покидать Бикини»,— это может посеять смуту среди островитян, начнутся беспорядки. Деревня будет настроена враждебно, а там, глядишь, и на других атоллах начнется брожение.

Собеседник пытался успокоить шефа:

— Судя по докладу лейтенанта Руни, бикинийцы готовы отдать гостю все, что у них есть, даже собственную жену. Они ни в чем не могут ему отказать.

Коммодор не разделял оптимизма начальника штаба.

— Сейчас речь идет о другом,— задумчиво произнес он.— Мы просим их отдать нам все: дома, хлебные деревья, весь остров целиком. Это тяжело, что ни говори.

— Но мы же их освободители, мы вправе получить от них то, чего они не дали бы никому другому. Японцы с ними не церемонились. Они смотрели на них, как на обезьян. Мы же обращаемся с ними, как с людьми, заботимся об их безопасности...

Офицер не ошибся. Одиннадцать алабов, собрав-

шихся на берегу лагуны в доме совета старейшин — открытой веранде под соломенной кровлей, — не оставили без внимания «дипломатию» новых завоевателей. Японцы действовали железной рукой. Едва высадившись на Бикини, они устроили там наблюдательный пункт и объявили: «Все, что здесь есть, принадлежит императору». Жители были обложены тяжким налогом. Солдаты вели себя грубо и надменно, презрительно третируя «дикарей-туземцев». Правда, они не реквизировали здесь землю, как на других атоллах, но приучили островитян не прекословить оккупантам.

Никогда еще чужеземцы не спрашивали разрешения разместить на острове своих солдат. И потом, ради какой цели их просят одолжить остров? Ради установления вечного мира на земле и счастья всего человечества. Отказаться уехать — значит объявить себя врагами свободы и общечеловеческого благополучия.

В вопросе содержалась скрытая ловушка, как почти при всяком референдуме. Нет ни малейшего желания говорить «да», но и невозможно сказать «нет». Желаете ли вы уберечь от несчастий детей ваших освободителей? Да. Значит, вы согласны эвакуироваться с острова. Кстати, новые друзья, уверенные в их миролюбии, уже ответили за них, взорвав коралловый риф. Один из алабов резюмировал создавшееся положение следующим образом:

— Американское правительство хочет, чтобы мы покинули остров. Придется подчиниться.

Никто не решался возражать.

Коммодор вернулся на корабль и передал по радио ответ «царя Джуды»:

— «Если правительству Соединенных Штатов и ученым мира понадобилась наша земля для выработки средств, которые, благодарение богу, послужат для счастья всего человечества, мой народ согласен уехать».

«Уехать» на языке бикинийцев означало *удалиться на время*. Таким образом, обезоруживающее добровольное согласие с самого начала зижделось на недоразумении. Кроме того, усыпляющие разглагольствования коммодора обходили молчанием вопрос о том, как долго будет продолжаться эксперимент?

Ни один из алабов не подозревал, что их жертва гораздо серьезнее, чем временная эвакуация. Они дума-

ли, что речь идет о кратковременной отлучке, но отнюдь не долголетней ссылке. Старейшины ни минуты не сомневались, что, как только отгремят взрывы, на их островах снова можно будет жить, как прежде. Правительство не скрывало от них правды, оно само еще не ведало, к каким последствиям ведет обладание ядерным оружием. В те времена физики еще были не в состоянии определить масштабы и продолжительность заражения ядерных полигонов. В данном случае вообще не было уверенности, останется ли что-либо от острова, кроме зыбкого радиоактивного месива. Военные не исключали, что этот затерянный атолл исчезнет с лица Земли.

2

Сроки поджимали. Военно-морской флот США торопился овладеть лагуной и начать, подальше от любопытных глаз, свои таинственные приготовления. Пока рыбацьи лодки снуют под носом, нельзя приступить даже к выгрузке оборудования. Острова должны быть пустынные.

Губернатор приказал ускорить эвакуацию. Начало было положено: согласие бикинийцев удалось получить, не указав им даже нового адреса. Теперь требовалось срочно подыскать им новое прибежище.

Джеймата предложил свои услуги. Ведь он король и располагает другими землями. Разве размещение подданных не его забота? В наследство Джеймата получил кроме Бикини два других атолла — Лаэ и Уджаэ. Правда, там уже живут люди, но ничего страшного, можно потесниться. Король отправился на острова и с жаром убеждал тамошних жителей оказать гостеприимство семьям с Бикини. Он собрал на Лаэ и Уджаэ советы старейшин и вернулся с официальным письменным приглашением бикинийцам.

Откуда вдруг такое рвение? Джеймате представился удобный случай выказать себя благодетелем строптивых островитян и стать хозяином положения. А главное, продукция, идущая на экспорт с Лаэ и Уджаэ, существенно возрастет, если ему удастся основать там новые поселения усердных работников.

Оба атолла расположены недалеко от Кваджалейна, где находилась ставка военного командования. На

первый взгляд, решение удачное. Но конкретные условия были неизвестны — в тот период американцы еще не успели составить подробную карту Маршалловых островов. Все атоллы казались им одинаковыми. Сплошь и рядом новых хозяев ждало разочарование: в их сведениях площадь атоллов указывалась вместе с площадью лагуны, а пригодная для жизни часть суши оказывалась в десять, а то и в сто раз меньше.

Всякий раз, когда заходила речь о постройке причала или сторожевого поста, американцам приходилось заниматься географией. Хватило одной поездки на Лаэ, чтобы воочию убедиться: на этом клочке суши величиной с носовой платок не найдется места для эмигрантов. У ста трех жителей Лаэ было в пять раз меньше земли, чем на Бикини, а лагуна в пятьдесят раз меньше. Производство копры — мизерное. Как втиснуть туда еще сто шестьдесят семь человек, не обрекая обе общины на гражданскую войну или жестокость естественного отбора?

Оставался Уджаэ. Жизненное пространство этого атолла побольше. Правда, центральный остров еще меньше, чем Лаэ, но на соседнем, пожалуй, можно создать новое поселение. Другое важное преимущество — вместительная лагуна, способная принять новых рыбаков.

Тем не менее увеличение почти вдвое оседлого населения атолла создаст массу проблем.

Кто-то из военных подал хитроумную мысль разрезать яблоко пополам; т. е. расселить бездомных бикинийцев на двух атоллах. Разумеется, с учетом семейных уз. Алабы смогут собираться на совет раз в два-три месяца на борту сторожевого судна, курсирующего вдоль архипелага.

Американцы тогда еще не подозревали, насколько спаян этот маленький народ. Позднее они постигли то, что не умещалось в их сознании: бикинийцы считают свою общину единой и неделимой.

Островитяне без сопротивления согласились покинуть свои земли, но с твердым намерением создать в другом месте привычную для них социальную организацию. Они предпочитали жить вместе, влача голодное существование, чем расстаться друг с другом. Понадобились долгие годы, большие потрясения и множество

иных событий, прежде чем часть бикинийцев пустила корни в бидонвилях Тихого океана...

К счастью, в то время транспортные причины похоронили гениальную мысль штабиста. В лагуне Уджаэ корабль с переселенцами должен был блуждать среди коралловых рифов, рискуя пропороть корпус. Приземление же самолета на прибрежной полоске острова потребовало бы от пилота чудес акробатики. И Уджаэ был вычеркнут из списка кандидатов.

Ничего лучшего Джеймат предложить не мог. Губернатор с трудом скрывал раздражение: как-никак, этот местный суверен родился здесь, он обязан знать свои земли и не заставлять армию терять драгоценное время. Но алчный феодал был слишком озабочен тем, как извлечь пользу из создавшейся ситуации, и не мог быть добрым советчиком.

В штабе снова начали ползать с карандашом по карте в поисках необитаемого атолла. Вот, скажем, чем плох атолл Ронгерик, в 220 километрах к востоку от Бикини? Американцы остались довольны находкой. Конечно, Ронгерик не выдерживает сравнения с Бикини, но по крайней мере его площадь равна территории Уджаэ и лагуна подходящая. Здешние пальмовые рощи не предвещали большого количества копры, но прокормиться можно. По данным метеорологов, осадков здесь выпадает меньше, чем на Бикини. Но главное, что говорило в пользу Ронгерика, это доступность: глубокая лагуна позволяла входить судам среднего тоннажа. Корабль с эмигрантами без труда подойдет к самому берегу.

Некоторые семейства с соседнего атолла Ронгелап ежегодно высаживались на Ронгерике для сбора плодов и ловли рыбы. Однако никто из них не помышлял обосноваться здесь навсегда. Странно, что при таком дефиците плодородной земли на Маршалловых островах этот атолл оставался пустынным.

Аборигены держались подальше от Ронгерика не без причины. Об этом знали все, кроме военных. Ни для кого из аборигенов не было секретом, что этот атолл — проклятое место. По преданию, здесь некогда жила злая ведьма, которая отравляла ядом все, к чему прикасалась.

«Давным-давно, — рассказывал старый алаб де-

тям, — в королевстве Ратак (южные острова Маршаллова архипелага. — А. К.) жила колдунья. Звали ее Либокра. Занималась она тем, что приготавливала ядовитые зелья. Прежде Ронгерик находился не там, где сейчас, а много-много дальше к югу. Однажды злая ведьма украла остров, спрятала его в темной туче, а ветер пригнал его на север. По дороге колдунья увидела Бикини и решила там поселиться. Но добрый дух-хранитель Орджабто был начеку. Он прогнал ведьму, и она укрылась на атолле Вото. Но и оттуда Орджабто выжил Либокру. Он выгнал ее с Ронгелапа, не позволил обосноваться на Уджаэ. Ведьма решила, что на Кваджалейне он ее не достанет. Но дух-хранитель и оттуда прогнал ее. Так металась ведьма по всему королевству Ралик (северная часть Маршалловых островов. — А. К.), не в силах нигде пустить в ход злые чары. Наконец, устав от скитаний, она приютилась на Ронгерике. Сюда Орджабто не пошел за ней, потому что здесь была чужая земля, которую прибило ветром с юга. Так Либокра осталась жить на Ронгерике.

Ведьма отравляла все, что необходимо человеку для жизни: рыбу в лагуне, плоды на деревьях. Все, к чему она прикасалась, тотчас становилось ядовитым.

Она умерла очень-очень старой. Один моряк, посланный королем Ратака на поиски пропавшего острова, нашел Ронгерик и высадился на нем. На берегу он увидел бездыханное тело Либокры, втащил его в лодку, отвез на середину лагуны и сбросил в воду. Страшная буря поднялась на море. Смерч выбросил тело Либокры в воздух. Вслед за ней над рифами взметнулись рыбы. Потом море успокоилось, и лишь посреди лагуны еще долго бурлила вода в воронке.

Рыбы накинулись на тело Либокры и облепили его. Никогда еще ни один рыбак не видел такого скопища рыб. Клубы черного цвета расползались от рифов, словно дым пожарищ. То была кровь Либокры. Рыбы рвали добычу на части, и лишь те, что приплыли позже или не смогли протолкнуться к этому жуткому пиршеству, сохранили свой обычный облик. Те же, кто отведал мяса ведьмы, получали черную окраску. До сих пор рыбаки различают рыбу по цвету. Они знают, какая рыба съедобная, а какая ядовитая.

Травы и деревья, выросшие спустя много лет после

смерти Либокры, хранили в себе яд. Из двадцати видов пандануса Либокра выбрала вонджейом, плоды этого дерева особенно пришлись ей по вкусу. Горе тому, кто забудет снять ядовитую скорлупу с орехов. На Ронгерике не приходится надеяться на хороший урожай: пальмы там зачахли. Наверное, Либокра подрезала им корни и отравила сок в стволе.

Вода в колодцах, которая прежде была необычайно чиста, после смерти злой колдуньи стала непригодной для питья. Даже теперь, спустя столько лет, вода имеет отвратительный привкус. Старые деревья передают яд юной поросли. Звери и крабы, отведав зараженной пищи, тоже становятся ядовитыми... Никогда еще проклятье не тяготело так долго над пристанищем колдуньи...»

* * *

Совет старейшин приступил к голосованию. Бикинийские алабы, высказавшиеся за переезд на Ронгерик, опускали в половинку кокосового ореха, служившего урной для голосования, обломок коралла, те, кто был против, — гальку. Джуда сообщил губернатору о результатах голосования: девять старейшин из одиннадцати высказались за переезд на предложенный остров.

В присутствии коммодора никто не обмолвился о страхе перед Либокрой. Чужеземцу вовсе не обязательно знать обо всех проделках ронгерикской ведьмы. Алабы решили пренебречь дурной славой атолла.

— Ваше мудрое решение обещает скорое и радостное возвращение на горячо любимую землю, — сказал Джуда, закрывая заседание.

В словах иройджа заключался скрытый смысл и объяснение того, почему алабы обошли молчанием перспективу житья на отравленном Ронгерике. Это — «несущественная деталь», если расставание с Бикини будет недолгим. Впервые в истории аборигенов чары Либокры сослужили добрую службу маршалльцам и стали залогом скорейшего возвращения на родную землю. Было бы хуже, если бы американцы указали им адрес, где люди благоденствуют, где лагуна полна рыбы, а земля обильно плодоносит, с возвращением на Бикини никто бы не спешил. Островитянам могли бы сказать: «В конце концов, вам живется не хуже, чем другим». Зато с

Ронгерика их придется быстро вывезти, недаром ни один клан не прижился в этом проклятом месте.

Племя Джуды не может быть счастливо вдали от Бикини. В данном случае беды и несчастья, причиняемые Либокрой, будут говорить сами за себя. Американское правительство не сможет не понять этого.

То, что напасти будут их преследовать вдали от могил предков, не вызывало у Джуды и старейшин ни малейшего сомнения. На любом другом острове они непременно встретят какую-нибудь Либокру, которая будет сверлить им сердце и портить кровь. Дождевая вода и мясо крабов покажутся горькими, а орехи сухими. Мир никогда не будет красив. Чужеземцу трудно это понять, это надо самому прочувствовать. На Ронгерике более, чем где-либо, их ждут несчастья, это и ребенку ясно.

Но приказ отдан — его надо исполнять! Население предупреждено о немедленной отправке. У американской армии богатый опыт по организации быстрого перемещения людей. История не давала никакой отсрочки депортированным во имя прогресса. Все было упаковано и увязано еще до того, как бикинийцы, не привыкшие к спешке, сумели растолковать опекунам структуру своего общинного устройства. Впрочем, они особенно не беспокоились: лихорадочность сборов лишний раз утвердила островитян в мысли, что переезд на Ронгерик — мера временная.

На Бикини прибыл военный танкер, снабжавший жидким топливом десантные войска. Капитану было приказано:

— На месте возьмете рабочих в помощь саперам и подготовите новое жилье на Ронгерике. Но, прежде чем начать погрузку туземцев, произведите тщательную опись имущества: хижины, лодки и все прочее. Запишите имена владельцев. Сделайте снимки — они могут понадобиться в качестве вещественных доказательств, если туземцам вздумается требовать возмещения убытков от правительства США. Не забудьте пересчитать там все плодовые деревья, каждую разновидность в отдельности.

Посланники губернатора сфотографировали на острове Джуды каждый дом, нанесли его местоположение на план и старательно попытались отличить кокосовую пальму от пандануса,

Инвентарный список островного королевства выглядел следующим образом: 26 крытых листьями хижин, 13 емкостей для сбора дождевой воды, 31 пирог с балансиром, дощатая протестантская церковь, общинный дом, служащий деревенской ратушей и клубом, четыре кокосовые пальмы и один панданус в расчете на двух островитян и два хлебных дерева на семью, одно банановое дерево на хижину, свиньи, домашняя птица (забираются с собой), не считая библий, молитвенников и сборников псалмов.

В связи с тем что обитаемым был лишь главный остров, в список забыли включить кокосовые пальмы 26 остальных островков атолла. Между тем все эти островки суши также составляли собственность бикинийской общины. Пренебречь ими — все равно что, перечислив дворовые постройки фермы, «забыть» упомянуть возделываемые поля.

Двадцать два добровольца с Бикини отправились на танкере вместе с саперами, откомандированными с военной базы на Кваджалейне, устраивать новое жилье на Ронгерики. Высадившись на главном острове ведьмы Либокры, прибывшие расчистили обширную площадку на берегу лагуны — здесь будет место нового поселения.

Взяв за основу план расположения хижин на Бикини, взвод саперов разбил на берегу двадцать шесть палаток, отрыл и забетонировал четыре бассейна для сбора дождевой воды и разместил в «стратегических» точках выгребные ямы.

После этого нефтеналивное судно вышло в море, чтобы взять на борт переселенцев.

* * *

Пятнадцать рыбацких пирог вытянули на берег. Бикинийцы сложили свои нехитрые пожитки в деревянные ящики, завернули их в плетеные циновки. Женщины тщательно прибрали кладбище, в последний раз украсив могилы предков цветами и веточками бамбука. Каждый хотел внести с собой на память хоть горстку родной земли. Мужчины разобрали церковь и дом собраний, аккуратно увязали в снопы кровли, собрали водопроводные лотки. Пастор созвал прихожан на заупо-

койную службу по всем умершим и пропавшим. Одновременно племя испросило прощения у духов предков, которым будет тяжело в разлуке с ними.

— Мы готовы, — коротко доложил Джуда капитану танкера, стоявшего на якоре в лагуне.

Население в полном составе собралось на берегу; каждый клан теснился возле своего вождя. Видавшие виды рыбаки держались за руки, неподвижно глядя вдаль. Первые капли приближающейся грозы упали на лица и смешались со слезами, бежавшими из глаз. Плакали молча. Женщины, у которых не было на руках грудных детей, несли по пучку сухих листьев с кровли брошенного дома — последнюю память по родной земле.

Жена Джуды, неся на руках годовалого сына Томаки, первой ступила в лодку. За ней последовали остальные. Семьи в полном составе двинулись к танкеру. Негромко зазвучала прощальная песнь. Никто не оглядывался назад. Когда один голос обрывался, другие подхватывали мелодию.

Несколько репортеров, войдя по пояс в воду, нацелили объективы на отъезжающих. Подождите, еще не успели снять! Островитяне, с тяжелым сердцем расстававшиеся с домом, испуганно вздрагивали от повелительных окриков кинооператоров. Народ Джуды прежде не снимался в кино и не знал, какую ценность представляет этот миг для иллюстрированных журналов и этнографических сборников.

На палубе танкера все было готово к приему депортируемых: алабам велели занять места там, где было написано мелом имя главы каждого клана. Военных не надо учить обхождению с пассажирами — все было сделано по высшему разряду. Праздничный ужин: рагу с рисом и консервы по усиленной раскладке. После ужина — кино из армейского арсенала увеселений. Джуда ни секунды не сомневался в том, что голливудские блондинки — это матери и жены членов экипажа. После сеанса он искренне поблагодарил капитана за любезный показ семейного альбома.

Лежа на металлической палубе танкера, бикинийцы от пережитых волнений не могли сомкнуть глаз. На рассвете они увидели на горизонте очертания атолла Ронгерик.

Судно проскользнуло в проход между рифами, но

море было слишком бурным, чтобы приступить к выгрузке. Пришлось ждать. Когда начался прилив, корабль смог наконец приблизиться к пляжу. Островитяне перетаскивали свой скарб и свернутые циновки к палаткам. Алабы указали каждому его место.

Наступило время ужина — первого на чужой земле. Но прежде чем приступить к трапезе, бикинийцы вознесли молитву:

— Господи, благослови хлеб наш насущный ныне, и завтра, и до скончания дней. Ниспошли нам кокосы и панданусы, рыбу и прочее, что водится на этом атолле. И охрани от козней злой Либокры.

Джуда погасил последнюю керосиновую лампу. Корабль тихонько покачивался на волнах. С берега, погруженного во тьму, его бортовые огни казались гирляндами, вывешенными в честь праздника белых начальников.

Вытянувшись на циновках, вновь прибывшие дрожали от страха, вглядываясь в темноту окружающей незнакомой земли. Матери прижимали к себе детей, соседи искали руки друг друга. Ночью духи нападают только на одиночек, поэтому, даже находясь далеко от дома, островитянин никогда не станет спать в одиночестве, чтобы кто-нибудь из родственников не был рядом. Если нет никого из близких, то он непременно попросится на ночлег к знакомым, а то и малознакомым людям, чье присутствие его успокоит.

На Ронгерике было особенно страшно. Здесь люди чувствовали себя беззащитными. Во тьме притаились звери, чьи предки делили ведьмины гнусные пиршества...

Наутро мужчины вместе с матросами принялись выгружать запас продовольствия на ближайшие несколько недель. Здесь были армейские пайки: несколько мешков риса и муки, десятков ящиков тушенки. Матери устрашали детей:

— Не вздумайте без разрешения рвать плоды с дерева или ловить крабов! На этом острове ничего нельзя есть. Ждите решения совета. Мы скажем вам, что опасно.

Старейшины начали тщательный осмотр плодов и первого улова рыбы. Иногда подозрение внушал цвет, иногда запах или вкус. Пищу сначала давали на пробу

свиньям и курам. Дети получали разрешение есть только после того, как пищу отведали взрослые.

Бетон в емкостях для сбора дождевой воды уже затвердел. Саперы, расстелив перед входом в лагерь матерчатые резервуары, накачали в бассейны пресную воду из танкера.

Военные с любопытством наблюдали за тем, как бикинийцы разбрелись по пляжу и набирали в корзины гравий, толкли ракушки и кусочки кораллов и посыпали этим самодельным покрытием центральную аллею палаточного лагеря. Проливные тропические дожди будут регулярно промывать гравий, и улица всегда будет чистой — такова технология самой дешевой в мире муниципальной уборки.

Офицер, которому было поручено проведение «операции Ронгерик», мог считать, что основные работы закончены. Об остальном бикинийцы позаботятся сами. Странно, их рыбацьи пироги почему-то лежат на песке. Сушилка для копры не «задействована». Опустив голову, люди молча сидят перед палатками... Офицер спросил у алабов, есть ли жалобы? В ответ все то же тягостное молчание. Офицер пожал плечами. В рапорте начальству он доложил (пример административной осторожности), что население «удовлетворено, но не вызвало энтузиазма».

В его присутствии никто ни разу не произнес имени Либокры.

На борту судна оставались еще два таинственных ящика. Офицер велел снести их на берег и открыть посреди деревни. Электрик извлек оттуда «динамик» громкоговорителя и повесил его на кокосовую пальму, а шнур подсоединил к радиоприемнику.

С дерева полилась музыка. Офицер покрутил ручку настройки, и из динамика послышался голос диктора радиостанции на Кваджалейне, читавшего последние известия.

— Теперь эта машина ваша, подарок военного командования.

Офицер рассчитывал на потрясающий эффект. Однако удивлен был он, а не островитяне. Аудитория вовсе не собиралась восхищаться изобретением или заставить молчать женщин ради того, чтобы послушать речь американского сенатора. И уж совсем обескуражила

его полная невосприимчивость к ритмам джаза! На памяти гражданина Соединенных Штатов не было такого случая, чтобы люди не начали машинально отбивать такт ногами при звуках негритянской музыки. Черт побери, чем еще разбудить их слух? Эти люди глухи, как моллюски.

Меж тем лейтенанту достаточно было всего одной фразы, чтобы приковать их внимание к радио: «Этот аппарат сообщит вам новости о Бикини». Но это не пришло ему в голову.

Напрасно утром рыбаки искали глазами на горизонте американское судно. Оно исчезло. В тот день безымянный танкер, сотни раз бороздивший Тихий океан, превратился для этих людей в волшебную мечту. Они прозвали его «корабль, который отвезет нас на Бикини».

3

В лагуне Бикини гидрографы с «Самнера» приступили к промерам дна и уточнению контуров островков. 18 марта 1946 г. прибыло еще одно океанографическое судно — «Боудич», битком набитое ботаниками, зоологами, ихтиологами, геологами и специалистами по морским течениям из лучших американских университетов.

До того времени течения в лагуне не были обозначены на морских картах. Однако было известно, какую роль им надлежит сыграть в перемещении огромного количества выпавших в воду радиоактивных веществ.

Предстояло также произвести съемку местности, изучить конфигурацию рифов, взять пробы грунта с разных глубин. Атолл — это сложная экосистема. Геологи взялись за ископаемые останки, ботаники рассыпались по острову, собирая образцы растений, прочие специалисты составляли опись популяций рыб. Поначалу они терпеливо, как рыбаки, ловили рыбу на крючок и сачками. Затем, чтобы ускорить дело, отравили ее. Поверхность лагуны покрылась всплывшей брюхом вверх мертвой рыбой.

По целым дням не затихали взрывы. Около ста тонн динамита ушло только на то, чтобы срезать коралловые «надолбы», возвышавшиеся почти на двести футов над дном лагуны: требовалось устранить потенциальную

опасность для военных кораблей. Тральщики выловили последние японские мины.

Потом острова атаковали бульдозеры. Со стороны лагуны на берегу воздвигли башни для установки дозиметрических приборов. Не были забыты и солдаты. Американские парни могли рассчитывать после работы на полноценный отдых: к их услугам были построены «развлекательный центр» и спортплощадки, где они могли поддерживать спортивную форму, играя в волейбол и баскетбол.

Серебристые окуни, тупоносые барабульки, рыбы-бабочки и двадцать-тридцать прочих разновидностей обходили стороной бикинийскую лагуну — там стало опасно. Подводный ландшафт преобразился. Появились зоны бомбардировок. На месте коралловых «голов», стоявших тысячелетними памятниками спокойствию здешних вод, зияли рваные воронки. В иных местах была рассыпана отравленная приманка. Куда подевались прежние хозяева, скользившие от острова к острову на своих пирогах с балансирами? Как подобает истинным охотникам, они ежедневно вылавливали свою порцию рыбы, не тревожа колонию целиком. А сейчас...

Прежние завоеватели, сменявшие друг друга, ненадолго задерживались в лагуне — дав бой противнику или распродав свой товар, они удалялись. Корабли под немецким и японским флагом были небольшого тоннажа. Никогда еще такие мастодонты, как сейчас, не бросали якорь в лагуне. Никогда еще глубины бухты не подвергались такому интенсивному вторжению.

До середины 1946 г. война шла только на поверхности здешних вод. Но вот она спустилась в самые глубины и научила бояться даже тех рыб, которые до сих пор чувствовали себя в полной безопасности. В центре лагуны сгрудились семьдесят пять бронированных кораблей. В помощь эскадре было придано семь судов-лабораторий, две плавучие обсерватории, одиннадцать транспортов и целый сонм патрульных катеров — соотношение, прямо противоположное традиционному морскому конвою.

Ничего странного — на сей раз мишенью для нападения предстояло стать боевым кораблям. Их тесное скопление в одной бухте удивительно напоминало печальный инцидент, с которого началась война на Тихом

океане. Повтор не был вызван внезапной потерей памяти у стратегов Пентагона. Военно-морское командование Соединенных Штатов намеренно желало показать, что флот способен пережить новый Пирл-Харбор². Как и там — в бухте Оаху — внезапное нападение должно произойти с воздуха. Только на сей раз самолеты обрушат не град бомб, а один-единственный смертоносный снаряд, подобный тому, что разрушил Нагасаки. Не щадя сил и средств — полгода подготовки уже проглотили семьдесят миллионов долларов, — флот, искавшая судьбу, имитировал на Бикини «Пирл-Харбор атомной эры».

Племя Джуды согласилось покинуть родину «во имя блага всего человечества». Представители Адмиралтейства торжественно объявили, что данная серия испытаний под кодовым наименованием операция «Перекресток» призвана стать «поворотным пунктом в истории нынешней цивилизации». Экспериментаторы уточнили, что по завершении взрывов они смогут ответить на самый волнующий вопрос современности: повлечет ли за собой ядерный гриб конец света, или жизнь будет продолжаться?

Военные заверяли, что сделано все для успеха запланированного «теста». Интересно... Столь могучее собрание ученых умов, по-видимому, выбрало для эксперимента достойную цель. Как называется подопытный город? Нет, на сей раз это будет не город, а флот из крупнейших океанских судов. Флот? Да, «во имя блага всего человечества» от сосланных островитян скрыли истинные мотивы столь славного события.

Дело в том, что атомный гриб призван был разрешить спор, начавшийся двадцать пять лет назад. Первым бросил перчатку главнокомандующий военно-воздушных сил США Уильям Митчелл:

— Нет такого надводного корабля, который бы я не смог потопить!

Это было сказано в 1921 г. Но у военных хорошая память. И сейчас американский флот был готов любы-

² 7 декабря 1941 г. японская авиация и флот нанесли внезапный удар по американскому флоту, стоявшему в порту Пирл-Харбор на острове Оаху (Гавайские острова).

ми средствами доказать свою неуязвимость. Моряки дождались своего часа. И вот не успел еще остыть пепел Хиросимы, как вице-адмирал У. Х. П. Блэнди поднял перчатку, брошенную «крылатым» фанфароном:

— Флот готов выдержать любой удар, любой огонь.

— За исключением, разумеется, атомного нападения?

— Я сказал: любой удар. В том числе и атомной бомбы!

От исхода захватывающего спора теперь зависело будущее планеты. Давнее соперничество между авиацией и флотом вспыхнуло с новой силой. Джуда был бы польщен, если б знал, что его остров станет ареной гигантского турнира. Велика важность, если в результате взрыва Бикини разнесет в пух и прах — священная традиция военных академий требовала жертв. Жаль, что иройджа не включили в состав судейской коллегии этого фантазмагорического поединка между летающими безумцами и упрямыми моряками.

Сбросив бомбу на Хиросиму, военно-воздушные силы США присвоили себе монополию на обладание «абсолютным» оружием. Однако американский флот, выигравший битву на Тихом океане, не собирался уступать первенства. И тем и другим была невыносима мысль о том, что нужно делить с кем-то лавры победы. Отныне два вида вооруженных сил претендовали на звание чемпиона мира в тяжелом весе. А поскольку война успела закончиться, Соединенным Штатам оставалось сражаться... с Соединенными Штатами.

Матч века! Представьте себе, что чемпион мира по боксу вышел на ринг и пытается сломать себе правой рукой левую. Только в данном случае в левой руке была зажата критическая масса плутония, а рингом служил маленький тихоокеанский атолл.

Такова была истина... Ее понимали все здравомыслящие люди в Америке. Если бы Джуда умел читать газеты, он узнал бы, что один из создателей Бомбы, выдающийся физик-ядерщик, публично разоблачил накануне турнира преступный замысел военных. Джуда услышал бы возмущенный голос профессора Оппенгеймера, отказавшегося принимать участие в псевдонаучном «эксперименте»:

«Комитет начальников штабов намерен продемон-

стрировать способность флота выдерживать атомное нападение. Таким образом, намеченные испытания являются не чем иным, как пропагандистской кампанией в пользу нынешних ВМС, кампанией, организаторы которой не желают задумываться над последствиями».

После подобного заявления перед прославленным физиком захлопнули двери Комиссии по атомной энергии, где он был главным экспертом. Но неожиданное разоблачение не остановило затеи. Оно лишь притушило восторг американской публики накануне грандиозного фейерверка в Тихом океане и закрепило за вице-адмиралом Блэнди репутацию «затейника». На коктейлях и светских раутах стало модным называть операцию «Перекресток» «бзиком Митчелла» — по имени того самого генерала, который в 1921 г. вызвал флот на поединок. Интеллигенция не скупилась на сарказмы. Рядовые избиратели президента Трумэна тоже были уязвлены тем, что американцы-освободители предстанут перед всем миром в образе азартных игроков и букмекеров.

Каждый из соперников в случае победы ожидал получить приз звонкой монетой в виде дополнительных кредитов от конгресса. Один из самых популярных журналистов Америки, Уолтер Липпман, потрясенный разрушением Хиросимы, опасался, как бы флот не уничтожил сам себя в «Пирл-Харборе атомной эры». Зачем решать споры таким варварским, средневековым способом, лишенным, ко всему прочему, всякой стратегической цели? Он упрекал Блэнди в том, что тот уподобился игроку тотализатора, поставившему последний цент на темную лошадку.

«Не могу отделаться от мысли, — писал Липпман, — что зрелище разнесенных у Бикини на куски кораблей послужит дурной славой нации. Быть может, после этого американская общественность и конгресс начнут недооценивать важность флота и переоценивать стратегическое значение атомной бомбы.

...Даже если все суда, собранные для испытаний в лагуне Бикини, обратятся в пепел, флот не потеряет своего жизненно важного значения для Соединенных Штатов. Верно, что атомная бомба не позволяет кораблям маневрировать в плотном строю. Но столь же ясно, что суда, рассеянные на некотором пространстве,

сохранят свою роль в будущих войнах, не говоря уже о том, что флот остается мощным орудием дипломатического воздействия. Практика показывает, что он прекрасно выполняет полицейские функции».

Тем временем вице-адмирал Блэнди упрямо готовил свою «победу». Его противники отвергали любые сомнения в разрушительном эффекте своего детища, прозрачно намекая, что фиаско флота будет выглядеть апокалипсически. Бикини станет новой Хиросимой для морских черепах и крабов, как и для 3529 подопытных животных, которые останутся на борту корабля. Что могло спасти вице-адмирала? Неточность бомбометания?

Специалисты ведомства авиации отвечали на это:

— Уцелеть от взрыва бомбы такой мощности невозможно. Это стихия.

Ну что ж, поживем — увидим. Исполнители главных ролей еще не появились на сцене. Классический закон вестерна не нарушался: противники, всячески преувеличивая собственные силы, грозили друг другу всеми муками ада.

Интрига щекотала нервы гостей.

Андре Лабарт был единственным французским журналистом, допущенным на борт «Аппалачиена», где разместили иностранных наблюдателей. По пути на Бикини он передал в газету «Франс суар»:

«Напряженное ожидание» фантастического зрелища может вызвать теленеврастению, атомную горячку и электролихорадку. Тут недолго пуститься назад без оглядки еще до первого звонка и начать бредить, еще не узрев спектакля».

К тому же у пассажиров «пресс-судна» в случае паники или внезапного желания покончить жизнь самоубийством не было, как у жителей Нью-Йорка, возможности позвонить среди ночи в Общество по предупреждению смерти от удушья по телефону Реджент 4-1500. Милосердные благотворители, по словам Лабарта, «тотчас отрядили бы к вам седовласую утешительницу со сладеньким рассказом о прелестях жизни и надеждах на будущее».

В сгушавшихся сумерках пилоты самолетов-разведчиков, кружащие над лагуной Бикини, едва различали темную гроздь кораблей-мишеней, стоящих на якоре

близ пустынных берегов. В течение всего дня экипажи покидали суда. Впервые в истории морских сражений было приказано бросить исправные боевые корабли, которым ничто не угрожало. На палубах крейсеров и линкоров место людей заняли сотни подопытных животных. Морские свинки, крысы и белые мыши обнюхивали свою новую обитель — ноев ковчег — перед генеральной репетицией конца света.

Ученики чародея, пожелавшие внести в Библию ядерные поправки, не ведали, чем может закончиться вызванный ими великий потоп, а посему предпочитали наблюдать за оставленной живностью из надежного укрытия.

Тридцать четыре тысячи рабочих и саперов погрузились на транспорты конвоя и вышли в открытое море. Специалисты до глубокой ночи копошились в запретной зоне. Физики в последний раз проверяли дозиметрические приборы, установленные на решетчатых стальных башнях по всему берегу. Медики из санитарной службы поливали палубы обреченных судов жидкостью, содержащей бактерии различных инфекций и вирусов: пассажирам ноевых ковчегов — от морских свинок до бактерий — предстояло принять радиоактивную баню. Камеры, радары, сейсмографы... Осмотр закончен. Когда взошла луна, атолл обезлюдел. Крысы забегали по могилам предков народа Джуды.

Техники наблюдательных судов облачились в специальные комбинезоны. Некоторые покрыли бритые головы специальным защитным составом: кто знает, если ветер переменится, из радиоактивного облака может пойти дождь.

Вице-адмирал с удовольствием перечитал метеосводку. Небо над лагуной было безоблачным.

— Не небо, а мечта, — сказал Блэнди своим офицерам. — На рассвете В-29 выйдет на цель без помех.

4

Убить как-нибудь три часа.

Через три часа Вуди поймает в рамку прицела ноевы ковчег и выпустит «Джилдуду». Гарольд Вуд, по прозвищу Вуди, был бомбардиром «летающей суперкрепости», которой предстояло с высоты тридцати ты-

сяч футов сбросить бомбу на эскадру кораблей-призраков.

В маленьком городишке на Среднем Западе Америки хозяин бакалейной лавки украсит свое заведение цветами и флагами: когда-то Вуди стоял там за прилавком. Пять лет назад, до того как записаться в авиацию, Гарольд занимался всем понемногу — типичная судьба американского парня из глухой провинции. И вот на рассвете его имя войдет в историю.

Вуди не разрешили взглянуть даже краешком глаза на смертоносный груз. Сам командир бомбардировщика майор Суонкат вынужден был принять на борт таинственный контейнер без досмотра. Какая разница! Когда в их присутствии произносили кодовое название бомбы — «Джилльда», в воображении служащих авиабазы неизбежно представало тело голливудской дивы Джилльды Хейворт. Армейские психологи отлично понимали, что без Прекрасной Елены Троянской войны не бывать.

Шестеро членов экипажа, обстрелянные летчики, на счету которых 239 боевых вылетов на японские позиции в районе Юго-Восточной Азии, поклялись всеми святыми, что они не суеверны. Командование заверило их, что предстоящее самолету задание несколько не опасней тех, что им довелось выполнять. Никаких чрезвычайных мер предосторожности. И все же червь сомнений точил душу... Ядерная мощь. Груз ответственности перед историей. Кроме того, не известно, как поведет себя В-29 при встрече с ударной волной, при перемещении огромных воздушных масс. Коллеги, бомбившие Хиросиму и Нагасаки, получили изрядную встряску. Кто знает? Вдруг ионизированные частицы выведут из строя бортовые приборы...

Чтобы развеять тревогу, члены экипажа пытались шутить. Но уж кто-кто, а летчики знали, что присутствие высокого начальства на земле — эфемерная защита в воздухе.

У штурмана суперкрепости Билла Адамса был амулет: индийская серебряная рупия. В эту ночь он не шутил, как обычно: «Когда я играю в баре с ребятами в орла и решку, рупия всегда приносит мне удачу». На сей раз монетой никого не обманешь.

Бортмеханик Роберт Гленн никогда не садился в ка-

бину без стертого цента и детского носка, который носил его сын. У радиста Пола Ченчарна талисманом служили четки.

— Я вожу с собой старое полотенце, — признался командир. — Оно летает со мной уже десять лет.

— Что? — воскликнул Вуди. — Эта грязная тряпка, которую ты суешь под сиденье?

— Так точно. Мне подарил его близкий друг, когда я занимался боксом. Я всегда кладу полотенце под сиденье. Оно еще ни разу не было в стирке. А что у тебя, Вуди?

— Ничего. Руки и карманы пусты.

— Ладно, кончай, выкладывай, что у тебя за гри-гри³.

Майор Суонкат не сомневался в точности бомбометания: он свято верил в своего бомбардира. Накануне днем он рассказал корреспонденту агентства Ассошиэйтед пресс:

— Когда Вуди прицеливается к прицелу, он спокоен, как статуя Свободы. Мы уверены, что он не промахнется. Вуди никогда не промахивается. Думаю, ему даже в голову не приходит, что он может сбросить бомбу мимо цели.

Командир не жалел лестных слов и для своего самолета, которому дал кличку «Мечта Давида». Он расхваливал В-29, словно скаковую лошадь:

— Это лучшая машина, которую я водил в своей жизни. Она послушна малейшему приказанию.

Трое инженеров, опекавших «Джилльду» с момента ее выхода с завода, поднялись на борт задолго до экипажа. Им надлежало проверить все самим.

1 июля 1946 года.

Бомбардировщик «Мечта Давида» (пройдет немного времени, и в США появятся модные духи под тем же названием) стартовал в 3.45 утра с секретной базы на острове Кваджалейн и взял курс на атолл Бикини. Высота полета — 30 000 футов. В 7.00 летающая суперкрепость вышла в расчетную точку «В», в 80 километ-

³ Амулет от «дурного глаза» у жителей побережья Западной Африки.

рах к юго-западу от «Пирл-Харбора атомного века», и начала первый заход. Одновременно в воздух поднялись истребители F-6F и «летающие крепости» B-17; они стали кружиться на разных высотах. Чуть позже были выпущены «дроны» — беспилотные управляемые по радио самолеты, которым предстояло пройти радиоактивный гриб.

8.30. Радист адмиральского флагмана оповещает все суда:

— Внимание! Осталось тридцать минут!

Вуди берет управление на себя. В крестике прицела он видит силуэт «Невады» — одного из отданных на заклятие крейсеров.

— О'кей. Следующий заход наш.

Обратный отсчет начался.

— Две минуты, — гнусавит бомбардир в микрофон.

На палубах наблюдательных судов присутствующие надевают темные очки.

— Одна минута... Тридцать секунд...

Вуди берется за ручку бомбосбрасывателя. Огромные створки люка раскрываются.

— Бомба сброшена!

В ту же секунду Суонкат перенимает управление и заходит в крутой вираж на 60 градусов. Маневр был предусмотрен данными ему строгими инструкциями: авиационное командование США не имело ни малейшего желания имитировать классический трюк «политого поливальщика»⁴. Приносящее удачу полотенце прилипло к ягодицам пилота «Мечты Давида». Штурман чувствовал себя богачем, сжимая в ладонях индийскую рупию. Майору нет времени смотреть, что происходит внизу на воде, — через минуту смертоносная колонна упрется в небо.

— Ну что ж, мы честно заработали себе отпуск где-нибудь на райском островке, — широко улыбается Вуди.

Ласковый песок, пальмы, изумрудное море, девушки в гирляндах цветов. Как на Бикини...

—...Вот теперь, ребята, я могу сказать, что было моим талисманом. «Джилльда»!

Ну что ж, в добрый час. Вуди, пусть удача и впредь

⁴ «Политый поливальщик» — один из первых сюжетов, снятый изобретателями кинематографа братьями Люмьер.

сопутствует тебе. Тебе нет никакого дела, уцелел ли американский флот или разнесен в щепки, стоят ли пальмы на Бикини или обращены в пепел. Как бы то ни было, отныне мир будет иным, чем прежде, хотя и трудно в точности сказать, что он потерял...

* * *

Вспышка!

Искусственное солнце на миг залило все вокруг мертвенным светом. Мертворожденное светило.

Огненный шар сплюснулся и изверг во все стороны клочья розовой, желтой и белой ваты. Багровые клубы раскрывались, словно лепестки гигантского артишока. Колонна вознеслась на 6 тысяч метров и уперлась в лазурное небо. Шар начал расползаться, принимая форму шляпки гриба. Перегретый воздух втягивал в гигантский рожок продукты распада, придавая им характерную форму атомного облака. Через девять минут гриб поднялся на 8 тысяч метров, стал серым и медленно пополз на юго-запад.

На палубе пресс-судна «Аппалачиен», где сгрудились гости водного праздника, никого не сбросило за борт, никого даже не опрокинуло ударной волной. Вместо колоссального перемещения воздушных масс, о котором трубили специалисты, — едва ощутимый толчок.

Три беспилотные «летающие крепости», ведомые по радио на разных высотах, нырнули в клубящееся ионизированное облако. Показания установленных на борту счетчиков Гейгера фиксировались на расстоянии. Эти «роботы-камикадзе» считались заведомо потерянными, никто не думал об их посадке. Предполагалось, что зажигание перестанет работать, моторы выйдут из строя и беспилотные «дроны» рухнут в море. Но что это? Все три машины благополучно выходят из облака. Четвертый самолет этого же типа упал, но это случилось еще до взрыва. Значит, аппараты американских ВВС способны противостоять атомному нападению!

Ядерный занавес поднялся над Бикини. Что там? Море, должно быть, поглотило свои жертвы. Не осталось, наверное, ни подопытной эскадры, ни цепочки островов.

Корабли обратились в прах, атолл сгинул в пучине...

■ ■ ■

Не будем, однако, торопиться. Бикини после взрыва не было суждено пополнить список затонувших атлан-тид: на острове вместо ожидаемого полного распада и апокалипсической волны горит пожар средней руки.

Море спокойно.

В лагуне корабли армады держатся на плаву, за исключением двух небронированных судов; еще несколько пылают как факелы. Пальмы на Бикини стоят как стояли. Столбы и металлические башни с измерительными приборами, словно в насмешку над военными, целы и невредимы. Наблюдатели стягивают с головы резиновые маски и вытирают взмокшие лица. На экранах контрольных приборов отчетливо видны силуэты главных судов подопытного флота. Начали подсчет.

Потоплены транспорт «Джилайн» и эсминец «Лэмпон». Горят четыре судна, в том числе авианосец «Ин-депенденс», находившийся ближе всех к эпицентру взрыва.

Семь кораблей большого тоннажа получили легкие повреждения. На борту «Аппалачиена» научный редактор агентства Ассошиэйтед пресс Говард Блейкли вычеркивает крейсер «Принц Евгений» из списка погибших судов: поначалу его спутали с другим. Говард не-сказанно рад — все выглядит так, будто Вуди-бомбардир и не сбрасывал свой талисман в этом месте. Гости едва скрывают разочарование.

Зато адмирал У. Х. П. Блэнди ликует. Он объявляет по радио:

— Ну, ребята, поздравляю! Полный успех!

Часть флота спасена: ВМС оказались неуязвимы для нового разрушительного оружия. Американский флот даже сильнее, чем считали! Авиация, правда, оспаривает результат теста, дав понять физикам, что те плохо рассчитали силу удара. Задетые ученые ставят под сомнение точность бомбометания. Зачем было сбрасывать бомбу с самолета — не лучше ли взрывать ее в неподвижном состоянии? Разгорался азартный спор.

Флот оспаривал утверждение, что он провел «нечистый» эксперимент. Авиационное командование отказывалось признать малейшую баллистическую ошибку.

Пусть уж лучше флот пожинает лавры уцелевших «победителей атомной войны». Вторая попытка покажет, кто прав. Адмирал Блэнди хорохорится, но посмотрим, как он поведет себя перед вторым тестом. (Действительно, когда прошел первый угар, адмирал Блэнди перестал принижать разрушительные качества Бомбы.)

Приземлились беспилотные самолеты, из них извлекли записи показаний бортовых приборов. Плавающие лаборатории отправились за образцами, оставленными на палубах судов в лагуне, и начали брать пробы воды с разных глубин.

Вертолет облетел лагуну и приземлился на острове; оттуда вышли люди в защитных комбинезонах. Они осторожно ступили на атолл, словно космонавты, опустившиеся на чужую планету, и набрали в пластиковые мешочки несколько горстей земли — для исследователей послевоенной поры они представляли не меньшую ценность, чем образцы лунного грунта для ученого мира в 1969 г.

Когда авангард возвратился, приступили к авральным работам. Вскоре лагуна приняла вид огромного морга, в котором суетилась армия судебно-медицинских экспертов. Техники начали подбирать звериные экипажи сожженных и зараженных новых ковчегов... Они обследовали корпуса, надстройки, радары, оружейные стволы. Каждое судно было разбито на условные секторы, носившие кодовые наименования известнейших марок американских автомобилей.

— Пойди взгляни, как там белые мыши у «Форда». А Джо пусть зайдет к «Паккарду» и пересчитает дохлых свиней. Вы спуститесь к «Крайслеру» — посмотрите, не облезла ли шерсть у коз.

Согласно программе, трупы погибших животных надлежало заморозить и отправить самолетом в Штаты.

— Потрясающе! Артур жив!

Один техник, обшаривая сгоревший корпус «Сакавы», натолкнулся на поросенка, тут же прозванного Артуром: он остался жив после пожара судна. Новость тут же передали по радио на адмиральский флагман «Монт Маккинли».

— Значит, — обрадованно воскликнул адмирал, — будь в этой каюте капитан, он остался бы жив!

Несколько дней спустя радость пришлось поумерить.

Медицинские светила, денно и ночно следившие за уцелевшими животными в плавучем госпитале, нашли состояние Артура критическим. Доживет ли он до завтра? Медики воздерживались от прогнозов.

Теперь уже никто не пытался преуменьшить ущерб, причиненный «Джилдой». Журналистам пресс-судна начали раздавать похоронные бюллетени: животные, вышедшие, казалось бы, целыми и невредимыми из теста, мерли как мухи. «Болезнь Бомбы», как называли ее японцы, леденила спину. Присутствующие воочию могли убедиться в смертельном воздействии радиации на кровавые шарики и костный мозг жертв Хиросимы и Нагасаки...

Однако 16 июля 1946 г. адмирал выступил с решительным опровержением слухов о массовой гибели.

— Могу вам заявить, что 84,7 процента животных, подвергшихся воздействию первой бомбы на Бикини, до сих пор живы. Цифры? Пожалуйста. На судах разместили 3529 животных: 2982 из них дышат, как вы и я, 750 будут использованы в повторном опыте — тесте «Бейкер», намеченном на 24 июля.

Поросенок все еще был жив.

В последующих заявлениях Блэнди уже не трубил о победе. Он признал, что, если бы бомба взорвалась точно по вертикали над нулевой точкой, крейсер «Невада» неминуемо должен был затонуть или по крайней мере превратиться в плавучий обломок.

Выходит, бомба была сброшена не совсем точно, вопреки торжественному заявлению, сделанному в день «Д»...

«Неточно» — обтекаемый термин, для того чтобы избежать слова «промахнуться». В итоге начальство вынуждено было признать, что «Джилда-I» взорвалась в 500 метрах от цели. Тем не менее она смогла вывести из строя тяжелые бронированные корабли. Оставайся экипажи на местах, потери были бы велики — много обожженных и облученных. Но перед началом испытаний зрителей готовили к зрелищу конца света, поэтому пришедшие на апокалипсический спектакль были разочарованы. Более точный расчет был призван явить во всей красе разрушительную мощь ядерного оружия.

С начала высылки прошло четыре месяца. Бывшие владельцы Бикини, всеми забытые, медленно угасали в обители Либокры. «Царь Джуда» попросил доставить его к губернатору; патрульный корабль взял его на борт.

За два дня до второго взрыва иройджа пригласили взглянуть на разрушения, произведенные новым оружием на атолле. По этому случаю Джуда облачился в выходное платье: брюки цвета хаки, белая рубашка и черные ботинки с белыми шнурками.

Стоя с торжественным видом у фальшборта на палубе адмиральского судна, иройдж отдавал честь каждому проходившему офицеру: в представлении темнокожего бикинийца с натруженными руками рыбака это был знак мира. Джуда спросил у вице-адмирала, сможет ли он присутствовать при взрыве «Джилды-II». Блэнди ответил:

— Это невозможно. Я не имею права допустить вас без письменного разрешения президента Соединенных Штатов. А оно не успеет прийти в срок из Вашингтона.

Он был рад избежать присутствия ненужного свидетеля. Наверняка тот станет смотреть на них глазами хозяина, трясущегося за свою мебель. Разве способен необразованный островитянин оценить научное значение для человечества принесенной им жертвы?

Джуде позволили высадиться на атолле и совершить короткую прогулку по незараженной части. Иройджу показалось, что особых повреждений нет. Пляж немного изрыт, но на цепочке островков по-прежнему зеленеет густая листва. Разве что бетонные бункеры и металлические башни оскверняли знакомый с детства пейзаж.

Он в задумчивости постоял возле могил предков. Они были на месте. Так он и сообщит по возвращении на Ронгерик встревоженным алабам (их первый вопрос будет об усыпальницах предков).

Джуда обвел прощальным взглядом лагуну. Внешне она не изменилась. Во всяком случае, опасность не была видна. Да и можно ли уловить разницу между мирными водами, где он купался и промышлял рыбной ловлей, и водами, зараженными радиоактивными веществ-

вами? Воды лагуны по-прежнему были прозрачными.

Иройдж уехал с твердым намерением вернуться в скором времени на землю предков — сразу, как только закончатся испытания. Не будучи допущенным ко второму тесту, он не мог представить себе, какая опасность нависла над семейными могилами, кокосовыми пальмами и панданусами. На сегодняшний день состояние острова вполне устраивало его, тут не было никаких сомнений. Если власти станут и впредь оттягивать возвращение, он не намерен больше выслушивать доводы оккупантов. Пусть даже не заикаются о том, что Бикини, мол, не пригоден или опасен для жизни. Он там был и собственными глазами убедился в обратном!

Подопытную эскадру — 87 судов — составили пережившие первый взрыв корабли. На сей раз бомбу поместили в водолазный колокол, служивший обычно для подводных работ. Подвешенная к днищу десантной баржи батисфера была опущена между кораблями.

Блэнди созвал пресс-конференцию. Отвечая на вопрос Лабарта (французский журналист присвоил вице-адмиралу прозвище Ретивый, получившее широкое хождение на пресс-судне), руководитель эксперимента сказал:

— В результате взрыва значительная часть эскадры может пойти ко дну, а атолл может быть затоплен.

Вначале полагали, что бомба вызовет волну высотой тридцать метров. Но накануне теста некоторые специалисты высказали предположение, что в воздух поднимется около миллиона тонн воды, гейзер способен взвиться на 3 тысячи метров. Другие пожимали плечами: при испытаниях тринитротолуоловых зарядов на Соломоновых островах водяная колонна не превысила сотни метров. Что касается волн, то их амплитуда резко падает по мере удаления от эпицентра, так что высота при подходе к цепочке островов атолла будет порядка трех метров.

5

Баржу со смертоносной бомбой вывели на арену гигантского цирка; насколько хватало глаз, вокруг торчали трубы, башни, надстройки. Водолазный колокол

погрузили на глубину пятнадцати метров. Матросы в белых робах закончили приготовления. Был отдан приказ очистить место действия. Скоро начнется обратный отсчет времени.

Неожиданно пилот патрульного вертолета, обзревавший в последний раз лагуну, сообщил:

— С судна-мишени сигналят люди!

Тут же был послан быстроходный катер. Оказалось, трое техников от усталости прикорнули на палубе «Гасконнейда» и про них забыли. Когда они проснулись, лагуна уже опустела. Еще немного, и их сигнала никто бы не заметил. Техников ожидала трагическая судьба.

В 22.30 по среднеевропейскому времени молодой физик из Лос-Аламосского атомного центра Маршалл Холлоуэй включил рубильник дистанционного взрывателя. Пять минут спустя море взметнулось к небесам.

Миллионы радиослушателей в Америке и Западной Европе слушали по Си-би-эс и Би-би-си прямую трансляцию светопредставления. Вначале это было похоже на грохот поезда, вырвавшегося из туннеля, затем раздалось оглушительное «бам». В «цирке» началось представление.

Наблюдатели пресс-судна и адмиральского флагмана увидели взмывший посреди лагуны гигантский гейзер, принявший форму хлопкового куста. Обреченный флот исчез в облаке пара.

Радист «летающей крепости» возвестил с неба:

— Бикини превратился в кипящий котел! Вижу сплошное пламя и дым.

Через пятнадцать минут после начала «извержения» удалось различить силуэт лишь одного корабля из восьмидесяти семи судов эскадры. Но затем, по мере того как «белая смерть» уползла в небо, толкая вверх пронизанный солнечными лучами кокон, на поверхности моря возникали все новые и новые силуэты.

Преисполненный прежнего оптимизма атомного шоу, Сесил Б. Милл⁵ сообщил по радио с адмиральского судна, что потоплен всего один крейсер. Однако через несколько часов список жертв начал пополняться. С па-

⁵ Известный американский кинорежиссер, постановщик многочисленных вестернов.

лубы пресс-судна гости следили за агонией смертельно раненных судов.

Авианосец «Саратога» погибал семь часов.

Диктор по радио лил крокодиловы слезы, глядя, как гигант неотвратно погружается в морскую пучину:

— Смотрите, исчезла посадочная палуба. Боковая башня медленно кренится... Ага! Нос коснулся дна, значит корма будет опускаться медленнее... Джентльмены, теперь не только моряки, но и вы знаете, как идет ко дну плавучий город. Не проронив звука, не издав стопа!

На сей раз никто не аплодировал зрелищу, не подпрыгивал и не хлопал себя по ляжкам в восторге от того, что моряки утерли нос летчикам. Как в прошлый раз, облако поднималось к небесам. Со стороны оно казалось совершенно безобидным — розовый туман над зеленой долиной.

В девятистах метрах от нулевой точки волны поднялись на тридцатиметровую высоту. Шквальный вал пронесся по палубам. Но у берегов островков волны достигали не более трех метров. Переместилось в общей сложности три миллиона тонн воды. В корпусах судов образовались многочисленные течи.

На поверхности бирюзовой лагуны пятном проказывала зеленая пена. Гладкое зеркало, в котором еще совсем недавно мелькали облака над стайками тропических рыб среди бахромчатых кораллов да отражались безбородые лица молодых рыбаков, превращалось в клоаку из гниющих водорослей и дохлых крабов.

Главным сюрпризом второго акта испытаний стали интенсивность и широта распространения радиации. Многодневная агония крейсера — ничто в сравнении с медленной смертью, которая ожидала бы его моряков, подвергшись они облучению.

А режиссер «Пирл-Харбора атомного века» выпускал радужные бюллетени. Как будто смертоносный эффект бомбы измерялся пущенным на дно тоннажем!

И через неделю после взрыва нельзя было приблизиться к уцелевшим в лагуне кораблям, равно как опустить водолазов, чтобы обследовать затонувшие боевые единицы и обмерить образовавшиеся в «полу» океана кратеры.

Облачившись в белый халат, «доктор» Блэнди выбрал по жребию пять пассажиров пресс-судна, которым была оказана честь принять участие в осмотре его коллекции монстров. Адмиральский катер на хорошей скорости промчался по бикинийскому полю сражения, круто виляя между радиоактивными каркасами. Самый необыкновенный парад на памяти адмирала!

Не было ни салюта, ни оркестра. Матросы, оказавшись они на палубе, могли встретить своего командующего лишь смертельным оцепенением. Адмирал отдал честь умирающим, покалеченным, искореженным и изъязвленным боевым кораблям. Мазутная радуга кругами расходилась по поверхности, покрытой коричневым слоем липкой гадости. Трудно даже поверить, что здесь еще недавно была самая чистая и незамутненная бухта на белом свете.

Звуковой сигнал предупреждает об интенсивной радиоактивности. Скорее прочь! Катер резко меняет курс, обходя смертельно опасные зоны. Стрелка счетчика Гейгера вновь начинает метаться как угорелая, а метроном гамма-излучения точно отщелкивает ритм. По мнению специалистов, быстрый объезд лагуны не представлял особого риска, если не задерживаться нигде больше минуты.

Вход на палубы подопытных судов строжайше запрещен. Семь дней спустя после устроенной «доктором» Блэнди водной феерии счетчики Гейгера на башне крейсера все еще показывали 100 рентгеновских единиц. Даже на борту судов, находящихся в момент взрыва в нескольких километрах от эпицентра, было опасно оставаться более пятнадцати минут. На лагуну обрушился радиоактивный дождь, во все швы и складки судов попали продукты распада.

Пиротехники на сей раз были захвачены врасплох. При первом испытании в воздухе опасные частицы втянуло в гриб, и ветер быстро отогнал облако с театра военных действий. Сейчас смертоносные осадки остались в воде. Цепь островков вокруг лагуны не позволяла отравленным веществам растечься по океану.

Известно, что радиоактивность продуктов распада снижается, но некоторые изотопы держатся долго. «Доктор» Блэнди в сомнении: как оценить? Придется ждать результатов тысяч анализов. Жаль, что ядерный щит

не позволяет проводить исследования в момент, когда они представляют наибольший интерес.

Едва отгремел второй взрыв, как бывший главнокомандующий Тихоокеанским флотом США Томас Харт с трибуны сената в Вашингтоне обвинил летчиков в том, что они испортили первый опыт. Авиация из рекламных соображений требовала доверить ей бомбу. И вот результат — Вуди промахнулся на несколько сот метров.

— Уж лучше б они подвесили бомбу к воздушному змею!

Верно. Точность была бы абсолютной. Забегая вперед, вспомним, что французы в 1966 г. поместили атомную бомбу в гондолу привязного аэростата и взорвали устройство в 600 метрах над атоллom Муруроа в Полинезии.

Но в Вашингтоне были озабочены другим, куда более щекотливым делом. В Комиссию по атомной энергии стали стекаться сведения о том, что атомное облако, сгинувшее после первого «акта» операции «Перекресток», обнаружилось... в другом полушарии. В частности, над Францией.

Специалисты Национального центра научных исследований взяли пробы воздуха на расположенной высоко в горах обсерватории Пюи де Дом. Затем самолеты французских ВВС подняли приборы на высоту 6 тысяч метров. В атмосфере было зарегистрировано наличие подозрительных частиц.

Ответ Вашингтона гласил:

— Сомнительно, чтобы эти частицы принесло с Бикини. Как вы установили их происхождение? Ведь в атмосфере обычно присутствуют подобные частицы, вызванные природной радиоактивностью и космическим излучением.

Французские физики не сдавались:

— Характеристика данных частиц не соответствует ни одному из известных природных радиоактивных тел.

Принимая это во внимание, вашингтонская администрация не собиралась выступать в роли арбитра грандиозного матча между авиацией и флотом. Эйфория, вызванная «успехом» «Джилльды-I», сменилась глубокой озабоченностью. Расстояния никого не спасают. Любая страна, даже дружественная, может быть затронута... Выяснилось, что побочные действия оружия уст-

рашения — в те времена еще не употреблялся термин «ударная сила» — не поддаются контролю.

Более того, зверь мог наброситься даже на того, кто его выпустил. Что произойдет, если Облако на огромной высоте начнет носиться над всей планетой — городами, домами, школами? Кто может дать гарантию, что оно не вызовет тяжких последствий?

Для ученых это звучало неубедительно, но рядовых граждан объял ужас перед атомной бомбой. Можно точно указать время его появления — конец июля 1946 г. Характерно, что паника поддавалась контролю гораздо меньше, чем новое оружие.

Достаточно было малейшего сомнения, чтобы страх приобрел огромные масштабы. Он распространялся с быстротой вируса.

С борта «Аппалачиена», пьяного корабля ядерной кругосветки, журналист Андре Лабарт передавал по радио читателям «Франс суар»:

«Меня не покидает страх перед атомом-убийцей. Необходимо как можно скорей избавиться от этого чудовища двадцатого века... Узнав, что крейсер водоизмещением двадцать шесть тысяч тонн пошел ко дну как топор, я подумал о Париже. О том, что может сделать скрытая в красивом облаке зловеющая радиоактивная сила с нашими седовласыми матерями, со смеющимися детьми и прелестными девушками, которым не суждено будет познать любовь».

Двадцать пять лет спустя создатели «чистой» бомбы и хитроумные дипломаты ядерного нейтралитета сочтут этот рефрен Лабарта за лирический всхлип старомодного пацифиста. Тем не менее его слова в точности передают панический страх перед дыханием Бикини — кстати, страх, вполне оправданный в те времена, когда еще не существовало средств защиты от радиации.

Все это неизбежные издержки освоения нового, решились в Вашингтоне.

Это был риск испытателей.

Пока шла подготовка к операции «Перекресток», гидросамолеты, регулярно выполняющие рейсы между Кваджалейном и Бикини, иногда делали посадку в ла-

гуне Ронгерика: военные тоже не лишены были свойственной туристам любознательности.

Летчики раздавали приплывшим на пирогах эмигрантам пачки сигарет и жевательную резинку в обмен на плетеные «сувениры». Подавленное настроение островитян не могло не броситься в глаза визитерам. Они доложили об этом коммодору Бену Уайетту. Жалобы бикинийцев были все на один манер:

— Кокосовые орехи сгнили...

— Рыба в лагуне отравлена...

— Вода в колодцах имеет ужасный привкус...

— Нечем чинить прохудившуюся кровлю. Ветер срывает крыши...

Свидетели подтверждали сказанное. Селение напоминало богадельню. Собиратели валились с ног от усталости. Рыбаки, забравшись под пироги, подолгу лежали там.

Куда подевались былое кипение жизни, рабочая сноровка и заразительное веселье, свойственные любой маршалльской общине?

Военные власти не могли полностью содержать горстку непокорных бикинийцев. На флоте проходила массовая демобилизация: как-никак, война кончилась. У губернатора нет таких средств, как у руководителей операции «Перекресток». Интендантство — не бездонная бочка.

Губернатор был крайне раздосадован, узнав, что подданные «царя Джуды» сетуют на свою судьбу.

— Какая муха их укусила? Что им надо? Казалось бы, живи и радуйся — ни забот, ни хлопот: захотел рыбки — нагнись и возьми, захотел фруктов — подпрыгни и сорви.

— Похоже, что ресурсы Ронгерика совсем истощились...

— Чепуха! Просто они не приспособлены к жизни.

— Переселенцы деморализованы...

— Это рекламная шумиха вокруг Бикини вскружила им головы. Упрямые тунеядцы возомнили себя наследными принцами! Мы не можем их содержать.

— Они не смогли прижиться на острове...

— Они получили в точности то, что имели. Здесь все лагуны и пальмы одинаковы. Поменяйте названия — и вы ни за что не отличите их. Какая ранзица? Два атол-

ла отличаются друг от друга не больше, чем две картофелины в Айдахо.

Побывавшие на Ронгерике обратили внимание на то, что «депрессия» усилилась после визита Джуды на Бикини. Иройдж сообщил алабам, что родной остров целехонек и они смогут вернуться туда, как только закончатся маневры американского флота. Они не подозревали, какую опасность таит в себе радиоактивное заражение.

С этого дня жизнь в изгнании стала для них невыносимой.

Зачем сопротивляться козням Либокры? К чему делать запасы, если не сегодня-завтра придет корабль и увезет их отсюда?

Ведь он придет, правда? Он не может не зайти в родимую лагуну. Предки уже заждались их. Плоды совсем спели. Алабы раздадут детишкам надрезанные кокосовые орехи, те поднесут их к губам, и молоко растечется по жилам, наполняя их свежестью и силой. Под навесом, где заготавливают копру, вновь зазвучат песни. Между деревьями протянутся длинные гирлянды сохнувших на солнце раковин и орехов. На заповедных островках атолла морские черепахи, должно быть, уже зарыли в песок яйца, воронки от бомб не помешали им.

На Ронгерике бикинийцы бродили, как призрачные тени в чужом краю. Сердца их сжимались от тоски при мысли о дальней дороге. Они закрывали глаза, мечтая о предстоящей работе и жизни на атолле, где все будет, как прежде.

Пальмы и юркие рыбы в лагуне служили дьявольским козням Либокры, пытавшейся околдовать их в своем чертоге обманчивым сходством с неповторимым Бикини. Но бикинийцев не так просто обвести вокруг пальца, их не обманет внешний вид лжеплодов и лжерыб, они не станут растрачивать свои силы попусту.

Странное выражение употребляли «бамбуки-американцы», браня островитян за нежелание работать. «Итальянская забастовка»? Никогда они не слышали ни о чем подобном. Американцам было невдомек, что бикинийцев способна отвратить от работы одна-единственная вещь на белом свете — тоска по родине...

— Задание выполнено!

В сентябре вице-адмирал Блэнди вылетел в Вашингтон с докладом об итогах операции «Перекресток». Не имея возможности представить ее как победу флота, руководитель квалифицировал исход операции как «технический успех». Друзья профессора Оппенгеймера с усмешкой говорили, что адмирал ошибся рейсом: ему следовало бы приземлиться в Голливуде для получения «Оскара»⁶ за лучшую постановку года.

Джуда и алабы восприняли эту весть однозначно: эксперимент завершен, поле боя очистилось, бикинийцы могут возвращаться на свою землю под сень духов предков. Остаточная радиоактивность? Дезактивация? Подобные понятия не уместались у них в сознании. Они не подозревали, что этими двумя магическими заклинаниями Блэнди побудил Пентагон задержать переселенцев на Ронгерике:

«Понадобится еще несколько месяцев, прежде чем опасность остаточного воздействия будет полностью устранена и постоянные обитатели атолла смогут вернуться на прежнее место жительства».

Любой военный специалист подтвердил бы, что загорать на том или другом атолле — абсолютно то же самое, что проводить отпуск во Флориде или Калифорнии.

На Бикини был объявлен карантин. Никому в голову не приходило поинтересоваться, как живут ссыльные — «постоянные обитатели». А они каждодневно вели бой с Либокрой. Бой за выживание. Ерунда! Губернатор на Кваджалейне убежден, что все дело во врожденной лени островитян.

В июле 1947 г. на Ронгерике побывал курсант военно-морской медицинской академии, проводивший санитарное обследование Маршалловых островов. Он доложил начальству, что жизнь бикинцев находится под серьезной угрозой. Основной причиной, считал он, было недоедание: пищевых ресурсов на атолле явно не хватало.

⁶ Премия, присуждаемая ежегодно американской Академией киноискусства.

Отчет курсанта вызвал недовольство гражданской администрации Маршалловых островов, только что сменившей военное губернаторство. Организация Объединенных Наций поручила заботу о Микронезии американцам: отныне свободный мир обязан думать о благополучии населения опекаемых территорий. Хороший вид будут иметь Соединенные Штаты, если выяснится, что Ронгерик стал островом нищих, лазаретом для анемичных и рахитичных жителей тихоокеанского рая. Жалобы привередливых островитян можно было бы, пожав плечами, как и прежде, положить под сукно. Но обстоятельно написанный доклад врача требовал официального ответа.

В канцелярии комиссариата по опеке Тихоокеанских территорий создали комиссию и отправили ее обследовать состояние дел на месте.

В задачу экспертов входила тщательная опись природных ресурсов Ронгерика. Поскольку ни у кого из членов комиссии не было опыта по оценке урожайности хлебных деревьев, это поручили специалисту по сельскому хозяйству в тропических зонах доктору Говарду Дж. Макмиллану. Новые опекуны действовали с размахом — почему не привлечь к делу (ради общего блага) своих протеже, экономических советников?

Прибыв на Ронгерик, Макмиллан увидел зачахшие, сморщенные, больные деревья. Люди лежали на циновках, не в силах подняться. Дети смотрели блестящими от голода глазами. Свой отчет доктор составил в самых решительных выражениях:

«Урожай не может обеспечить пропитание жителей. Кокосовые пальмы старые, половина не плодоносит... Орехи полностью идут в пищу, для изготовления копры ничего не остается».

Ко всем бедам внезапная катастрофа постигла тропический рай и уничтожила и без того немногочисленные деревья. Адский пожар охватил в мае 1947 г. главный остров. Чудовищное пламя загнало женщин и детей по пояс в лагуну. Мужчины, стоя спиной к ветру, ритмично плескали в огонь воду из калечат⁷ — жалкой пародии на пожарный инвентарь. Напрасно островитяне молились о ниспослании им дождя: небеса оста-

⁷ Сосуды из высушенной тыквы.

вались безжалостно прозрачны. Когда бикинийцы, ступая по дымящемуся пеплу, двинулись в глубь острова между обугленных стволов, алабы подсчитали, что треть плодоносящих деревьев безвозвратно погибла.

Доктор Макмиллан тщательно осмотрел редкие пальмовые рощицы. Деревья были старые. Особенно плохо выглядела местная разновидность пандануса. В описи фигурировали хлебные деревья, но они годились разве что для декораций... Эксперт не увидел ни одного куста таро. Когда от голода становилось невмоготу, переселенцы в отчаянии рубили пальму и жевали ее сочную сердцевину. Неудивительно, что эти вынужденные меры привели почти к полному исчезновению продуктивных деревьев.

А как же дары моря? Ведь бикинийцы снискали себе славу искусных рыбаков. Эксперт обследовал едва держащихся на ногах от слабости людей. Их мучили тошнота, спазмы желудка. Отравление, говорили алабы. Опять черная магия? Интересно, что скажет Джуда.

— Рыбье мясо пускает яд по жилам наших братьев...

— Вот как! Ядовитые рыбы?

Вывод эксперта:

«За исключением цементных бассейнов для сбора дождевой воды и стропил для жилищ, островитяне не получили никакой помощи. Флот оказал содействие в спешной эвакуации их с Бикини, после чего их бросили на произвол судьбы. Отъезд с Ронгерика неоправданно затягивается».

Члены комиссии пришли к единодушному выводу: для бикинийцев нет более благоприятного выхода, чем новый переезд. Куда теперь?

— Опять эвакуация! — в сердцах воскликнул управляющий Маршалловыми островами. — Скажите на милость, куда я их дену? Укажите мне место, и я готов перевезти их туда.

Действительно, найти незанятое место в россыпи атоллов было далеко не простым делом. Кое-где население жило свободно, но природных ресурсов там явно не хватало для двух общин.

Оставались два необитаемых атолла: Кили и Удже-ланг. До войны там находились кокосовые плантации, где японцы заготавливали копру. Почему бы не попробовать снова?

Какому атоллу отдать предпочтение? Члены комиссии, подобно буриданову ослу, колебались в выборе между двумя внешне одинаковыми рощами кокосовых пальм. К счастью, доктор Макмиллан, имевший некоторый опыт в этой области, изложил аргументы за и против.

— Кили — изолированный остров, там нет лагуны; океанский прилив накатывает прямо на берег.

— Говорят, южная зона Маршалловых островов наиболее благодатна.

— Там больше выпадает дождей.

— Но остров дик, весь зарос джунглями.

— Бикинийцы сейчас не в состоянии обживать Кили и превратить его в центр производства копры. Ловить рыбу в открытом океане — отнюдь не то же самое, что забрасывать сети в лагуне. Следовательно, им придется возделывать землю...

— В том состоянии, в каком они пребывают сейчас, трудно от них ожидать положительных результатов.

— Зато на Уджеланге хорошая лагуна и удобный причал для судов.

— Лагуна там в два раза меньше, чем на Ронгерике.

— Общая площадь островков такая же, а молодые кокосовые пальмы обещают хороший урожай. К тому же Уджеланг расположен недалеко от Бикини, тогда как Кили — на другом конце Маршаллова архипелага.

Хорошо, пусть будет Уджеланг. Комиссия рекомендовала этот остров верховному комиссару.

Тем временем слухи о голоде на Ронгерике распространились среди персонала американских военных баз на тихоокеанских островах.

— Вам это известно? — спросил военный врач комиссара. — Говорят, что флотская администрация бросила бикинийцев подыхать с голоду в богом забытом углу!

Неблагодарные... Ну ничего, мы сумеем доказать обратное: флот вызвался обеспечить переезд на Уджеланг. Оставалось только получить согласие заинтересованной стороны.

Призрачная мечта о скором возвращении дурманила голову ссыльным, лишала их всякой инициативы. Но внезапное крушение иллюзии произвело на них эффект электрошока: бикинийцев словно вырвали из сонного

ощепенения. Ясное осознание отчаянности собственного положения, возмущение выпавшим уделом поставили их на ноги.

Они уедут. Пусть не на родную землю, но Уджеланг хотя бы станет этапом на пути домой. Покинуть Ронгерик означало прорвать замкнутую цепь злоключений и начать долгое странствие к заветной цели.

— Нужны десять добровольцев, чтоб помочь военным строить новую деревню!

Бригада строителей со всеми необходимыми материалами высадилась на Уджеланге. Саперы не могли прийти в себя от удивления при виде работоспособности островитян. Настроение их в корне изменилось: еще вчера они уныло и апатично бродили по Ронгерику, а сегодня преисполнились воли и энергии. Поистине душа аборигена неисповедима, как путь перистых облаков, что кочуют над Тихим океаном от острова к острову.

Десять дней спустя последовал новый приказ: десятерым бикинийцам собрать свои нехитрые пожитки и вернуться на Ронгерик. В чем дело? Кто-то недоволен их работой? Наоборот, они трудились превосходно. Что же тогда?

Бригаду бикинийцев сменила группа добровольцев с другого атолла, расположенного к западу от Бикини, — 145 жителей Эниветока должны были переехать через три недели на Уджеланг. Американская Комиссия по атомной энергии (КАЭ) уведомила гражданскую администрацию Маршаллова архипелага, что атолл Эниветок избран местом проведения новых испытаний «белой магии».

Уведомление равносильно приказу: полигон надлежало очистить до конца 1947 г. А куда же девать тамошних островитян? Разберитесь сами. Незачем далеко ходить — перевезите их на Уджеланг, и дело с концом.

Выходит, бикинийцы расчищали площадки под чужие дома. Строительство деревни продолжалось без них. Все шло по плану: рождество изгнанники с Эниветока отпраздновали на новом месте.

7

Пентагон вышел на оперативный простор, был взят курс на осуществление нового атомного проекта. Все прочее — дело гражданской администрации. После «фаль-

старта» бикинийцев обстановка на Ронгерике еще больше ухудшилась.

Верховный комиссар Тихоокеанских территорий решил с помощью специалиста выяснить на месте причины «кризиса» и получить совет, как их ликвидировать. Вызов был отправлен заведующему отделом антропологии Гавайского университета: тот еще до первого атомного взрыва побывал на Маршалловых островах, изучая традиции и обычаи их жителей.

— Поведение бикинийцев вызывает недоумение, — сказал верховный комиссар консультанту доктору Леонарду Мейсону. — Мы не знаем, что предпринять. Хотелось бы выработать четкую линию и в дальнейшем следовать ей. Может, им морочат головы вожди? И, кстати, кого представляют все эти иройджи и алабы? Соответствуют ли они своему назначению в столь критический период?

Верховный комиссар высказал сомнение: не потопились ли его подчиненные с выводами о том, что бикинийцы «единодушно» желают покинуть Ронгерик? Ведь помогать людям вопреки их воле трудно. Прежде чем заниматься устройством нового жилья на новом атолле, следует выяснить, желают ли бикинийцы осваивать землю. Опекунам хотелось услышать от этнографа о неспособности алабов к руководству или об упрямстве и врожденной лени островитян. Это сняло бы с администраторов все обвинения в том, что они оставили без помощи целый народ.

По прибытии на Ронгерик профессору Мейсону открылась грустная картина: деревня напоминала ссыльный лагерь. Правда, он не слышал жалоб и причитаний. Но все было и так предельно ясно. От стариков остались лишь кожа да кости. Подростков трясла тропическая лихорадка.

— Они пили воду из бетонного колодца, — пояснил алаб Килон.

Голодные младенцы сосали пустую материнскую грудь. Капли кокосового молока, которые удавалось собрать, отдавали детям. Подростки срывали еще зеленые орехи пандануса и пытались жевать их губчатую мякоть. Другие собирали на мелководье ракушки. Мейсон прибыл в самый тяжкий момент: постоянный голод усугублялся штормом. На прошлой неделе не вы-

далось ни одного спокойного дня, и рыбакам не удалось спустить на воду пироги даже в лагуне.

Группы ныряльщиков ежечасно сменяли друг друга. За день им удалось достать со дна не более сорока съедобных ракушек. В эту неделю 167 жителей острова ведьмы получали по горсти муки на человека, они размешивали ее в воде и ели.

В день приезда этнографа алабы выскребли муку со дна последнего мешка в деревенском амбаре — теперь уже пустом.

Островитяне перестали слушаться своих вождей? Гость убедился в обратном. Если бы по прибытии на Ронгерик иройдж и алабы не установили строгого контроля над распределением пищи, если бы во время голода они не сплотили людей и не заставили их сообща бороться с призраком смерти, атолл Либокры был бы сейчас безлюден.

Каждый здоровый мужчина работал не на себя и свою семью, а на сообщество в целом. Мейсон не обнаружил в селении ни богатых, ни бедных. Рыбак-неудачник получал то же количество еды, что и самый искусный. Все, что удавалось добыть в лагуне или на земле, собиралось вместе и распределялось поровну между всеми обитателями. Кто контролировал распределение? «Правительство».

Всякий раз, когда Мейсон уточнял, кто отдал приказ — Джуда или алаб, ему отвечали, что данная мера была решена «правительством» в доме совета. В совет входили иройдж и алабы народа Бикини. Каждый алаб управлял одной или несколькими полосками земли, тянувшимися от лагуны до океана, — главный остров атолла был нарезан ломтями, как рождественский пирог.

Утром 10 февраля 1948 г. пастор открыл заседание совета молитвой:

— Боже, вдохнови правительство на верное решение всех дел. Пусть удача сопутствует достойным!

Джуда и алабы составили план работы на день. В упомянутое утро одну группу они отправили на ловлю рыбы, другую послали на плантацию, а третью назначили на уборку. Если кто-то чувствовал себя больным или неспособным справиться с задачей, он должен был заявить об этом «правительству».

— Рыбаки, возьмете обе пригодные пироги. Первая

группа будет ловить в лагуне, вторая — ставить сети в океане.

Направленным на плантацию велено рыхлить землю вокруг саженцев кокосовых пальм. После обеда будут готовить пальмовое волокно, из которого женщины сплетут «сувениры»: вскоре должен прибыть торговый агент, скупавший местные поделки для сувенирных киосков в аэропортах.

Санитарной группе предстояло опылить ДДТ отхожие места и обновить развешанные по всей деревне липучки для мух.

— Так, — сказал Джуда. — Теперь посмотрим, что мы можем раздать сегодня из еды.

— Осталось немного ароурута с птичьего острова, — грустно произнес алаб Килон.

— Разделим корни на четыре котла, — распорядился Джуда.

«Правительство» острова отказалось от привилегий, здесь были все равны. Чтобы обеспечить выживание общины, деревня была разбита на четыре сектора, или квартала, — «буквона». В каждом квартале продовольствие распределял по семьям алаб. Вся имеющаяся еда, будь то рыба, плоды моря или кокосовые орехи, готовились ежедневно на четырех общественных кухнях — жизненных центрах буквонов. Ответственные лица следили за тем, чтобы каждый член общины получил свою порцию.

— Ароурута не хватит на всех, — предупредил один из алабов.

— Весь запас положим в котел. Первыми накормить стариков и детей, — решил совет. — Остальные подождут возвращения рыбаков.

Мейсон убедился, что дневное задание было тщательно выполнено, а пища раздана строго по указанию «правительства». На обед старики и дети получили болтушку из ароурута.

К вечеру вернулись с уловом рыбаки и выложили на песок восемь рыбин средней величины. Вторая группа сетями поймала штук сто мелких рыбешек, большей частью ядовитых; их сложили отдельно. Алаб разложил всю добычу — хорошие и плохие рыбы — на четыре части.

— Если человек отведаст маленький кусочек ядови-

той рыбы, — объяснил иройдж этнографу, — с ним ничего страшного не случится. Зато это еда.

Либо голод, либо боли в желудке — другого выхода не было. Улов предназначался для взрослых, не получивших в полдень болтушку. Главы буквонов забрали свои доли в корзинки и унесли на общинные кухни.

«Захотел фруктов — подпрыгни и сорви», — сказал военный губернатор. Он был бы крайне удивлен, узнав, что народ Джуды жил сейчас скорее по заповедям коммуны, нежели доисторическим сбором корней и плодов. В условиях чрезвычайного положения никто не имел права, даже на своем участке, сорвать орех или плод пандануса без разрешения «правительства». А таковое давалось в исключительных случаях. Однако и тогда плод не попадал с дерева прямо в рот: его доставляли на коллективную кухню и брали на учет при распределении пищи.

Для покупки мешка риса стоимостью 15 долларов у администрации Маршалловых островов «правительство» Ронгерики собирало по 10 центов с головы. То же самое делалось для приобретения муки и сахара. Джуда ревностно следил за тем, чтобы каждый буквон получал равное количество провианта, доставлявшегося на судах. Совет предпринимал все меры, чтобы оттянуть тяжкий момент, провизию раздавали буквально по крупицам. Но вот настал день, когда амбар был пуст.

На всякий случай алабы решили ограничить выдачу воды из бассейнов:

— Первые дожди выпадут не раньше марта...

Отныне согласно «правительственному» постановлению в день на каждую хижину выдавали по одному ведру воды. И все же, несмотря на эти драконовские меры, емкости должны были опустеть в феврале.

За неделю Мейсон детально ознакомился с создавшимся положением на острове. Администрация Маршалловых островов направила с Кваджалейна на Ронгерики гидросамолет. Прибывшему чиновнику профессор Мейсон не дал перевести дух:

— Не надейтесь, что я приглашу вас в кабинет знакомиться с собранным материалом, а потом дам неделю на размышление. Счет идет на дни, даже на часы. Необходимо срочное вмешательство, ибо силы общины на исходе. Поймите меня правильно: речь идет о спа-

сении жизни людей. Бикинийцы отчаялись, они считают, что здесь, на Ронгерике, им всем суждено умереть. Это проклятое место — «Джоб эмон» на их языке. «Не есть хорошо», — твердят они мне, в отчаянии ударяя о землю.

— О'кей, я отправлю летчика со срочной депешей комиссару: «Прошу немедленно выслать продовольствие и медикаменты».

На следующий день рано утром селение было разбужено ревом моторов: в лагуне сел самолет, битком набитый рисом, консервами, банками с фруктовым соком и порошковым молоком. На борту также находился врач. Он приступил к осмотру населения — женщин и детей в первую очередь.

— Н-да, еще немного и им бы понадобился не врач, а священник... Они в последней стадии дистрофии.

В эту ночь ребятишкам не пришлось вставать с циновки, чтобы пожевать листок или пососать пустую раковину, пытаясь обмануть голод. Бикинийцы не знали, что и думать — уж не сон ли все это?

А днем в лагуну прибыл катер с грузом усиленных флотских пайков для всех жителей. Запасов должно было хватить на неделю.

— С Кваджалейна вышел транспорт с тонной сухих продуктов для Ронгерика, — сообщил капитан.

Наконец, на рассвете следующего дня в обитель бикинийцев спустился с небес верховный комиссар собственной персоной. Профессор-этнограф, уже собравшийся возвращаться к себе на кафедру в Гонолулу, воспользовался неожиданным визитом, чтобы поставить все точки над «i».

Провал «операции Ронгерик» следует отнести целиком и полностью на счет американской политики; с бикинийцев должно быть снято подозрение в некомпетентности. Верхом несправедливости считать их вздорными детьми, способными лишь выклянчивать себе пропитание.

— Они прошли через все тяжкие испытания, сумев сохранить человеческое достоинство; в минуту отчаяния они не поддались панике; их дисциплинированность и выдержка замечательны. Вожди пользуются непрерываемым авторитетом. Теперь понятно, как островитяне смогли пустить корни на Бикини, не получая помощи

ниоткуда: у них развито природное чувство выживания. Они доказали это жизнью нескольких поколений на родном атолле. В периоды засухи их предки и они сами не раз сталкивались с нехваткой питьевой воды, с трудностями и лишениями. Но голод, подобный нынешнему, — они не испытывали никогда.

— Почему же все-таки они не смогли прижиться на этом атолле? Разве он не такой, как другие?

— Далеко не такой. Деревья не плодоносят, рыбы мало, к тому же многие виды не пригодны для еды. Производство копры крайне малое, поэтому у них не было средств для покупки продуктов на стороне. Пожар нанес непоправимый ущерб...

Верховный комиссар попросил Джуду собрать народ.

Алабы по очереди жали американцу руку и пристально глядели в глаза, произнося ритуальные фразы на маршалльском диалекте. Затем, по знаку Джуды, стали подходить женщины. Напевая, они складывали к ногам американца плетеные корзиночки. Ныряльщики одарили гостя коралловыми веточками, а детишки — собранными на мелководье раковинами.

Джуда объяснил гостю, что такие почести оказывали на Бикини иройдж-лап-лапу (королю), когда он приезжал за данью. Теперь бикинийцы были готовы признать своим новым иройдж-лап-лапом представителя Соединенных Штатов.

— По обычаю, король не вмешивался в дела нашего народа. Но он обязан защищать нас от опасности, если мы сами не в силах с ней справиться. За это мы охотно отдаем ему часть продуктов своего труда — муку ароу-рута, кокосовое масло, копру. Но вот уже много лет Джеймата не помогает нам, хотя мы очень нуждаемся в его помощи. Когда японцы заняли наши острова, одну женщину понадобилось доставить в больницу на Джалут. Джеймата отказался платить за ее лечение. А ведь он обязан был это сделать... Вчера нам нечего было дать поесть старикам и детям. Кто привез нам еду? Американцы. Вот почему старики оказывают вам почести, подобающие иройдж-лап-лапу. Жаль, что мы не можем дать вам сегодня муки, масла и копры в благодарность за помощь нам в трудный час.

Ни тени упрека, ни отзвука горечи не было в словах Джуды. Хотя о его народе сначала «забыли», а теперь

вынуждали к «срочной эвакуации по медицинским показаниям».

— За вами прибует корабль...

Доктор Мейсон поразился, увидев после слов верховного комиссара на лицах островитян улыбку. Впервые со времени его приезда на Ронгерик бикинийцы смеялись.

— Вы поживете на нашей базе. Там, на Кваджалейне, я уверен, вы быстро поправитесь.

У них будет стол и кров, пока им не подыщут новое убежище. Желаящие могут устроиться чернорабочими на летной базе: это будет хорошим подспорьем для семейного бюджета.

Джуда от имени совета выразил опасение, не окажутся ли семьи разбросанными по всему Кваджалейну. Комиссар удостоился оваций и радостных гимнов, пообещав построить для народа Джуды палаточный лагерь.

В суете сборов и спешке эвакуации островитяне вновь не спросили, как долго продлится этот новый этап на пути к дому. Какая разница! Кваджалейн призван стать чистилищем перед возвращением на Бикини. На базе их не «забудут»: там они все время будут на виду. «Бамбукам» рано или поздно придется отправить их на родину. А родина у человека одна. Американцы не могут не понимать этого.

— Приготовиться на завтра к эвакуации. Погрузка в полдень!

Сутки — более чем достаточный срок для американского солдата, чтобы эвакуировать базу. За это время американец готов начать новую жизнь за 5 тысяч километров от родного штата. Ничего не надо брать с собой, даже зубную щетку: в месте приземления его ждет стандартный эквивалент оставленного. Вещами надлежит пользоваться, как бумажной салфеткой: утерся — смял — выбросил.

Только вот ведь какое дело: предки бикинийцев не были покорителями Дикого Запада. Переезд под звон набата для них равнозначен пожару. Они любили отмечать каждое событие. Как можно уезжать, не попрощавшись с островом, хотя он и был тюрьмой для них?

Не в первый и не в последний раз их вынуждали собирать пожитки в лихорадочной спешке. Правда, сейчас они сами стремились скорее покинуть негостеприимную землю.

Военные были довольны доставшимся им человеческим грузом, не пассажиры, а мечта — прибитые и довольные. Спустя двадцать с лишним лет жены некоторых офицеров авиабазы будут вспоминать, презрительно оттопырив губы: «До чего ж вялы эти люди!»

Загляните в историю: все переселенцы вялы и пассивны. Разве у них есть выбор?

На рассвете каждый островитянин свернул циновку, на которой он провел столько голодных ночей или маялся животом. Матери увязывали кастрюли, кухонные принадлежности. Не было времени снять крыши и разобрать водопроводные трубы.

— Мы не бросим пироги, — заявили алабы. Они выбрали семь самых вместительных лодок, и несколько

рыбаков тут же разобрали их на части. Все спешили: предстояло совершить еще одно важное дело, без которого никак нельзя было уезжать.

Островитяне собрались под травяной крышей своей маленькой церкви.

— Пусть молодые не забудут, что в марте тысяча девятьсот сорок восьмого года к нам пришло избавление, — со значением произнес Джуда. — Да пребудем и дальше все вместе, дабы вкусить радостные дни, как вместе мы пережили горькие времена на Ронгерике.

Когда в назначенный час судно вошло в лагуну, островитяне были в ладу со своей совестью. Они умели быть благодарными при любых обстоятельствах.

От берега отчалили в сумерках. Высыпав на палубу, кочевники поневоле смотрели на закат, багровым пламенем освещавший остров. Дивное зрелище. Теперь, когда смертельная опасность позади, козни Либокры им не страшны. Багровый закат наполнял душу радостью. Пологий берег незаметно переходил в гладь лагуны, темная его кромка становилась почти неразличимой. Только пальмы, как в театре теней, резкими силуэтами вырисовывались на пурпурном «заднике» неба и отражались в чуть подрагивающей воде.

— Завтра солнце поднимется над Бикини, — сказал алаб Килон, бросая за борт пустой кокосовый орех. В душе мелькнула надежда: что, если к рассвету этот хрупкий вестник донесет течением до любимой лагуны? Кто знает...

Растянувшись на циновке, он сам поплыл вслед за убаюкивающей мечтой.

Остров Кваджалейн, формой похожий на полумесяц, во время войны получил название «Утес».

На месте недавних боев кое-где привились пальмы. У них был ненатуральный вид, словно деревья доставили из Голливуда со склада декораций, чтобы скрыть от взоров женского персонала базы выжженную землю в пятнах проказы.

Любимых подопечных американского флага встречали на пирсе с оркестром; все важные «шишки» держали под козырек. Приказано было произвести на присутствовавших здесь маршалльцев со всех островов благоприятное впечатление. Простые люди обожают церемонии и, наоборот, терпеть не могут быстро собираться

и отправляться за тридевять земель неведомо куда. Больше улыбок — пресвитерианская сдержанность и строгость угнетающе действуют на них. Ладно, улыбки будут в неограниченном количестве.

Командующий базой надел на шею Джуде гирлянду живых цветов; офицеры гарнизона проделали то же самое с одиннадцатью остальными алабами знаменитого атолла. Спектакль для бедных был разыгран по всем правилам искусства. Вновь прибывшие, обрадованные таким вниманием, смущенно улыбались и жмурились. «Словно коты, которых чешут за ухом», — произнес шепотом кто-то из американцев. Ссылных гостей повели в отведенные им покои.

Шагая вдоль взлетно-посадочной полосы, они увидели на берегу океана палаточный лагерь с семьями маршалльцев.

— Тоже переселенцы? — обеспокоенно осведомился алаб Килон.

— Нет, это добровольцы, завербованные агентами бюро по найму. Чернорабочие на базе. Тут люди со всех концов архипелага. ...О'кей, а вот мы и пришли на Бикини-стрит!

«Улица Бикини» состояла из двух параллельно вытянутых рядов по пятнадцать бараков в каждом.

Поселок напоминал гибрид летнего лагеря и бидонвилля. В каждом жилище был дощатый пол, стены из шифера и брезентовая крыша. Зато под каждой крышей горела настоящая электрическая лампочка. Бикинийцам до той поры не случалось продлевать короткий день (тьма быстро наступает в тропиках) с помощью искусственного солнца, восходящего в жилище после окончания работы. Вечерами они собирались в доме только для того, чтобы помечтать в темноте или коснуться чьей-нибудь руки, отгоняя прочь страхи ночи. По крайней мере так поступали их предки.

Первые несколько ночей в лагере на Кваджалейне лампочки оставляли гореть всю ночь, чтобы отгонять злых духов. Но очень скоро они поняли, что слепящий надоедливый свет лишал их таинства ночи. (Горящая круглосуточно лампочка в тюремных камерах сама по себе делает жизнь заключенных невыносимой.) Джуда собрал совет, и тот установил предельный час, до которого под крышей мог гореть огонь.

Заседания проходили теперь в старом складе, где администрация высвободила им угол, отодвинув ящики. Этот угол ангара служил бикинийцам то актовым залом, то школой, то часовней.

Старики и сильно ослабевшие в гостях у старухи Либокры совсем не покидали Бикини-стрит. Остальные питались в столовой для чернорабочих-островитян.

Начальник сдержал слово: желающие подзаработать были приняты на поденную работу. Самых крепких отправили на стройку, других зачислили дворниками, прислугами, прачками, подавальщицами в столовых. Нашлось даже место служки в церкви при базе.

Впервые в жизни заработанные деньги можно было тратить не на еду. Женщины, прислуживавшие американцам, смогли купить ткани и сшить себе цветастые платья в гавайском стиле.

Молодежь нашла товарищей по играм в других лагерях. Они лакомились кока-колой, сахарными леденцами и мороженым, старательно выдували пузыри жевательных резинок, и те с треском лопались. Родители радовались, что их дети находятся среди своих.

Власти собрали все население в старом складе.

— Отдыхайте и набирайтесь сил,— посоветовал главный «бамбук», приветствуя их.

Врачи и медперсонал базы с удовлетворением отмечали улучшение состояния здоровья бикинийцев. Остальные рабочие считали их любимчиками начальства. Но учителя, преподавшие островитянам наглядный урок демократии, оказывались в растерянности, а то и просто приходили в негодование от поведения своих любимых учеников.

— Странные люди, — качали головой менторы. — Сегодня они веселы, а завтра тоскуют. То дружно работают, то сидят с отсутствующим видом.

Рабочие? То они вкалывают по целым дням кряду, дружно напевая, то вдруг вовсе не являются на работу: их обнаруживают лежащими в палатках.

Школьники? Целую неделю прилежно учатся, все уроки знают назубок, наперебой тянут руку отвечать. А в иные дни невозможно добиться от класса внимания. Дети забывают грифельные доски и являются с пустыми руками и невыученными уроками.

Впрочем, вскоре обнаружилась закономерность.

«Отсутствующие» дни следовали за вечерами, когда ссыльные посещали армейский кинематограф.

Раз в неделю бикинийцы вместе с остальными маршалльцами отправлялись семьями в кинотеатр на открытом воздухе. В программе фигурировали вестерны, музыкальные комедии или боевики о «нацистах Тихого океана»; зрители расстилали циновки прямо на земле и садились, поджав ноги. Детишки расплзались в разные стороны.

Кадры с изображениями Нового Света и сопровождавшая их загадочная словесная мишура подавляли впечатление. Возбужденные островитяне возвращались домой. Когда они закрывали глаза, перед их мысленным взором вертелись и ослепительно сверкали сполохи Манхэттена. Выходит, обитатели самой богатой в мире страны ложатся спать, не выключив света... Наутро дети не могли прогнать наваждение.

Близилось рождество. Начальство, не дожидаясь 25 декабря, поручило штатному Деду Морозу вручить подарки заранее. Переселенцы получили игрушки; девочкам раздали кукол с платиновыми волосами, похожих на блондинок из кинофильмов, чьи манеры изумляли местных женщин. Однако подарки почему-то не пользовались успехом. Маленькие бикинийки, вместо того чтобы баюкать кукол, откладывали их в сторону. Приглядевшись, воспитатели поняли, почему девочки не желают нянчить целлулоидные создания: они таскали на своих хрупких плечах живых братишек и сестреночек. Дети на атоллах сызмальства приучены заботиться о малышах.

На воскресное богослужение прихожане приходили с грудными детьми. Если кто-то из них начинал плакать, ближайшая девочка успокаивала его или выносила наружу. Дети, как родившиеся в семье, так и внебрачные, воспитывались с одинаковой любовью. Семья матери охотно и с гордостью принимала под свой кров каждого новорожденного. В языке островитян вообще отсутствовало такое понятие, как «незаконнорожденный».

Солдаты тихонько подталкивали друг друга локтем, указывая на «дикарей», которые, держась за руки, прогуливались по вечерам у океана, где легкий бриз щекотал ноздри. Народ Джуды не стеснялся публичного изъясления взаимной любви.

Да, «бамбуки-американцы» были шокированы реакцией своих подопечных. Поначалу их естественное любопытство они принимали за непомерное восхищение. Но островитяне скоро оставили в покое «игрушки» чуждой им цивилизации, справедливо решив, что их образ жизни совсем не хуже.

Губернатор сказал, что для усиления их контактов с президентом Соединенных Штатов бикинийцам не мешало бы иметь во главе общины не наследственного иройджа, а представителя, избранного большинством голосов. Островитянам объяснили механизм демократических выборов и попросили назвать кандидатов. Все единодушно указали на Джуду.

Простая формальность, но сколько веселья было в день выборов, когда в ангаре установили урны и избирательные кабинки! Бикинийцев заводили через одну дверь и после того, как они опускали бюллетень, исполнив тем самым свой гражданский долг, выводили через другую. Такой порядок вызвал море смеха у молодых демократов. Каждый раз, как кто-то, проголосовав, пытался вернуться через первую дверь, остальные избиратели хватались за бока.

Двадцать лет спустя калифорнийские хиппи, ученики Герберта Маркузе и Вильгельма Рейча¹, с восторгом увидят в бикинийской общине пример сообщества без детской игры в выборную демократию, сообщества, где нет ни богатых, ни бедных, где все принадлежит общине, где самый ловкий отдает на общее благо свою ловкость, а самый удачливый — свое везенье. Но это произойдет только через двадцать лет. А в 1948 г. американцы слишком гордились техническим превосходством своей страны и тем преимуществом, которое оно предоставляет, чтобы не реагировать на чужую культуру.

В фильмах учебной программы переселенцам показывали небоскребы, авианосцы, хромированные автомобили и холодильники. Из всего этого явствовало, что у простого рабочего завода Форда больше добра, чем у самого иройдж-лап-лапа.

— Происходит закономерный процесс: они начинают сомневаться в эффективности «кокосовой цивилизации», — докладывали офицеры связи верховному комиссару.

¹ Современные американские философы.

Действительно, островная молодежь, привлеченная новыми и необычными вещами, задавала вопросы. Но ответы взрослых заставляли их задумываться над образом жизни «бамбуков». Одна из фраз Джуды быстро облетела Бикини-стрит. Посмотрев фильм о жизни обитателей большого города, иройдж заметил:

— Они не знают, как приготовлена их еда, и не видят Матери (океана)!

Особую тревогу вызывали ковбойские вестерны. Конечно, индейцы, которых показывали на экране, были свирепы. Но белые уничтожили их всех без разбора. Бикинийцы сделали из этого следующий вывод: «Вот что случается с теми, кто отказывается добровольно отдать свою землю американским пионерам во имя блага всего человечества».

Логическая связь была очевидной. Зрелище угнетающе действовало на островитян. Они мало говорили об этом. Лишь однажды вечером жена спросила Джуду:

— А что стало с женами и детьми вождей индейцев? Их никогда не видно.

Джуда тяжело вздохнул:

— Что бывает с женами, мужа которых погибают в бою?..

Алабов коробило от расточительства, впервые представшего перед ними в таком масштабе. Они видели, как военнослужащие швыряли в воду слегка надкушенные фрукты и едва отпитые банки с пивом.

Когда прошло первое потрясение, вид небоскребов, вопреки прогнозам армейских психологов, стал отталкивающе действовать на островитян. Слепленные и оглушенные асфальтово-неоновым царством, они мечтали насладиться покоем маршалльской деревни, безбрежной гладью океана. До чего же хорошо выйти поутру вдвоем-втроем на пироге с балансиrom в океан, а после обеда отдохнуть под тенью зонтикообразной пальмы, подставив лицо прохладному ветерку!

Сытые и одетые, они теперь мечтали об одном-единственном атолле на свете, где люди живут счастливо, а после смерти незримо остаются среди своих потомков.

Пребывание на Кваджалейне должно было длиться не больше двух месяцев, а уже пошел пятый.

Вкус «американской воды», как они называли ледя-

ную воду из холодильников, в большом количестве потребляемую на базе, начал отдавать горечью. Джуда в самых дипломатичных выражениях пытался напомнить дорогим хозяевам, что никакие удобства не заставят их забыть о родном острове.

— Мы доверили вам свой атолл, чтобы «белая магия» осветливила всех людей на свете. Но мы любим Бикини. Простите, но это сильнее нас!

9

Загоревшие моряки и ученые плескались в теплой прозрачной воде лагуны.

Подумать только, что кожа на Бикини рискует получить вульгарный солнечный ожог. Вряд ли кто-нибудь осмелился в том сезоне рекомендовать атолл для купаний! На месте рачков, плавающих на поверхности, воображение легко рисовало картину:дохлые рыбы, всплывшие брюхом кверху, обожженные подопытные животные, обезображенные тела детей Хиросимы...

Члены биологической экспедиции решили отметить купанием годовщину первого подводного взрыва. Фантастическое зрелище — люди весело плещутся в природном аквариуме на том самом месте, где ровно 365 дней назад радиоактивный гейзер, взметнувшийся на 1800 метров, с грохотом обрушился на суда-мишени. Гигантские волны операции «Перекресток» прокатились по пляжам.

Год спустя после «потопа» атолл, лагуна и пальмовые рощи являли райскую картину. Не хватало только пирог с балансирами и темнокожих людей в них.

Правда, в день прибытия на место биологи не рассчитывали увидеть праздник...

Когда «Чилтон» — флагман небольшой эскадры, зафрахтованной Научно-исследовательской миссией Бикини, вошел в пролив Эниу и бросил якорь возле нулевой отметки подводного взрыва, все 700 пассажиров на борту (в том числе 80 специалистов) ожидали увидеть атомный двор чудес. Они сошли на берег, словно в чумной карантин.

Зрелище подводного извержения и облака пара, заволокнувшего атолл, стояло перед их мысленным взором. А невидимые лучи, проникающие в организм, вызывали у ученых не меньший страх, чем призраки у аборигенов.

Но целью миссии было как раз изгнание призраков с Бикини; для этого остров надлежало тщательно обследовать. Высадившиеся на берег чувствовали себя неприкаянно.

— Пусто и тихо, как во времена японцев. Того и гляди, выстрелят из засады, — заметил один из разведчиков, вытягивая на песок шлюпку.

Разведчики прибыли не в пляжных костюмах: им велено было закрыть каждый сантиметр кожной поверхности. Поэтому они облачились в плотные рубашки с длинными рукавами, брюки были заправлены в гетры, на ногах тяжелые башмаки, лица в масках, руки в перчатках. На груди прикреплены кусочки пленки, чувствительной к бета- и гамма-излучению.

Двигались по острову с большими предосторожностями: ученые в любой момент готовы были натолкнуться на очаг заражения. Но приборы бездействовали, никаких сигналов тревоги не было. Счетчики Гейгера показывали чуть более заметный уровень радиации, когда люди проходили мимо спасательных плотиков, обломков деревьев и покореженных понтонов, которыми был усеян пляж. Все эти обломки были вырваны взрывом из корпусов судов-мишеней и вынесены на берег. На оборудовании же, установленном на самом острове, остаточной радиации не зафиксировали. Воды лагуны кишели живностью. Построенные год назад военные сооружения сейчас едва выступали из густой растительности. Кустарники были усыпаны цветами.

Тем не менее по возвращении на «Чилтон» разведчиков поместили в изолятор во избежание непредвиденных последствий.

Каждый, кто побывал на острове, должен был, вернувшись на судно, зайти в специальное помещение и переодеться с ног до головы. В первые дни командир «Чилтона» запрещал срывать с деревьев кокосовые орехи и плоды. Табу распространялось и на выловленную в лагуне рыбу. Бригады противоатомной защиты патрулировали островки. Биологи собирали коллекции образцов; водолазы снимали под водой на кинолентку остовы затонувших кораблей.

Через неделю тревога полностью развеялась. Было разрешено пить кокосовое молоко и плескаться у берега.

Вылезшие из укрытий пальмовые крабы торжественно шествовали по пляжу, пристально взглядываясь круглыми глазами в ползавших по песку собирателей. По программе биологам отвели шесть недель на сбор и составление коллекции представителей местной флоры и фауны.

Ученые расширили поле деятельности, рассыпавшись по всем островкам атолла; образцы доставлялись на пятьдесят пять сборных пунктов. Первые лабораторные анализы должны были на месте определить степень радиоактивности.

Во вторую очередь исследователи с помощью сложнейших приборов искали в тканях генетические аномалии, возможно вызванные воздействием радиации.

Морских обитателей вылавливали не только в местах взрыва и районе кладбища кораблей-мишеней. Водолазы обшаривали выступы рифов, куда волны и течения за год прибили множество обломков.

Предстояло также сравнить уровень остаточной радиации в эпицентрах взрывов и глубоководных проходах между рифами, где приливы обновляют воду наиболее часто.

День за днем, сменяя друг друга, поисковые группы работали в лагуне. Крупных рыб вылавливали на крючок; затем несколько раз прошлись тралом по дну, собирая образцы донной фауны. Мелких рыбешек, живущих среди кораллов, пловцы ловили голыми руками. Непуганые рыбы-попугаи с переливающимся сказочным «оперением» с любопытством глазели на людей. Подводную идиллию нарушала лишь мысль о том, что где-то поблизости, возможно, подстерегает акула.

В местах, где рифы выступали на поверхность, ученые-рыболовы пересаживались с катера в ялик, ибо острые края коралловых образований грозили пропороть корпус.

Наземные группы шли по пляжу за крохотными колеями раков-отшельников, тащивших по песку свои дома-раковины. Люди внимательно следили за снующими мальками и подолгу простаивали на влажном после отлива песке. Угри уползали из-под ног, прячась за камни.

Одновременно работы развернулись и на других фронтах. Геологические группы брали пробы грунта на

острове и со дна лагуны. Специалист по беспозвоночным исследовал моллюсков, поражаясь размерам раковин. Вокруг рифа перед главным островом Бикини, в месте, где вырос гейзер теста «Бейкер», кишели морские ежи.

Специалист по рептилиям искал следы радиации на теле ящериц, облепивших стены брошенных бетонных сооружений. Энтомологи возмущались, почему им не дали возможности ознакомиться с насекомыми Бикини прежде, чем армейские санитары опылили весь остров ДДТ! Как теперь получить сравнительные данные?

Радиобиологическая группа обрабатывала доставленные образцы на борту плавучей лаборатории «Чилтон». В общей сложности было произведено 5883 анализа.

Для определения степени радиоактивности различных органов рыб и других живых существ брались пробы ткани весом в один грамм. Срезы укладывали на стальную подставку и помещали в муфельную печь, а пепел исследовали счетчиком Гейгера.

Разумеется, окончательный вывод делать было преждевременно: столь сложную проблему невозможно решить за несколько недель. Поимка, расчленение, радиологический анализ, изучение питательной среды, экологические наблюдения, запись данных — работа, учитывая количество образцов, поистине титаническая. Сделанное выглядело каплей в океане. Люди, возвращавшиеся с удаленных постов с мешками образцов на спине, были залиты потом.

В подобных условиях можно было осветить лишь факты, лежавшие на поверхности, и, хотя окончательные выводы делать было рано, от ученых настоятельно требовали хотя бы предварительного диагноза.

Он выглядел следующим образом: год спустя после операции «Перекресток» констатировалось отсутствие отрицательных последствий радиоактивности; не наблюдалось каких-либо заметных отклонений от известных биологических норм.

Через три недели после теста «Бейкер» в 1946 г. установлено было, что растения сильно заражены, а жизнедеятельность рыб и моллюсков значительно ослаблена.

Год спустя, при повторном обследовании радиоактивной зоны, оказалось, что упомянутые признаки практически исчезли. На обитаемом острове, равно как и в водах лагуны, остаточная радиация продуктов распада Бомбы была столь незначительна, что приближалась к природному уровню радиоактивности земной атмосферы и океана. Жизнь была ключом не только на отмелях и возле рифов, но даже в непосредственной близости от затонувших судов-мишеней.

Поразительное выздоровление. Выходит, пугало века, нагнавшее столько страха, не причиняло особого вреда? Глава биологической экспедиции, призванной определить эффективность «абсолютного оружия», записал в своем отчете:

«Основной вывод, сделанный в результате проведенного обследования, показывает, что атомные взрывы причиняют весьма незначительный ущерб растительному и животному миру затронутых районов».

И все же...

Заверения начальника экспедиции не настраивали на успокоительный лад. При внимательном ознакомлении с его отчетом отдельные детали настораживали специалистов. И потом, если общая картина столь благоприятна, почему биологи так сдержанны в своих прогнозах?

Проплывая на надувных лодках вдоль рифового барьера, ученые обратили внимание, что между Бикини и островком Аомоен кораллы погибли. Кораллы эти фигурировали в инвентарном списке, составленном перед началом ядерных испытаний. В то время было отмечено, что кораллы там прекрасно развивались.

Теперь слово за радиобиологами. Мнения специалистов, собравшихся на месте преступления, разделились.

— В момент взрыва головы кораллов выступали наружу?

— Они были скрыты примерно на фут под водой.

— Это было в прилив?

— Да.

— Следовательно, во время отлива коралл мог обнажиться и подвергнуться воздействию дождей. А пресная вода, не забывайте, — смертельный враг кораллов.

— Их могла также отравить разлившаяся из затонувшего судна соль.

Еще одна деталь — помутнение воды в лагуне вокруг мишеней и близ побережья главного острова Бикини...

Перед взрывами вода была так прозрачна, что дно просматривалось более чем на 30—40-метровой глубине. В 1947 г., когда плавучие лаборатории вошли в пролив Эниу, океанографы отметили, что видимость упала до 10 метров.

В чем дело? Почему появилось помутнение? Без сомнения, оно вызвано планктоном.

Было взято семнадцать проб. Количество планктона в глубоких слоях на расстоянии 400 метров от пляжа Бикини было куда значительней, чем в лагуне Ронгерики. Особенно много планктона кишело между главным островом и зоной мишеней. Желеобразные личинки длиной 5—10 сантиметров заволокли весь район, пораженный взрывами. В других частях лагуны такие экземпляры были редкостью.

Выходит, подводный взрыв и радиация создали особые благоприятные условия для размножения планктона? Никто не утверждал этого. Как и в случае с отмирающими кораллами Аомоена, эксперты искали естественные причины феномена.

— А что, если это сезонное явление? Разве воды прозрачны круглый год?

В том же августе на таком же расстоянии от кораллового барьера воды Ронгерики несколько не потеряли своей прозрачности.

В период подготовки операции «Перекресток» тысячи матросов жили на берегу лагуны и на борту обреченной эскадры. Бытовые и сточные воды в огромном количестве сбрасывались в лагуну.

— Вся эта грязь вполне могла изменить условия размножения планктона, — заметил океанограф, специалист по подводной экологии.

Водолазы извлекли на поверхность морских ежей неведомого вида, обитавших на палубе затонувшего авианосца «Саратога».

Внутренности ежей поднесли к счетчикам Гейгера: радиоактивность в двадцать раз превышала норму. Между тем на кораллах, считавшихся наиболее зараженными, морские ежи были так же здоровы и многочисленны, как и до взрывов. Их чрева были заполнены

яйцами, количество, размеры и состав которых полностью соответствовали норме.

Вывод напрашивался сам собой. Еще при первых погружениях водолазы с отвращением говорили об «адском котле» на дне лагуны: в зоне мишеней скопилось до полумиллиона тонн радиоактивной тины.

Ядерное устройство было подвешено в водолазном колоколе под днищем баржи ЛСМ-60. Прямо по вертикали под судном-носителем донные отложения состояли из ила и останков светлых водорослей, которые покоились на темном слое, представлявшем собой смесь водорослей коричневого цвета и песка.

Главным очагом заражения была тина. Радиоактивные осадки в основном скопились в верхнем слое, на глубине от полутора до трех метров, хотя кое-где радиация прослеживалась почти до самого «пола» лагуны. Тина покоилась на 60-метровой глубине, обволакивая затонувшие корпуса судов. Вода скрывала прокаженный район. На поверхности все казалось спокойным... Стрелки счетчиков изотопов показывали почти норму, слегка отклоняясь возле обломков, разбросанных по пляжу, или у водорослей. Ничего более. Картина усыпляла бдительность. Однако наличие радиоактивного «погребя», предательски скрытого невинными водами, в тысячу раз было тревожнее уснувшего вулкана.

— Донный ил служит источником постоянного заражения, — заключил доктор Лоуренс Дональдсон, один из первых специалистов оценивший сложность проблем, поставленных его молодой наукой — радиобиологией.

— Есть опасность, — продолжал доктор Дональдсон, — что в зоне взрыва продукты распада скапливаются в тканях живых организмов. В свою очередь, крабы и рыбы, для которых эти существа являются пищей, тоже становятся зараженными. Передача происходит через звенья пищевой цепи. Если радиоактивный элемент окажется стойким, в организм людей, питающихся продуктами лагуны и близлежащей почвы, может попасть доза радиации, превосходящая допустимые пределы...

Исходная точка цепи известна, но очень скоро ученые теряют ее след.

— В донном радиоактивном иле живут и питаются черви и морские огурцы... Большая часть радиоактив-

ных осадков там же выводится из их организмов, но некоторая часть оседает в тканях. Указанными существами питаются маленькие рыбки; отравленные элементы частично выводятся у них из кишечника, а частично откладываются в тканях. Крупные рыбы-хищники, добычей которых становится молодь, разносят радиоактивные продукты по всей лагуне и даже за ее пределы. Обнаружены следы радиации в водорослях, произрастающих в нескольких десятках километров от эпицентра взрыва.

Кроме того, следы радиоактивности обнаружены в самых разнообразных живых организмах: ракушках, осьминогах, крабах, лангустах, серых креветках, губках. Эти следы, правда, слабые, но они позволяют выявить новые очаги распространения.

Несколько тунцов, выловленных у Ронгерика, таили неприятный сюрприз: при исследовании их печени была обнаружена радиация, превышающая норму. Логично предположить, что эти «гончие океана», прежде чем попасть в сети возле Ронгерика, заходили подкормиться в лагуну Бикини, где проглотили зачумленных рыбешек. В таком случае рыбы верхнего слоя становятся разносчиками заражения на большие расстояния.

Напластования ила, скрытые от глаз слепящей поверхностью воды, представляли собой подлинный ящик Пандоры. Какие беды еще вырвутся оттуда?

Специалисты с трудом нащупывали звенья длительных превращений.

— Процесс распространения радиоактивности нам не известен, — с сожалением сказал доктор Дональдсон. — Нить теряется в неведомом лабиринте.

Администрация Маршалловых островов обратилась к доктору Дональдсону за консультацией: «Можно ли использовать Бикини для жилья?» (Этому вопросу суждено было стать риторическим...).

Если принимать во внимание лишь прямые последствия атомных взрывов, впечатление складывалось весьма благоприятное: Бикини выжил после эксперимента. Потребовался бы гораздо более мощный взрыв, чтобы прекратить жизнь на тихоокеанском атолле.

Тем не менее, несмотря на внешне радужную картину, эксперты не могли гарантировать, что на Бикини снова могут жить люди.

Бикини переливался колдовским блеском чешуйчатых рыб, ласкал взор шелковистым убором пляжей. Но кончиком хвоста островная сирена взбалтывала на дне лагуны смертоносный ил... Никто из ученых не брал на себя смелость уверенно заявить: «Бикини совершенно здоров». Только будущее могло вскрыть затаившуюся болезнь, выявить неощутимую на внешне здоровом теле Бикини язву.

Джуде и троем алабам опять повезло. Суденышко, развозившее мешки с почтой, захватило их на Бикини. Старейшинам разрешили выйти на берег и бегло осмотреть островки атолла — некогда там располагались соломенные сторожки с запасом еды. Алабы жадно вдыхали запах родных мест.

Переводчик записал с их слов местные названия редких рыб и растений: в реестре у специалистов они значились по-латыни. На этом вклад алабов в реабилитацию атолла закончился.

— Вы не заметили ничего особенного? Никаких изменений? — спрашивали эксперты.

Нет. Алабы смотрели вокруг себя с удовлетворением садовника, который в понедельник разглядывал высаженные в прошлую субботу цветы. Они были счастливы — кругом привычный с детства пейзаж: вот изогнувшийся ствол, вот куст с белыми цветами, одиноко стоящий на берегу, а это зонтичные пальмы...

Они разминали пальцами землю, гладили жесткие листья пальм, смаковали прохладное кокосовое молоко и с видом знатоков кивали головой: сок был что надо. Они страстно любили свою землю, и та платила им взаимностью. Они были верны ей и не желали видеть никаких изменений. К тому же буйная растительность успела скрыть бетонные колпаки, столь неуместные в этом райском уголке.

Впрочем, одно новшество все же бросилось в глаза — на одном из островов пустила корни тыква папайя.

Влаголюбивая папайя прежде не росла на севере Маршаллова архипелага, зато прекрасно приживалась на южных островах, где выпадают обильные дожди.

Что произошло? Неужели Либокра оставила свой отравленный след? Нет, все было гораздо проще. Семена папайи были завезены на Бикини в период подготовки операции «Перекресток». Растение развивалось

нормально — еще одно подтверждение доброго здоровья атолла.

Монстры и страшилища не явились на перекличку. Правда, это не означало, что радиация не вызвала мутации. Просто плоды ее оказались нежизнеспособными. Факт этот хорошо известен генетикам: у организмов — носителей хромосомных аномалий мало шансов на жизнь, естественный отбор обрекает их на гибель.

10

Маршалльцы, работавшие в доках Кваджалейна, предупредили Джуду, что на север готовится выйти эскадра. Движение кораблей и самолетов в северной части архипелага было отменено до особого распоряжения, рыболовным траулерам и грузовым шаландам запрещено было появляться в районе маневров. Тем временем трюмы судов в военном порту Кваджалейна заполняли всем необходимым для крупных учений. Хлопоты удивительным образом напоминали подготовку к операции «Перекресток».

Выходит, американцы вновь намерены испытать свое оружие. Джуду охватил страх за Бикини. Ведь он так надеялся, что ссылка подходит к концу...

Иройдж бросился в канцелярию управляющего. По дороге, на пирсе, он ловил проходивших мимо офицеров.

— Бикини? Бикини? — повторял он, тыча пальцем в военные корабли. Офицеры отрицательно качали головой.

Управляющий успокоил главу бикинийской общины.

— Место новых испытаний — не Бикини, — заверил он.

Действительно, начиная с 1947 г. Комиссия по атомной энергии искала постоянный полигон для долгосрочной программы ядерных испытаний. Были изучены предложения в Индийском океане и на Аляске. В результате КАЭ объявила, что испытательный полигон останется в Тихом океане. Пентагон отверг Бикини, на этом атолле нельзя было построить посадочную полосу для приема тяжелых самолетов: поверхность мала, а ветры неблагоприятные.

Администрация держала в тайне название «избранной земли». Однако не надо быть провидцем, чтобы догадаться, где будут происходить испытания. Джуда

собрал в ангаре членов «правительства». Старейшины перебрали все северные атоллы, способные служить миссией. Никаких сомнений: это может быть только Эндиветок.

— Помните, мы послали добровольцев помочь строить селение на Уджеланге? — сказал алаб Килон. — А вскоре американцы привезли туда людей с Эндиветока, и нашим людям велено было возвращаться на Ронгерик. Эндиветокцы покинули по просьбе американцев родной остров, как мы.

Алаб Джакру усмотрел в этом доброе предзнаменование:

— Американцы попросили у нас землю и лагуну для очень важной работы. Ожидание затянулось дольше, чем мы предполагали. Но теперь бамбуки повезли свои военные машины в другое место, а значит, должны вернуть нам наш атолл.

Военный губернатор в феврале 1946 г. не просил бикинийцев о вечной концессии. Население уступило американцам остров, не сомневаясь, что будет репатриировано по завершении испытаний «белой смерти». Разве операция «Перекресток» не закончена?

На протяжении двух лет никто не мог дать им вразумительного ответа на этот вопрос. Начальство словно воды в рот набрало. Но теперь новый факт разом разрешил все сомнения. Миновала одна историческая эпоха и начиналась другая. Эра Бикини кончилась, на вахту заступал Эндиветок. Цикл начинался заново, на сей раз на другой земле, лежавшей от родины на расстоянии однодневного путешествия на корабле.

Бикини был списан в отставку. Джуда не видел больше никаких препятствий для возвращения. Во-первых, земля предков оставалась прежней, он собственными глазами убедился в этом во время прошлого года визита. А во-вторых, американцам старый полигон не нужен, у них есть теперь другой атолл.

Алабы не разделяли сомнений биологов и опасений врачей. Как оценить в долгосрочном плане потенциальную угрозу радиоактивного заражения? Смогут ли семьи, чье существование целиком и полностью зависит от выловленной в лагуне рыбы, жить естественными ресурсами одного атолла, даже если радиоактивное заражение не так уж велико? Специалисты не брали

на себя смелость гарантировать здоровое развитие детей, живущих на берегу лагуны, на дне которой скопилось большое количество радиоактивного ила. Джуда и его народ, цеплявшиеся за надежду на скорое возвращение, отказывались верить, что земля их отцов поражена таинственной болезнью. Ведь Бикини — не Ронгерик. Поэтому они не понимали молчания официальных лиц. Они страдали, усматривая в этом преднамеренную жестокость.

■ * ■

Ударная волна и ослепительная молния — спектакль «Звук и свет» последнего дня творения — переместились на Эниветок. Цирк «Блэнди и К°» давал теперь свои представления на новом атолле.

Три гастрольных сеанса... Спешите видеть! Три атомные бомбы были взорваны в атмосфере.

В период операции «Песчаник» (так называли эту серию тестов) проблема остаточной радиации просто-напросто была позабита. Урок Бикини не пошел впрок. Особая группа, правда, занималась защитой от облучения военных наблюдателей, участвовавших в испытаниях. Но внимание их было сконцентрировано на выпадавших осадках, программа не предусматривала наблюдений за проникающей радиацией. Рекомендаций радиобиологов никто не принял во внимание.

Лоуренс Дональдсон с упрямством пионера Дальнего Запада настаивал на участии в эксперименте, хотя и знал, что в глазах военных выглядел человеком, ставящим палки в колеса.

«Нам представляется случай для уникальных природных наблюдений, — доказывал он. — В лабораторных условиях проводить исследования такого масштаба над действием радиоактивных веществ невозможно. Необходимо снарядить еще одну экспедицию на Бикини и параллельно вести постоянное наблюдение за Эниветоком, координируя обе программы».

«Широкое обследование атолла Бикини углубит наши знания в области биологических проблем радиоактивного заражения под водой и на суше. Изучение воздействия радиации на окружающую среду возможно лишь путем непрерывных долгосрочных наблюдений».

Послевоенные испытания атомных бомб закончились. Тихоокеанские острова переживали короткий мирный период, вскоре нарушенный войной в Корее.

Дональдсон не сдавался, и верховные чародеи из Комиссии по атомной энергии в конце концов соизволили краем уха услышать его домогательства.

Армейские стратеги, с головой ушедшие в игру со сверхоружием, считали биологов сродни поэтам. Вообще ученые, не исключая и тех, кто создал бомбу, проявили максимум безответственности перед лицом великой цели. И чем дальше шли в ходе испытаний планы применения атомного оружия (а военные не собирались ограничиться лишь демонстрацией его возможностей), тем сильнее становилось беспокойство биологов.

Поначалу это был диалог глухих. Военные мыслили категориями сиюминутного разрушения, биологи были озабочены медленной эволюцией. Однако в промежутке между двумя взрывами эксперты КАЭ согласились выслушать предложения Дональдсона.

Комиссия по атомной энергии решила для очистки совести «перепроверить» Бикини и одновременно взглянуть, что делается на Эниветоке. Конечно, никто не собирался разводить пары у эскадры и перевозить цирк на другое место или отдавать под лабораторию адмиральский флагман. Просто на лето не планировалось очередной кампании, армаде предоставили отдых. А любознательным коллекционерам с учеными титулами выделили прогулочное судно: сойдет для морских купаний на райских островах.

3 июля 1948 г. Дональдсон увидел пролив Эниу. Под его началом было всего двенадцать человек, причем половина — студенты. Средства на экспедицию были отпущены мизерные, так что оборудование и снаряжение выглядели соответственно.

Островки атолла приветливо махали хохолками пальм. Пышная растительность, которая уже через год после операции «Перекресток» скрыла следы пребывания людей, сейчас заволокла всю сушу. Ливневые дожди превратили выброшенные на берег деревянные обломки в гнилое месиво, ржавчина разъела остовы поврежденных судов.

В 1946 г. саперы проложили бульдозерами широкую дорогу к центру главного острова. Теперь люди с тру-

дом обнаружили ее: молодые пальмы и кусты сомкнулись над бывшей артерией. Живые изгороди пустили корни и зацвели. Плети вьюнков опутали стены и стропила оставленных домов, зеленым водопадом струились из провалов окон и дверей. В отлив на пляже обнаружили груды пустых бутылок, успевших обрасти ракушками.

Группа Дональдсона начала прощупывать радиологический «пульс» Бикини: счетчики Гейгера подносили к деревьям, водили над песком, анализировали ткани морских обитателей, выловленных руками, удочкой или сетью.

Как и предполагали, общий уровень радиоактивности оставался прежним.

Картина выявила перераспределение радиации: она несколько снизилась в наиболее зараженной зоне эпицентра, зато повысилась в тех местах, где ее прежде не было. Так, к востоку от кораблей-мишеней, с внутренней стороны кораллового барьера, до сих пор не было зафиксировано ничего подозрительного; сейчас счетчик показывал значительный уровень радиации. Рыба, выловленная в проходах между рифами, оказалась более радиоактивной, чем экземпляры, пойманные непосредственно в месте подводного взрыва: ее печень была куда «богаче» изотопами.

Никаких сомнений, в отсутствие людей за годичный срок произошло таинственное перемещение вод лагуны. Кто же помешивал адский котел?

— Держу пари, здесь проходит подводное течение, — сказал Дональдсон.

Так и оказалось. Пролетая над лагуной, патрульные самолеты наблюдали за перемещением мазута, выливавшегося из потопленных кораблей: пятна указывали направление поверхностного течения.

Однако радужный след, тянувшийся к западу, не доходил до конца лагуны — он исчезал, втянутый внутрь, на дно.

Загадка прояснилась. Течение увлекало поверхностные воды на дно, где они вступали в контакт с зараженным илом, и вновь выталкивало их на поверхность у противоположной стороны атолла.

За два года, прошедших после второго взрыва, воды лагуны «обновились» восемнадцать раз. И восем-

надцать раз соприкоснулись с очагом остаточной радиации.

Ил в зоне мишеней продолжал распространять заразу. На сей раз это было не просто предположение, а экспериментально доказанный факт. 5 июля 1948 г. ученые взяли чистые доски без малейших следов радиации и укрепили их на якорях в «нулевой точке» — эпицентре подводного взрыва. Через две недели доски отцепили от якорей и подвергли лабораторному анализу. Микроорганизмы и водоросли, соприкоснувшиеся за это время с этими досками, оставили на них четко различимые радиоактивные следы...

На суше Дональдсон обратил внимание, что сухие ветки и опавшие листья заражены больше, чем живая растительность — сочные листья, зеленая трава и корни панданусов. Похоже, что природа, умирая, накапливала в себе радиоизотопы. Особенно много их скопилось в скорлупе кокосовых орехов.

Биологи рассчитывали получить интересные сопоставительные данные с образцами, взятыми из облученных садов Эниветока. Этот атолл превратился в некий инвалидный заповедник: там выросли странные мутанты атомной войны. Болезнь растений на островах Эниветока лишней раз ставила под сомнение кажущееся здоровье Бикини.

На Эниветоке год спустя после взрывов полосы буйной зелени чередовались с пустотами. Многие породы исчезли. Края островков стали лысыми; в центральной части заросли сохранились, но выглядели больными. У выродившихся разновидностей листья посерели, некоторые почти обесцветились, а у части, наоборот, отличали тревожным блеском, словно отлакированные. У растений прослеживались атрофии и раковые образования. Причем повышенную радиоактивность обнаруживали как раз внешне здоровые особи, представители второго поколения растений. Их родители дали вполне жизнеспособные семена, из которых выросло извращенное потомство. Самые немыслимые экземпляры появлялись в удаленных от эпицентра зонах.

Гости блуждали в лабиринте вопросов, бредя по джунглям, где на каждом шагу их подстерегали неизвестные мутанты. Никто не мог сказать, где кончается прямое воздействие атомного взрыва, ударной волны и

ожога и где начинаются последствия радиации. А в этом случае — какова была доза острого облучения или количество радиоэлементов в корнях.

За достоверность результатов нельзя было поручиться, поскольку после ядерных испытаний на атоллах велись работы. Бульдозеры заравнивали холмики, засыпали кратеры, восстанавливали контуры островков. Биологи прибыли слишком поздно: свидетели успели затоптать все следы преступления.

На Энветоке симптомы заболевания бросались в глаза больше, чем на Бикини, поскольку методики испытаний были разные. На Энветоке взрывы производились на главном острове. А в королевстве Джуды первую бомбу сбросили над морем, вторую взорвали под водой. Заражение распространялось там через лагуну и пищевую цепь. Именно поэтому ситуацию на Бикини трудно было предсказать.

Как объяснить истинным хозяевам атолла, почему выдерживался карантин над пальмовыми рощами, оставшимися целыми и невредимыми после «потопа»? Да, декорации места действия не изменились. Но среда обитания внушала подозрения.

— Наша земля не изменилась, — твердил каждое утро Джуда алабам.

Если бы так...

Дональдсон и его сотрудники продолжали сбор образцов. Открытия не укладывались в стройную систему. Можно ли утверждать, что водоросли мало подвержены радиации или что микропланктон является лучшим «проводником» радиоактивности в сравнении с макропланктоном?

Во второй половине дня, когда спадала жара, лаборанты склонялись над мелководьем, следя за снующими коралловыми рыбками. Чем вызвано их броуновое движение — необходимостью постоянно искать себе пищу? Эти рыбки были уже хорошо знакомы бикинийским исследователям. Они легко ловили их голыми руками и каждый раз обнаруживали в тканях следы радиоактивности. Отрава проникла в эти веселые созданыща еще до того, как они появились на свет.

Вопросы ученых не находили ответа и повисали в воздухе, подобно словам принца Датского. Если коралловые рыбки подверглись облучению, на ком ска-

жуются последствия? На рыбе? На обитателях Маршалловых островов? На их детях? Или на детях их детей? А кто воспользуется результатами этого открытия — военно-морской флот или Комиссия по атомной энергии, финансировавшая экспедицию рыболовов? Мировая наука? Все человечество?

Исследовательская группа была меньше всего озабочена судьбой полутора сотен бикинийцев и их жалобами на тяжкую жизнь в изгнании. Ученые действовали согласно программе. Важно было установить, что ожидает население стран, которые подвергнутся атомной бомбардировке, а также их соседей. Лучевую болезнь можно было с успехом изучать в закрытой лаборатории на подопытных экземплярах. А здесь, вырвавшись на природу, альфа-, бета- и гамма-лучи начинали своевольничать.

* * *

23 сентября 1949 г. президент Трумэн объявил, что Соединенные Штаты не обладают больше монополией на атомное оружие:

— Мы располагаем достоверными сведениями, что несколько недель назад Советский Союз произвел атомный взрыв.

Вопрос, пригоден ли Бикини для жилья, сразу потерял актуальность. Заботы антропологов о сохранении традиционных связей внутри тихоокеанской общины переселенцев выглядели фольклорной забавой в глазах президента Трумэна. «Белая смерть» могла теперь обернуться против тех, кто породил ее. Нужны были срочные доказательства того, что Америка лидирует в «гонке устрашения». Требовалось взорвать сверхбомбу.

11

На Бикини-стрит проходило голосование. Принаряженные переселенцы шли выбирать себе очередное убежище. Кили или Вотто?

Любой избиратель-демократ, даже не будучи подкован в географии, знает, что человек, влекомый по воле волн, рано или поздно вынужден выбирать между водоворотом Сциллы и утесом Харибды. Коралловые рифы Тихого океана не меняли этой давней дилеммы.

Взрослые бикинийцы по очереди входили в палатку иройджа, где стояли две урны: на одной красовалась этикетка «Кили», на другой «Вото». Лицевые стороны обоих ящиков были заклеены фотографиями и текстами с перечнем достоинств и недостатков каждого из предлагаемых мест жительства.

Атолл Вото входил в наследственный надел иройджа-лап-лапа Джейматы, короля бикинийцев. Но там уже жили люди, правда всего 31 человек. Главный остров составлял две трети общей территории атолла. Из всех обитаемых земель северной части Маршалловых островов только он один был в состоянии принять посторонних людей. Вото лежал на полпути между Кваджалейном и Бикини.

Кили означал переезд на юг. Остров затерялся в океане и не имел лагуны. Зато земля была не занята. Ресурсы, судя по статистическим данным, выглядели многообещающе, к тому же никто из местных князьков и королей не властвовал над ним. Кили находился в зоне повышенной влажности, панданус и ароурут росли там не так обильно, как на севере. Зато на острове было несколько рощиц хлебных деревьев, росли бананы и папайя, кокосовые пальмы, болотистые низины были пригодны для возделывания таро. Немцы до войны наладили там хорошее производство копры, а при японцах местная плантация давала до 60 тонн в год.

Инициатива референдума принадлежала американцам. Они считали себя морально обязанными приучать к демократии подневольных островитян, томившихся до толе под феодальным игом.

— Таков американский обычай, — сказал управляющий Джуде. — Вам предстоит принять очень важное решение, мы хотим знать волю каждого.

Американцы рассуждали так, словно совет пользовался абсолютной властью и диктовал свою волю безропотным подданным. Что ж, алабы подчинились американской традиции. Они были сговорчивыми людьми, чтившими чужие обычаи. Согласившись участвовать в предложенной игре, они знали, что суть дела все равно не изменится.

Еще до того, как американцы затеяли фарс с урнами и голосованием, алабы изучили мнения всех взрослых членов племени. Никому не навязывалось готового

решения, мнение патриархов было неизвестно бикинийцам.

Собеседование преследовало главную цель: взвесив все «за» и «против», принять оптимальное решение. Каждый имел право опустить свой коралл.

Накануне выборов, вечером, алабы устроили обсуждение. Несколько часов подряд в палатках не затихал спор о сравнительных достоинствах Кили и Вото. Высказывались противоречивые мнения.

— Разве мы сможем прожить без лагуны?

— На Ронгерике была лагуна, однако мы чуть не умерли там.

— На Кили нет лагуны, зато земля богаче.

— На Вото уже живут люди. Не могут быть счастливы два племени на одном атолле.

— Нельзя удаляться от Бикини.

— Про нас могут забыть на заброшенном Кили.

— У американцев нельзя просить хорошую землю.

Ничто не сможет заменить нам Мать...

Переселенцы колебались. Что лучше? Выбрать неблагоприятный вариант, с тем чтобы трудности постоянно напоминали о временном характере жилья? (Именно так был выбран Ронгерик.) Или думать о выживании племени и печься о сохранении здоровья людей?

Переезд бикинийцев на крайний юг архипелага не означал их отказа от родной земли. Не думали они и о том, чтобы основать новую родину.

Опыт показал им, что выбор самого неподходящего для жизни убежища и прозябание в нищете отнюдь не приближали час возвращения. На Вото ожидание грозило затянуться до бесконечности. Бикинийцы не хотели снова подвергать себя смертельному риску. Они должны были сохранять силы, в противном случае многие вернулись бы на родину в гробу.

Еще один аргумент свидетельствовал в пользу необитаемого Кили: бикинийцы хотели во что бы то ни стало сохранить свое единство. Делить остров с другой общиной противоречило их убеждениям. А вдруг настанет голод, как это уже было? На каждом атолле поддерживалось естественное хрупкое равновесие, и лишние рты грозили погубить его.

Военные рассчитывали, что большинство выскажется за Вото. Это существенно облегчило бы переезд, а

в дальнейшем и присмотр за бикинийцами. На Кили не было лагуны, поэтому гидросамолетам негде садиться. Правда, можно оборудовать там посадочную полосу, но для этого придется рубить деревья. На острове нет ни одной удобной бухты для якорной стоянки судов. При сильном волнении мотоботам не удастся преодолеть рифовый барьер.

Результаты голосования поразили американцев: за Кили — 54, против — 22.

В лагере маршалльских добровольцев на Кваджалейне ходили легенды о «богатствах» Кили. Говорили, что кокосовые плантации намного превосходят те, что растут на всех северных островах, вместе взятых.

— Кажется, вы заработаете на копре хорошие деньги, — с завистью сказал один из чернорабочих авиабазы брату алаба Лоре.

Антропологи не разделяли этого оптимизма.

— Бикинийская община не сможет прижиться на другом острове и ловить рыбу в открытом море, — предупреждал Леонард Мейсон.

* * *

Женщины сворачивали циновки, на которых члены клана, прижавшись друг к другу, пытались согреться на палубе во время ночного перехода по морю. Девочки постарше расчесывали волосы сестренкам и запикивали дольки апельсина в жадно раскрытые рты малышей. Трехлетний сын Джуды играл с пластинкой жевательной резинки. Рядом с ним ползали ребятишки, никогда в жизни не видевшие восход солнца на Бикини.

Алабы смотрели на восток, где из воды выростало их новое чистилище: зеленая полоска на горизонте, созданная небесным садовником, силуэты пальм, напоминавшие спички. Издали остров походил на щетку, брошенную в лужу щетиной вверх.

Когда рыбак минует рифовый барьер и входит в лагуну, он уже чувствует себя дома: полукруг крохотных островков представляет бастион вокруг каждого атолла. Кили лишен его, океанские валы накатывают здесь на берег. Кили — это горе мореплавателя, спасательный круг, до которого нельзя дотянуться.

184 бикинийца, скучившиеся на палубе двух морских

транспортов, с тяжелым сердцем смотрели на новую обитель. Взор маршалльца должен отдыхать на глади лагуны — успокоительного внутреннего моря. Здесь переселенцы оставались наедине с океаном, словно потерпевшие крушение на плоту.

Грозовые тучи клубились в небе. Крутая волна раскачивала спущенные на воду мотоботы. Не доходившие до поверхности рифы вокруг острова таили ловушку. Боты не смогли пристать к берегу. Люди прыгали в воду и брели, держа над головами дрожащих от ужаса детей.

Капитаны обоих транспортов отказались разгружать при такой волне скарб островитян, ящики с продовольствием и строительные материалы — короче, весь груз.

— На этих рифах можно в любой момент сделать пробоину. Не будем рисковать, — заявили ответственные за операцию «Выживание».

Суда ушли пережидать волнение в лагуну ближайшего к Кили атолла Джалуит.

Их бегство показалось бикинийцам плохим предзнаменованием. Они стояли на песке со свертками циновок и несколькими мешками; у них не было багажа — настоящие робинзоны, выброшенные на необитаемый остров. По счастью, вновь прибывших встретили теплым «йокве» двадцать пять добровольцев с Бикини-стрит, которые покинули Кваджалейн два месяца назад и вместе с саперами морской пехоты построили на Кили поселок.

— Когда мы высаживались, — рассказал Джуде командовавший ими алаб Лоре, — волны опрокинули шлюпки. Едва выбрались. При сильном ветре здесь очень трудно пройти за линию прибой. Часть нашего снаряжения пошла ко дну.

Невдалеке от пляжа стояли тридцать палаток, в которых должны были жить семьи до переезда в дома. Немало хлопот было с выбором места. Где разбить постоянный поселок? После того как японцы покинули Кили, увезя последние запасы копры, густые джунгли покрыли весь остров. Пришлось расчищать большую поляну на опушке леса. Работа продвигалась из рук вон плохо, за два месяца сумели соорудить только навес для дома совета, школу, продуктовый склад и сарай для копры.

Ветер стих лишь через три дня. Один из транспортов, укрывшихся на Джалуите, подошел к берегу и выгрузил багаж.

После этого американцы сразу отбыли с Кили, за исключением одного сапера унтер-офицера, которому поручили технадзор за строительством тридцати шести семейных домов, предусмотренных планом. Как только возводили крышу, семейство вселялось в новое жилище, освобождая палатку на берегу: армейское имущество надлежало вернуть на базу.

Джуда пытался сохранить в устройстве поселения тот же порядок, который был на Бикини, а потом и на Ронгерике. Но со времени начала скитаний в бикинийской общине появились новые семьи, отдельные кланы значительно возросли.

Согласно обычаю предков, пригодные для обработки земли атолла следовало нарезать полосками от лагуны до океана. Но как делить непроходимые джунгли, окруженные со всех сторон морем? Ситуация не имела аналогов в прошлом. Джуда составил план, который единодушно был одобрен членами совета.

Поселок на поляне будет общинной собственностью. Лес разбили на двадцать участков — по количеству старых и новых семейных групп, которые возглавили младшие братья алабов. Ответственный за каждую группу будет получать четверть выручки за копру с его земель. Эти деньги составят резерв, из которого в случае необходимости семья будет брать средства на питание, лечение и т. п.

Первые два-три месяца бикинийцы могли питаться консервами из американского аварийного запаса. Но островитяне старались пользоваться им как можно реже. Засучив рукава, они взялись за освоение нового острова.

Алабы распорядились расчистить участки джунглей и посадить там банановые деревья, папайю, сладкий картофель и таро. Был налажен сбор спелых кокосовых орехов. Во время дождей копру сушили над тлеющими листьями.

К сожалению, рыбакам не на чем было выйти в море. Погруженные на Кваджалейне парусные пироги с балансирами остались на Джалуите, поскольку второму транспорту метеоусловия не позволили подойти

к Кили. В ожидании их бикинийцы построили несколько небольших весельных лодок, которые опробовали самые умелые рыбаки.

Строительство поселка завершили церковью. Ее поставили на каменистом берегу, чуть в стороне от селения, лицом к морю. В воскресенье все жители острова от мала до велика собрались в храме.

— Внемли, о Господи!

Вокруг кафедры, украшенной цветами в пустых бутылках из-под пива, одетые в лучшие платья прихожане усердно распевали псалмы. Пастор прочел несколько отрывков из Библии. Все было торжественно и чинно.

Именно так и доложил по начальству унтер-офицер. Он дождался, пока все будет готово, и от имени американского народа вручил «ключ» от острова новым владельцам. После чего он отбыл, предоставив переселенцев собственной судьбе.

— Все о'кей, — заверил он администрацию возвратившись на Кваджалейн.

Еще одна новость. Прослышав о богатствах острова, новый «покровитель» стал обхаживать тружеников Кили. Прежде им передавал наилучшие пожелания сын короля Джейматы Леджоланг, прозрачно намекая, что в будущем он ожидает полагающейся дани. А теперь Джаоре, король южной части Маршалловых островов, послал в подарок переселенцам четырех поросят и десяток кур в знак того, что отныне он намерен печься о благополучии новых подданных.

Американцы предложили решить этот спор Джуде. Тот ответил самым дипломатичным образом, что коль скоро бикинийцам требуется признать власть какого-нибудь иройдж-лап-лапа, то они предпочитают иметь в этом качестве президента Соединенных Штатов. Если, конечно, тот не возражает.

12

Следует ли скрывать диагноз от больного? Леонард Мейсон доказывал властям, что пора перестать питать бикинийцев напрасными надеждами.

— Господин управляющий! Скажите им ясно и определенно, что они никогда не смогут вернуться на землю предков. Кили — не промежуточная остановка, где

можно жить на чемоданах. Это пожизненная концессия, и им надо устраиваться как следует. Довольно призрачных надежд и несбыточных мечтаний. Лучше четко сказать им: «Мать умерла»... Вы отдаете им в вечное пользование цветущий остров, старики смогут оценить его по достоинству. А молодым, которые и в глаза не видели Бикини, следует прямо сказать: «Рассчитывайте на поддержку американцев. С нашей помощью вы начнете все сначала». Это будет мужской разговор.

— Как по-вашему, в чем они нуждаются? — спросил администратор этнографа.

— Дайте им хорошую рыбацью шаланду с мотором, их нынешние скорлупки не держатся на волне. Будь у них добрая посуда, они бы радовались и скакали, как дети.

— Что еще?

— Пошлите туда специалиста-агронома. Надо обучить островитян наилучшим образом использовать землю. Если бикинийцы сумеют не прозябать на Кили, а получать полной мерой за свою работу, все образуется. Иными словами: повысьте их уровень жизни, и они забудут об оставленном Бикини.

Вместо шаланды управляющий расщедрился на шхуну — двенадцатиметровое белое судно с двумя мачтами. Красивое, как учебный парусник. Как окрестить ее? «Бао» или «Бако» — «Птица» или «Акула»?

Отныне они больше не пленники кораллового рифа, они не будут отрезаны от мира при сильном ветре! Судно будет регулярно курсировать между Кили и Джалуитом. По случаю открытия линии на шхуну погрузили 10 тонн копры, первый урожай, которого уже ждали покупатели. Пусть Всевышний пошлет с небес долларový дождь на свой избранный народ.

Отзвучали прощальные песни. Шхуна отошла от берега... И прибыла на Джалуит? Нет, опрокинулась в море и пошла ко дну со всем грузом надежды.

А специалист-агроном? Его ждут и поныне. Терпение, дети мои, терпение. Через семнадцать лет вам пришлют студента-психолога. Прав был алаб Килон: легче дожидаться прихода мессии...

Хороший бизнес. Они сделают хороший бизнес на Кили. Это твердили в один голос рабочие лагеря аборигенов на кваджалейнской авиабазе.

— Там прекрасные плантации. За первые полгода они собрали 10 тонн копры.

— Что ты, 20 тонн, говорю тебе!

— ...По восемьдесят долларов за тонну.

Американские власти тоже считали, что наконец устроили бикинийцев. Кили — золотая жила.

Совет старейшин полагал, что отныне они обязаны не только отогнать призрак голода. Здесь, на Кили, у них появился шанс вырваться из тисков нищеты, и этот шанс ни в коем случае нельзя упустить. Довольно общине жить, едва сводя концы с концами. Совет будет управлять островом, как большим хозяйством. Удовлетворив первостепенные нужды, они будут продавать излишки, в первую очередь копру. Но почему бы не начать торговать также ремесленными поделками?

Решено. Совет откроет торговый склад для сбыта предметов, изготовленных местными умельцами. В каждой семье должен быть ремесленник. Это станет своего рода страховым полисом. Даже надежней.

И вот теперь план развития канул на дно морское вместе со шхуной. Радужная программа, возможно, и была бы когда-нибудь реализована, если бы на острове нашлась хоть маленькая лагуна, чтобы укрыть шхуну. Отныне счастливы и любимчики дяди Сэма на долгие месяцы оказывались полностью отрезанными от внешнего мира. Исхлестанный ветрами и залитый тропическими ливнями остров лежал далеко в стороне от морских путей. Закутай его Либокра в темное облако и унеси с этого места, никто бы и не заметил...

Прощайте, рейсы на Джалуит. Однажды попробовав, капитаны торговых судов больше не рисковали приближаться к Кили. Рыбаки-бикинийцы отчаянно силились пройти на своих утлых пирогах линию прибоя. Каждая такая попытка граничила с самоубийством: невдалеке от берега кружились акулы.

Команды изредка проходивших судов видели людей на прежде необитаемом острове. Бикинийцы с тоской смотрели на неприступное море.

— И чего им взбрело в голову забиваться в эту чертову глушь! — качали головой капитаны.

Алаб Килон погружен в воскресную дрему. Мысли легкокрылой птицей улетают далеко-далеко, за тысячу миль отсюда, на песчаный остров. По пляжу бродят черепахи. Крабы несут караул у подножий кокосовых пальм. На Бикини все было, как четыре года назад. Духи предков сделались полновластными хозяевами земли. Он слышит их шепот, слышит тяжкие вздохи черепах и тихий плеск волны в лагуне, над которой щебечут птицы. Ветер подгоняет его пирогу к крохотному островку Боконаджиену, владению его клана. Вотчине его семейства...

Килон, Джуда и все бикинийцы считали, что оставленная далеко на севере родная земля пребывает в покое, как при сотворении мира. Никто не пугает зверей. Могила скрыта под сенью листвы.

Не надо тревожить их. Пусть они не ведают, что на девственном острове кипит стройка. Ревут бульдозеры, летают самолеты, копошатся люди в комбинезонах. Пляжи черны от народа. В песок забивают сваи, выравнивают площадки, заливают бетоном берег, где гуляли крабы и гнездились птицы. Острова Бикини и Эниу превратились в военно-морскую и авиационную базу. На крохотных островках в южной части атолла оборудованы причалы. Запасные посадочные полосы пролегали на местах, где когда-то росли пальмы и панданусы. Две тысячи рабочих и техников живут в бараках. Насыпаны горы песка. Гроздь из пяти мелких островков атолла, соединенных дамбой, стала единой платформой. С острова на остров можно переходить, не замочив ноги.

Атомные испытания вызвали взрыв «паблисити» и получили широчайший коммерческий резонанс. Дуновение «Джилды» сорвало лишнюю одежду с отпускников: на пляжах Калифорнии и Флориды красавицы защеголяли в «бикини», мини-купальниках ядерной эры. Радиоактивное облако пролилось денежным дождем — «атомная продукция» шла нарасхват у потребителя.

Тем временем на полигоне настало время большой игры. Теперь уже целью ее был не матч между двумя видами вооруженных сил, породивший индустрию купальников и «атомного» стирального порошка. Началась

гонка вооружений. Мощность испытанной в Советском Союзе бомбы, названной американцами «Джо» — в честь Иосифа Сталина, вызвала шок в Соединенных Штатах. Пентагон требовал разработки нового мощного термоядерного устройства. И вот американская супербомба призвана приблизить мир еще на один шаг к апокалипсису.

Лоуренс Дональдсон предложил оставить на Бикини полосу земли шириной 300 метров от океана до лагуны и разместить на ней постоянно действующую лабораторию. После взрыва там можно было бы наблюдать в течение длительного периода за процессом биологических изменений. Ученый не знал, что программа испытаний предусматривала столь частое производство взрывов, что они нарушили бы любое систематическое наблюдение. Идею пришлось оставить. Ограничились установкой отдельных приборов, с тем чтобы в дальнейшем не собирать образцы наугад, а контролировать зоны с уже изученной флорой и фауной.

2 апреля 1953 г., за год до начала операции «Ладья», названной так по имени шахматной фигуры, Комиссия по атомной энергии объявила об аннексии Бикини в качестве испытательного полигона в Тихом океане. Причина? «Использование Бикини представляется необходимым ввиду ограниченных размеров Эниветока»... Вспомним, что в свое время КАЭ реквизировала Эниветок, поскольку «поверхность суши на Бикини слишком ограничена».

«Царь Джуда», твой остров опустел.

13

Вахтенный Синдзо Судзуки смотрел на занимавшую зарю. Он один бодрствовал на палубе сейнера. Рейс подходил к концу, 55 тонн рыбы лежали в трюме, и, пока его товарищи спали в кубрике, вахтенный шхуны «Фукурю Мару» («Счастливый дракон») смотрел на облака, розовевшие на востоке. Там была Япония. Вскоре суденышко возьмет курс на свой порт приписки, Иясу. Было 6.45 утра.

Матрос медленно повернулся в противоположную сторону, туда, где горизонт был еще погружен во тьму. Внезапно произошло чудо — облака вспыхнули, словно

еще одно светило вошло на западе. Судзуки оглянулся: заря на своем обычном месте. Снова посмотрел на запад: второе солнце ярко светило сквозь завесу густых облаков.

Мир раздвоился! Запад узурпировал священные права Востока! Перепуганный вахтенный бросился будить экипаж.

— Вошло два солнца! — закричал он, трясая спящих за плечи.

Товарищи нехотя поплелись на палубу взглянуть на чудо. Да, Судзуки не спятил — облака на западе в самом деле горят сильнее, чем на востоке. Из клубящихся туч сыплются искры. Матросы застыли, пораженные зрелищем.

Семь минут спустя отдаленный гром докатился до «Счастливого дракона». На судне ощутили явственный толчок. Грозное явление не сулило ничего хорошего. Что произошло? А вдруг в спокойном на вид море разверзнется бездна?

Гигантские белые анемоны расцвели в небе, затем все погасло. Небеса вновь хмуро насупились.

Экипаж принялся за работу. За полтора часа выловили пять увесистых тунцов.

Внезапно на палубу посыпались крупные хлопья, похожие на серый снег или на кристаллический сахар. В тропиках забушевала метель! Матрос Сонома Масуда забыл в каюте фуражку, и его черная шевелюра мгновенно стала серой. Одежда у всех была засыпана странным веществом. Видимость исчезла в непроглядном тумане.

Когда туман рассеялся, люди обратили внимание, что одежда поблекла, а свежая краска на палубе и надстройках выцвела.

Масуда и его друг Тадеси Ямамото со смехом стали собирать полные пригоршни «снега» и подносить его ко рту — детская шалость: почему бы не попробовать на вкус странный снег? Он хрустел на зубах и не таял. Масуде показалось, что острые края царапают язык.

Два часа спустя капитан Хисакиши Цуцуи связался по радио с хозяином; он всегда выходил в эфир в это время. В донесениях капитан никогда не позволял себе ничего лишнего, только по делу: координаты судна, работа машин, результаты улова. В тот день он сообщил,

что горючее подходит к концу, добыча составила 55 тонн тунца и акул, холодильные камеры загружены.

Хозяин дал «добро» на возвращение домой. Курс — на Японию. Капитан ни словом не обмолвился о «втором солнце» и никогда не виданной тропической метели. Какое отношение имеют эти явления к работе? Никакого. Сообщать о подобных вещах — значит затевать излишнюю болтовню.

— На борту все в порядке. Идем домой.

* * *

На высоте 30 тысяч метров огненный шар превратился в зонт. В тот день, 1 марта 1954 г., в 6.45 утра в 50 метрах над островком алаба Килона взорвалась первая водородная бомба. Островок разнесло в клочья, металлическая башня расплавилась. Тысячи тонн земли и коралловой пыли взметнулись в воздух.

Американский флот стоял на якоре в 48 километрах от Бикини — такова была граница стратегически безопасной зоны. На борту наблюдательных судов служба защиты приняла к приборам. Стрелки, разом подпрыгнув, показали силу взрыва. Экипажи спокойно разгуливали по палубам.

Но через час защелкали счетчики Гейгера: уровень радиоактивности быстро возрастал. Радиация пронизывала воздух, заволакивала корпус. Страх испускал свои бета- и гамма-лучи. Спасайся кто может!

Приказано было немедленно покинуть палубы: по ним, смывая радиоактивную пыль, забили мощные струи брендспойтов. Флот кинулся наутек, словно испугнутая стая китов, выбросивших одновременно фонтаны воды.

В 190 километрах от эпицентра на самолетах, измерявших уровень радиации в воздухе, тоже прозвучали сигналы тревоги. Вторая эскадрилья подтвердила тревожные показания приборов. Специалисты быстро вычислили направление движения облака. Да, никаких сомнений...

— Облако отклоняется!

Смертоносный клубок двинулся не в ту сторону. Он вышел далеко за пределы зоны безопасности.

Во время предыдущих испытаний атомных бомб посторонним судам запрещался доступ только в районы

реквизированных атоллов. Мощность расщепляющих устройств была лимитирована критической массой урана. Сейчас, когда взрывали водородную бомбу, зону увеличили чуть ли не в сто раз.

Накануне операции «Ладья» американцы включили полигоны Бикини и Эниветок в «территорию повышенной опасности», простиравшуюся на 450 километров к западу и 225 километров к северу и югу. Считалось, что соседним атоллам Аилингинаэ, Ронгелапу, Утирику и Ронгерику ничто не угрожает. Первые три группы островков были обитаемы, но никому в голову не пришло соорудить там противоатомные убежища. На пустынном Ронгерики американцы развернули метеостанцию.

Метеорологи, обеспечивавшие тест, полагали, что ветер погонит атомное облако на северо-северо-запад, где на 3600 морских миль не было никакой земли. Соединения кораблей и патрульные самолеты находились в готовности, чтобы перехватить случайно зашедшие в зону торговые суда.

Маленькое рыболовецкое суденышко «Счастливый дракон» проскользнуло незамеченным...

На Ронгелапе детишки впервые в жизни увидели падающий «снег». Кристаллическая пыль липла к одежде, оседала серым налетом на пальмах, на коже. С Ронгерики сообщили по радио, что над островом появилось «странное облако», откуда сыплется тонкий пепел. Те самые метеорологи, что успокоили генштаб своими прогнозами, теперь попали под проливной «душ» из радиоактивных частиц. Но зрелище «политого поливальщика» не вызвало смеха.

Радиосообщения с Аилингинаэ и Утирика подтвердили, что облако вышло из-под контроля. Оно вытянулось на 300 километров в длину и приняло яйцевидную форму. Коснувшись южной оконечности Ронгерики, оно проплыло над центром Ронгелапа и повисло на востоке над Утириком.

Был отдан приказ немедленно эвакуировать всех пострадавших в госпиталь на Кваджалейн.

Одновременно в Вашингтоне председатель Комиссии по атомной энергии адмирал Страусс передал для прессы самый лаконичный бюллетень, который можно было составить в подобных обстоятельствах:

«Седьмое общевойсковое подразделение, выполняя

программу стрельб, произвело взрыв ядерного устройства на полигоне КАЭ в районе Маршалловых островов. Данное испытание — первое в серии тестов».

Что же произошло? Антициклон, прибивший Облако к населенным атоллам, был известен синоптикам, но в их параметрах нигде не значилось, что раскаленный пепел вознесет взрывом на такую высоту, в таком огромном количестве и с такой головокружительной скоростью. Взрыв получился в два раза мощнее, чем предполагали. Многие приборы полностью вышли из строя, другие на время разладились. Высвободившуюся в результате взрыва энергию оценили в 15 миллионов тонн тринитротолуола. Мощность бомбы в 750 раз превышала ту, что была сброшена на Хиросиму.

Островок, служивший «цоколем» для башни с термоядерным устройством, перестал существовать: на его месте образовался подводный кратер. Практически все в радиусе 12 километров было обращено в пыль. Земля дрогнула. Ударную волну ощутили даже на Кваджалейне, в 300 километрах от эпицентра. Океанский вал вызвал наводнения на северных островах Маршаллова архипелага. Метеорологи зарегистрировали области низкого давления такой силы, что можно было опасаться тайфуна.

Это была поистине катастрофа. Особенно ужасали масштабы заражения океана — оно распространилось по поверхности, равной территории Японии. И все это в результате взрыва одной-единственной бомбы. «Грязной бомбы». Впервые в истории эффективность боевого оружия оценивали по его отдаленным последствиям.

* * *

У матросов «Счастливого дракона» кожа на руках и на шее стала покрываться черноватыми язвочками, вызывавшими ощущение жжения. На памяти закаленных морских волков не было случая, чтобы люди так страдали от солнечных ожогов. Матросы буквально вырывали друг у друга работу, чтобы как-то унять зуд. Наименее затронутые странной хворью чувствовали приступы тошноты и легкое покалывание вокруг рта и глаз.

У Масуды начали выпадать волосы.

Из Соединенных Штатов на Кваджалейн срочно по

воздуху доставили бригаду врачей. Рентгенологов мобилизовали с такой же поспешностью для обследования многочисленной группы людей. По счастью, смертельной дозы облучения не получил никто. Срочные меры дезактивации и лечения позволяли надеяться, что они выберутся из этой передряги.

Через десять дней после взрыва КАЭ выпустила первый медицинский бюллетень, в котором постаралась смягчить «ущерб»:

«Во время проведения очередной операции на испытательном полигоне в Тихом океане 28 человек из числа американских военнослужащих и 236 местных жителей были доставлены согласно плану радиационной защиты на базу Кваджалейн. Указанные лица случайно подверглись незначительному облучению и помещены в госпиталь для медицинского обследования. Никаких ожогов не отмечено. По мнению врачей, состояние их здоровья удовлетворительное. По окончании обследования местные жители будут доставлены домой».

Никто не знал еще, что зачумленное японское рыболовное судно шло в это время в порт приписки, а 23 матроса, на которых выпал странный тропический «снег», не ведали о случившемся с ними несчастье. В отличие от американцев и жителей Ронгелапа, им не было оказано никакой медицинской помощи. Никто не приказал им немедленно снять с себя одежду, покрытую радиоактивной пылью, и смыть с тела вредоносные осадки. Никто не брал на анализ их кровь.

«Счастливей дракон» вез в Японию страшный призрак Хиросимы.

14

В порту Иясу рыбный мастер Хосио Мисуки поднялся на палубу «Счастливого дракона», чтобы проследить за разгрузкой. Он обменялся несколькими фразами с капитаном тунцелова — приветствия, вопросы по службе, как при каждом возвращении с промысла, ничего лишнего. Экипаж занят привычным делом, люди быстро передвигаются: надо поскорее доставить покупателям улов.

Поначалу взгляд Мисуки остановился на крупных тушах рыб, покрытых инеем. Потом он перевел взор на руки матросов, таскавших ящики и орудовавших тро-

сами лебедек. Руки вспухшие. А что это за багровые полосы на шее? Он подошел ближе. Действительно, вид у людей нездоровый. Молодые парни задыхались от усталости, с трудом поднимая нетяжелые ящики. Некоторые присаживались отдохнуть на бухты канатов.

Мисуки обратился к капитану:

— У ваших людей больной вид. Что-нибудь случилось?

— Честно говоря, не знаю. Они подхватили какую-то кожную болезнь. Сейчас я вам все расскажу, только покончим с разгрузкой.

Мисуки решил позвонить владельцу.

— Нисикава-сан, мне кажется, вам необходимо приехать. Люди со «Счастливого дракона» явно больны. Возможна эпидемия...

Состояние экипажа встревожило хозяина судна. Люди наотрез отказывались показать язвы на теле. Что за проказа могла свалиться на них с неба?

«Счастливый дракон» причалил к пирсу в воскресенье утром. В городской больнице Иясу дежурил только один врач. Он быстро осмотрел двадцать три человека. Состояние первых шестерых успокоило его:

— Можете идти домой. Следующий...

Сонами Масуда и радист Айкичи Кубояма настолько ослабли, что товарищи вынуждены были вести их под руки. Они подставили непокрытые головы под серый «снег», и теперь у них выпали все волосы; на щеках были ожоги.

Дежурный вызвал в больницу главного врача. Доктор Сунсуки Оби прощупал затвердения на месте ожогов. Это не может быть результатом воздействия солнечных лучей. Не похоже это и на кожное заболевание. Какого происхождения язвы? Главный врач подробно расспрашивал моряков.

— Две недели назад, — рассказал Судзуки, — мы увидели, как сильный свет вспыхнул на рассвете на западе. Казалось, взошло второе солнце. А потом снова в той стороне стало темно... Семь минут спустя мы слышали грохот, и в небе появился гигантский гриб. Полтора часа ничего не происходило, но затем на палубу вдруг посыпался серый пепел...

— Где вы находились в тот день? На каком расстоянии от Маршалловых островов?

— Мы были к северу от Ронгелапа...

Доктор Оби читал в японских газетах сообщение из Вашингтона об эвакуации людей с Ронгелапа. Значит, моряки рыболовного судна попали под те же радиоактивные осадки, что и 236 островитян и 28 американских синоптиков. Доктор Оби хорошо помнил описание клинической картины пораженных в Хиросиме: затвердения на коже, выпадение волос, признаки острой анемии... Он принял решение срочно перевести Масуду и Кубоюму в клинику при Токийском университете.

— Всех остальных я оставляю в больнице для наблюдения...

На следующее утро крупная токийская газета «Йомиури», опережая все другие издания и даже радио, опубликовала на первой полосе под огромными заголовками весть о несчастье, постигшем «Счастливый дракон»:

«ДВАДЦАТЬ ТРИ МОРЯКА ПОДВЕРГЛИСЬ АТОМНОМУ ОБЛУЧЕНИЮ ВОЗЛЕ БИКИНИ. ДВОЕ ИЗ НИХ В КРИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ».

Страна, еще не успевшая прийти в себя от жутких призраков Хиросимы и Нагасаки, была парализована. Японцы уже послужили подопытным «материалом» для стратегов атомной войны, травма десятилетней давности была на памяти у всех.

Паника, охватившая всю страну, превосходила ту, что начнется в 1965 г. от страха перед эпидемией холеры.

Сообщение попало в самую больную точку: ведь рыба — основной продукт питания населения. А судьба, постигшая двадцати трех моряков «Счастливого дракона», грозила сотням тысяч людей, занятых в рыбной промышленности.

Япония оказалась перед угрозой лишиться своего хлеба насущного. Целый народ был объят худшей из болезней — страхом перед неведомым и неуправляемым. Случай с маленьким тунцеловом вырос в воображении объятых паникой до размеров вселенской катастрофы. Что с Облаком? Возможно, не сегодня-завтра серый пепел покроет всю Японию?!

А что с грузом «Счастливого дракона»? Надо немедленно изъять 55 тонн тунца и акул, поместить их в металлические контейнеры и зарыть как можно глуб-

же!» Слишком поздно... Предприимчивый хозяин успел в тот же день вывезти товар на рынок. Часть улова поступила в розничную продажу, остальное — на консервную фабрику. К моменту, когда в газетах взорвалась бомба замедленного действия, концов нельзя было уже найти.

Лучшие полицейские силы были брошены по следам отравленной рыбы. Сыщики установили, что тридцать профессоров университета лакомились акульными плавниками на воскресном банкете; там же подавали ломтики тунца в уксусе. Всю снедь приготовили из улова «Счастливого дракона»... Приемные покои японских больниц были забиты охваченными страхом людьми, принявшими обыкновенную темноту за первый симптом атомной болезни.

Помещенные на обследование профессора оказались совершенно здоровыми. Но когда их собрались выписывать, поступило сообщение, что в Июкогаме госпитализированы тридцать шесть человек, не подозревавших в том, что они отведали рыбы со «Счастливого дракона».

Ложная тревога: у больных оказалось обычное пищевое отравление. Но массовый психоз уже не поддавался контролю. В течение двух дней сотни тонн непроданной рыбы были выброшены на городские свалки.

К уличным торговцам, предлагавшим традиционное блюдо — сырую рыбу с рисом, не подходил ни один покупатель. Рыбные рынки, где в любое время дня и ночи можно было приобрести дары моря, обезлюдели. Хозяйки в ужасе отшатывались от тунцов и акул, они боялись даже приближаться к прилавкам.

Наконец наибольшую часть груза с облученного судна «Счастливый дракон» обнаружили; санитарные власти закопали его, постаравшись придать этой акции максимум огласки. Но этот жест не в силах был унять волну страха — ведь могли выявиться новые очаги заражения. «Счастливый дракон» в тот роковой день вел лов в районах Маршалловых островов не в одиночку. Дозиметристы обследовали несколько десятков судов; на некоторых обнаружили слабые следы радиоактивной пыли.

А ведь эти шхуны находились в тысяче миль от эпицентра!

Осмотр нельзя было ограничить только теми суда-

ми, что оказались на пути движения облака, следовало учесть маршруты миграции рыбы в океане. Какой-нибудь косяк мог пройти через зараженную зону, а в сети рыбаков попасть в 2 тысячах миль дальше. Поэтому дозиметрический контроль распространили на всю рыбу, выловленную в северной части Тихого океана и доставленную в японские порты. Министерству здравоохранения пришлось воздвигнуть огромный санитарный кордон вокруг Японского архипелага. Специалисты со счетчиками Гейгера ползали в трюмах, и если на расстоянии 10 сантиметров стрелки прибора реагировали на улов, он считался непригодным для употребления. Были уничтожены сотни тонн рыбы.

В первые дни по возвращении «Счастливого дракона» в Иясу рыботорговцы других портов согласно законам конкуренции попытались выгодно использовать это происшествие. Над причалами запестрели плакаты: «Покупайте нашу рыбу, застрахованную от радиации».

Но покупатель не видел никакой разницы. В конце концов отчаявшиеся работники рыбного промысла собрались на гигантский митинг в Токио. Он проходил под лозунгом: «Чтобы убить рыботорговлю, не нужны пули. Достаточно горстки пепла с Бикини».

* * *

Доктора обнаружили у семи матросов «Счастливого дракона» повышенное количество лейкоцитов. Шестнадцать других, поначалу отпущенных по домам, вскоре были помещены в токийские клиники. Им кололи витамины, делали переливания крови. Судьба моряков беспокоила американцев куда больше, нежели состояние жителей Ронгелапа, эвакуированных на базу Кваджалейн. У доктора Джона Мортонa, главы медицинской комиссии, учрежденной Соединенными Штатами в Японии после трагедии Хиросимы, пробежал мороз по коже при мысли о том, что эти люди провели две недели в море на зараженном судне, не получив первой помощи. Возможно ли при таком сроке приостановить болезнь? Каковы будут ее последствия? Островитянам «повезло»: хотя радиоактивные осадки осыпали их с головы до ног, они были эвакуированы в кратчайшие сроки.

Японское правительство начало расследование слу-

чившегося со «Счастливым драконом». Знал ли капитан Цуцуи о существовании запретной зоны? Как он проник в нее, минуя кордоны? Вашингтон утверждал, что во всем виноват капитан. Предупреждение о «закрытии» района Маршалловых островов было передано всем торговым и промысловым судам.

Ответ капитана тунцелова гласил:

— Мне было известно, что на Бикини расположен американский полигон. Но там не производили взрывов с 1946 г. А испытания на Эниветоке прекратились два года назад и проходили в 300 милях от того места, где мы ловили.

Он клялся, что он ничего не знал ни о расширении запретной зоны, ни о возобновлении испытаний.

Министр иностранных дел Японии принял посла Соединенных Штатов и уведомил представителя великой державы, что японское правительство, очевидно, будет вынуждено потребовать компенсации ущерба, понесенного членами экипажа. Его собеседник обещал самым внимательным образом заняться делами «жертв бикинийского инцидента». В результате этого дипломатического демарша госдепартамент опубликовал следующее заявление:

«Правительство Соединенных Штатов серьезно озабочено известием о том, что здоровью нескольких японских рыбаков был нанесен ущерб во время ядерных испытаний на Маршалловых островах. Сейчас в сотрудничестве с японскими властями ведется тщательное расследование с целью установить, каким образом, несмотря на строгие меры предосторожности и широкое оповещение, мог произойти данный печальный инцидент».

Пентагон поначалу скрывал от американской общественности сюрпризы, преподнесенные взрывом 1 марта. Лишь сообщения из Токио вынудили сенаторов и наблюдателей, присутствовавших при «извержении» на Бикини, нарушить официальное молчание. Не оказался «Счастливый дракон» в тот злополучный день в роковом месте, избиратели президента Эйзенхауэра пребывали бы в неведении относительно шока, поразившего страны Тихоокеанского бассейна.

Оказывается, специалисты радиационной защиты погрелись в расчетах: запретная зона вокруг Бикини

была недостаточно широка. Перед очередными взрывами термоядерных устройств, намеченных программой, следовало на всякий случай очистить Подмандатную территорию и, кто знает, быть может, вообще запретить судам появляться в северной части Тихого океана.

Но в целом испытания прошли успешно. Старлинг Коул, председатель Комиссии по атомной энергии, заявил, что Соединенные Штаты способны сбросить водородную бомбу в любой точке земного шара «при условии, что наши базы будут находиться достаточно близко от цели». Другой член комиссии, конгрессмен Ван Зандт, подчеркнул, что сила взрыва превзошла все ожидания: «Бомба могла бы смести с лица земли Вашингтон».

* * *

«Проверено счетчиком Гейгера». Даже с такой этикеткой, украшенной официальной печатью, рыба оставалась лежать на прилавках. Стихийная забастовка покупателей парализовала одну из важнейших отраслей японской экономики. К лету страх распространился не только на все продукты моря, но и на сам Тихий океан.

Посол США в Токио Джон Эллисон выступил с успокоительными заверениями. Отныне зона вокруг Бикини, запретная для торгово-промыслового мореплавания, будет расширена в восемь раз. Ее новые границы сообщены правительствам всех заинтересованных стран. Капитаны судов и летчики обязаны обозначить на своих картах красным карандашом гигантский круг посреди Тихого океана. Ни одно судно, ни один аэроплан, случайно зашедший в эту зону, не проскользнет мимо бдительных патрулей, постоянно дежурящих на воде и в воздухе. Заблудшую овцу вовремя выведет добрый пастырь.

Эллисон вручил японцам научный бюллетень Комиссии по атомной энергии: «На основании тщательно проведенных расчетов риск заражения рыбы, выловленной за пределами зоны испытаний, сведен до минимума. В крайнем случае эта относительная опасность может быть ликвидирована установлением сразу после проведения взрыва краткосрочного дозиметрического контроля за уловом в пограничных с запретной зоной районах...»

Но японские биологи и океанографы были обеспокоены не только заражением рыбы. Не может ли теплое океанское течение, отходящее к западу от Маршалловых островов, донести радиацию до побережья страны? Американские специалисты постарались разуверить их и в этом:

«Скорость течений чуть превышает один километр в час. Таким образом, учитывая перемешивание слоев воды, радиоактивность становится неопасной уже в нескольких километрах к западу и абсолютно неразличимой на расстоянии 1000 километров».

Предположения, уверения, выводы. Но никто не проводил подробных анализов воды и планктона в океанских просторах... Великий страх дал толчок первой стихийной кампании в защиту окружающей среды. Учителя японских школ говорили ученикам:

— Этим летом вы не должны купаться в море.

Родители запретили детям ходить на пляж. Такой страх представлялся экспертам КАЭ совершенно иррациональным и неоправданным; особенно он раздражал в соседстве со столь грандиозным начинанием, как операция «Ладья», призванная решить судьбу мира. Зона, объявленная опасной самими пиротехниками фейерверка, уже превосходит размерами Японские острова и такую страну, как Франция!

Но «Ладья» планировалась лишь в качестве дебюта целой серии испытаний. Что станет с океаном, когда Соединенные Штаты сбросят в него неисчислимое множество радиоактивных веществ? Опасность не поддавалась объяснению.

Красные флажки, вывешенные на японском побережье летом 1954 г., вызвали саркастический смех и раздражение советников президента Эйзенхауэра: очередная глупая антиамериканская истерия.

Им было невдомек, что впервые в истории население единодушно восстало против загрязнений океана.

Мир разделился — и поныне делится — на тех, для кого слово «бикини» означает «взрывной» купальник, и тех, в чьей памяти оно вызывает картину смертоносного гриба в небе. Бассейны с отфильтрованной морской водой для отдыха военных заставляют забыть превращенный в мусорную свалку океан.

Ученый с другой планеты, высадившийся на пляже Ронгелапа через несколько месяцев после катастрофы, смог бы изучить жизнь маршалльской общины во всех подробностях. Жители покинули остров, не взяв с собой ничего, не успев свернуть циновки, не закончив обеда. Рыбачьи пироги лежали там, где их бросили спешно эвакуированные жители. Даже следы босых ног еще сохранились на песке. Домашние животные бродили у каменных изгородей. Люди исчезли под пеплом Бикини, но их селение осталось целым и невредимым, их образ жизни застыл, прерванный в одночасье.

Жители этих атомных Помпей, 236 человек — мужчины, женщины и дети, — получили самую высокую дозу гамма-облучения, какую когда-либо получал человек. С момента взрыва до их эвакуации с атолла прошел пятьдесят один час. В течение этого времени они подверглись облучению силой в 175 рентген. Двадцать восемь американских синоптиков, осыпанных радиоактивным пеплом на соседнем Ронгерике, знали об опасности. Они облачились в защитные комбинезоны, заткнули все щели алюминиевого барака тряпьем и ждали в импровизированном убежище помощи. На Ронгелапе же все это время полуголые люди оставались под открытым небом.

Дважды в день врачи в госпитале на Кваджалейне осматривали зараженных островитян, их кожу, волосы, считали кровяные шарики, исследовали данные анализов. Ведь патологические явления представляют еще и научный интерес, не правда ли?

* * *

Ходили слухи, что президент Эйзенхауэр склонялся к прекращению термоядерных испытаний на Бикини. Но председатель Комиссии по атомной энергии адмирал Льюис Страусс отговорил его. В частности, он предложил:

— Раз японцы опасаются заражения океана и морской фауны за пределами запретной зоны, надо дать им возможность самим произвести дозиметрический контроль. Пусть ловят частицы там, где их нет.

Двенадцать дней спустя после прибытия в порт

«Счастливого дракона» взрывы возобновились. В программе они были скромно обозначены как «дополнительные испытания». Водородные бомбы вывозили на баржах в лагуну, сбрасывали на парашютах, укладывали на коралловый риф.

Японские рыболовные суда, приближавшиеся к Бикини более чем на 1800 километров, попадали в портах приписки на карантин. Судно «Тадеси Мару» водоизмещением 88 тонн подвергли в Кобе дозиметрическому контролю: счетчик Гейгера непрерывно стучал. Радиоактивная пыль оказалась на робах и фуражках всех 23 членов экипажа. Между тем эта шхуна вела лов тунца в районе островов Палау, в 2 тысячах километрах к западу от Бикини. Более того, там же, в Кобе, приборы регистрировали следы радиации у судов, промышлявших к северо-востоку от Филиппин — в 3200 километрах от Бикини!

Как только отгремел последний взрыв, японское исследовательское судно «Сункоцу Мару» двинулось в плавание по запретной зоне. На борту его находилась «специальная группа по изучению вод Бикини». До сих пор биологические работы велись экспедицией Лоуренса Дональдсона только в лагунах атоллов-мишеней. А сейчас на всем пути следования океанских течений биологи брали пробы воды, планктона, рыб и морских обитателей.

Вопреки предсказаниям американских специалистов, японская группа обнаружила посреди океана на большом расстоянии от эпицентра наличие сильной радиоактивности не только у мигрирующих рыб, но и у планктона и мелких рыбешек. Все это указывало на то, что между Маршалловыми и Марианскими островами возникло огромное поле заражения. Американцы недооценили эффект накопления радиации после стольких взрывов.

Примерно в 450 километрах к западу от Бикини уровень радиации в литре воды в сто раз превышал норму. Осадки, разносимые течениями и передаваемые через микроорганизмы крупным морским обитателям, грозили причинить такой же ущерб, как если бы в Тихом океане уже произошла атомная война...

Один физик, присутствовавший при первых взрывах водородной бомбы, сказал:

— По-моему, американцы дошли сейчас до той стадии, когда полигоны должны быть изолированы от всех жилых мест и убраны с морских путей.

Знаменитого японского специалиста по лучевой болезни профессора Цузуки, наблюдавшего рыбаков «Счастливого дракона», пригласили в Женеву на сессию Международного Красного Креста. Медики, юристы, военные эксперты собрались за круглым столом, чтобы обсудить проблему защиты гражданского населения от последствий возможного применения атомного оружия.

В кулуарах профессор Цузуки сказал:

— Такие испытания безопасно проводить только на Луне.

Если бы подобная идея вызрела в умах военных стратегов, то селенологи немедленно возразили бы, что было бы преступлением против науки заражать наш естественный спутник. И с их мнением согласились бы.

Но с чего вдруг поднялась такая буря вокруг спокойных вод Бикини? По какому праву требуют прекращения «дополнительных опытов»?! Куда проще раз и навсегда объяснить японским школьникам, что Тихий океан — это большое Американское озеро.

* * *

23 сентября 1954 г. Тысячи рыболовных судов, рассеянных по Тихому океану, приняли по радио тяжкую весть: умер Айкичи Кубояма. Медицинские бюллетени утверждали, что он поправляется, но желтуха и воспаление легких сразили его. Доктора добавляли: «Он пробоval на зуб снег с Бикини».

Еще одна жертва атомной лихорадки.

Экипажи замерли в минуте молчания. Ни морякам, ни миллионам японцев не надо было напоминать, кто был Кубояма.

В эфире звучал реквием по радисту «Счастливого дракона».

В Японии закрылись все рыбные рынки.

До конца года в 13 портах страны суда, возвращавшиеся даже с каботажного плавания, проходили дозиметрический контроль.

Мальчуган тащит за собой на веревочке по деревне пустую консервную банку из-под тушенки. Игрушка подскакивает на коралловых выступах и звенит, как погремок нищего, просящего подаяние.

Целый день рыбаки Кили просидели на корточках, выжидая, когда стихнет ветер, чтобы выйти в море. Вчера одна пирога перевернулась, товарищи едва успели втянуть рыбака в лодку: близко крутились акулы. С ноября по апрель на Кили практически невозможно рыбачить. Каждую минуту рискуешь жизнью, и ради чего? Улов мизерный, люди уже стали забывать вкус рыбы. Неделя проходит за неделей, а горизонт пуст, ни единого судна. Неделями нельзя вывезти тяжело больного... В штормовой период даже транспорт, курсирующий между Джалуитом и Кили, не может пристать к берегу, чтобы выгрузить консервы.

Грохот волн, беспрестанно разбивающихся о рифы, отдается в ушах звоном цепей, сковавших ссыльных по рукам и ногам.

Скоро ли прибудет представитель флота? Обычно раз в полгода у Кили бросает якорь военный корабль. Офицер морского казначейства сходит на берег, чтобы выплатить пособие пенсионерам атомной войны.

Американцы всегда были «щедры» по отношению к людям, у которых они отбирали земли. Так было с индейцами и эскимосами: последние получали на Аляске пособия по безработице. Правительство Соединенных Штатов не желало оставаться в долгу и перед своими новыми подопечными, тем более что надо регулярно представлять сведения в ООН о ходе выполнения мандата по опеке Тихоокеанских территорий. Выплата пособий должна была заставить замолчать критиков.

Совесть у попечителей была чиста: оккупанты Бикини выплатили совету перемещенной общины едино-

временную компенсацию в размере 25 тысяч долларов. Бикинийцев, считая детей, родившихся в изгнании, насчитывалось уже 330 человек, так что на душу пришлось по 75 долларов. Наличными! И пока они почи-вали на этой куче денег, их благодетели, как и подобает заботливым отцам-опекунам, поместили на их счет в банке сумму в 300 тысяч долларов, которые приносили 3 процента в год. Так что бикинийцам раз в полгода причиталось по 12 долларов на человека.

Когда непогода не позволяла казначею высадиться на Кили, островитяне ожидали этой милости с той же тревогой, с какой немощные старики-пенсионеры ждут задержавшийся на почте денежный перевод.

О, Джуда и алабы не рассчитывали что-либо купить на эти деньги. Платили их не регулярно, да и к тому же на Кили магазинов не было, а если они и заказывали продовольствие на Джалуите или Кваджалейне, то получали его лишь спустя много месяцев.

Джуда с нетерпением ожидал прибытия казначея, чтобы передать начальнику «бамбуков» жалобу. Нет, доллар был не в чести на коралловом острове. Пять-шесть месяцев в году обитатели Кили чувствовали себя потерпевшими крушение. Местных ресурсов не хватало для жизни. «Море неприступно. Болота кишат насекомыми, разносящими заразу. Если кто-то заболевает в период дождей, он обречен на смерть — ведь лечить здесь некому».

— Очередные жалобы, — вздыхали американцы. — Им не угодишь... Сколько ни делай — все плохо!

* * *

— Наши отцы были отважными мореплавателями. Не суди по Кили.

После «кайота» (ужина) Томаки усаживался рядом с отцом. Сын Джуды успел вытянуться за это время, кожа у него такая же коричневая, как у остальной детворы, волосы черные, губы пухлые. Однако он отличался тонкими чертами лица и внимательным взглядом. Мальчик слушал иройджа, жадно впитывая в себя знания, которые пригодятся ему, когда он, в свою очередь, возглавит маленькую общину.

Золотое время всплывало перед его взором во вре-

мя рассказов отца. В день эвакуации с Бикини Томаки был совсем крошкой: мать, садясь в лодку, прижимала его к груди. Ему едва исполнился год. Дети не помнили, да и не могли помнить родной земли, не могли представить себе, что их предки жили без посторонней помощи, владели искусством рыбаков, мореплавателей, строителей.

— Наши отцы умели строить пироги, которые были тяжелее, зато ходили быстрее. Каждый мужчина мог управлять ею. Удочки, сети и веревки плели из прочных растений, а крючки вытачивали из перламутровых раковин. С такой снастью ловили крупных рыб, даже тунца.

Подростки учились на мелководье ловить рыбу корзиной цилиндрической формы с крышкой-ловушкой. В качестве приманки туда клали мякоть кокосового ореха, комок водорослей или раков-отшельников. Такими корзинами перегораживали пролив между рифами и брали рыбы ровно столько, сколько было необходимо для пропитания, а остальную выпускали обратно в море.

Женщинам не полагалось смотреть на мужчин, выходящих в море. Пока пироги вновь не вытаскивали на песок, они отворачивались от лагуны или набрасывали на лицо платок. Зато в полнолуние устраивалось празднество, в котором участвовали и девушки. С началом отлива дозорные забирались на пальмы, окаймляющие лагуну. Как только их острый глаз замечал в прозрачной воде косяк рыбы, они подавали сигнал. Юноши и девушки, встав полукругом, гнали рыбу к берегу.

Загонщики шли с веселыми криками и пением, хлопая по воде ветками и циновками. Начинаясь большая охота. Все от мала до велика заходили в воду и хватали рыбу голыми руками. Старые и молодые, мужчины и женщины наполняли рыбой корзины, шляпы, передники. Праздник затягивался далеко за полночь и продолжался при свете факелов. Девушки снимали юбки и пользовались ими как сетями. Юноши стрелой уносились на пирогах в лагуну, размахивая факелами, чтобы привлечь летающих рыб. Те выскакивали из воды на свет, и их на лету ловили сетями.

— Видишь наш дом, сын мой? Он сделан из амери-

канских материалов. Деды и отцы чувствовали бы себя в нем неудобно. Американцы говорят, что их постройки долговечнее наших. Но в них нет спасения в жару, а вот кровля и стены из сухих листьев пандануса хорошо сохраняют прохладу.

Каждый год семейство строило себе новый дом. Он строился неделю, а на седьмой день все участвовавшие в работах приглашались отпраздновать новоселье.

В день пятинадцатилетия отец дал Томаки поддержать (это считалось большой честью) изготовленные из костей и раковин инструменты, которые иройдж хранил в сундуке: шило из акульего зуба — им пользовался дед — и коралловый скребок — бабка чистила им клубни таро. А потом появились японцы и американцы и привезли инструменты, сделанные на фабриках.

Джуда постепенно обучал Томаки сложной науке управления общиной. Сам он очень исхудал, им овладевали приступы внезапной слабости — какой-то скрытый недуг точил его. Иройдж страстно желал привить детям, родившимся в изгнании, любовь к родной земле. И так уже некоторые обычаи исчезли под влиянием немецких пасторов и военной оккупации.

Все меньше людей понимали тайный смысл ритуальных обрядов. Следует ли учить ему Томаки и сыновей других алабов? Да. Хотя бы для того, чтобы они могли отправлять культ «Ламорена» — земли предков: бикиниец со дня рождения и до самой смерти должен хранить верность своему острову. Дети достаточно хлебнули и трудностей кочевой жизни, и протестантского пуританства; они растут в окружении дешевых фабричных поделок. Но они должны знать свою историю, свое происхождение и не думать, что прошлое ушло безвозвратно.

Джуда и члены совета, беседуя с подростками, каждый раз сравнивали Кили с Бикини: там, на севере, в 800 километрах отсюда, лежит самая прекрасная на свете земля, корона зеленых островов. Создатель пролил над ней слезу умиления — иначе не объяснишь появление столь чистой и прозрачной лагуны.

По воскресеньям хор девушек пел гимн возвращения:

«Мне грезится родимый остров...»

Голоса, подхватывающие припев, то подымались, то затихали волной неизбывной грусти. На эту волну садились птицы, издавая гортанный клекот, похожий на рыдания. Псалом разбивался о тюремную стену из рифов вокруг Кили!

«Всевышний дал нам землю,
Изготовил остров для жилья».

Вдохновленный вечерними рассказами старших и воскресными песнопениями, Томаки умудрился сделать макет Ламорена — клочка земли в океане, ради которого стоило сражаться и даже умереть. Он выводил на песке очертания короны, разноцветными ракушками помечал расположение островков. Бикини — центр жизни — символизировал большой плоский камень. Томаки украшал его белыми и розовыми лепестками, травинками, словно кондитер, колдующий над праздничным тортом. Он разделил камень на ряд полосок:

— Это семейные наделы,—пояснял сын иройджа своим приятелям.—Там, на Бикини, межи отмечены краснолистым кустарником или насечками на стволах кокосовых пальм.

В сумерках подростки входят по пояс в темное море. На девушках лишь коралловые бусы. Каждая бусинка символизирует один из 27 островков Ламорена. Вода обтекает их тела и поднимает бусы, когда они приседают. Ореховые скорлупки, которые они пускают, отправляются в плавание на далекий атолл, а девушки становятся хранительницами надежды. Эти вечерние купания не что иное, как ритуал.

— Вместе с этими бусинками мы каждый вечер плывем к Ламорену. Когда ночь окутывает Кили, мы видим вдали Бикини. Мы входим в его царство. Тени умерших предков слегка касаются нас, узнавая своих. Мы принадлежим им.

Корани натягивает платье на мокрое тело и начинает медленно расчесывать длинные волосы.

— Идите, я догоню вас,—говорит она подругам.

Игоши, притаившись на дереве, ждет, пока остальные девушки скроются из виду. Грациозные движения Корани вызывают у него в душе бурю восторга. «Корани, ты — гибкая пальма на берегу, пока я был еле заметным бризом, ты оставалась равнодушной. Я — ве-

тер, что дует с моря, и ты отвечаешь мне легким покачиванием. Я — гроза, и ты начинаешь слегка танцевать. Я дую сильней, ты гордо отводишь мне поклон и снова бесечно трепещешь листьями».

Он навсегда запомнит тот вечер, когда она впервые танцевала для него одного на берегу океана в свете угасавшего дня.

Девушка подходит к деревьям и замечает качающуюся ветку. Это условный знак. Игоши сидит на самом верху кокосовой пальмы. Он помогает ей забраться к нему. Здесь, в зеленом тайнике — их укромное место. Правда, все знают о нем, но делают вид, что им ничего не известно.

Парень осторожно двумя пальцами берет кусочек коралла из ожерелья своей невесты.

— Обошел полный круг, — шепчет он ей на ухо.

При каждой встрече Игоши касался очередной бусины, называя имя одного из островов Ламорена. Сегодня он закончил перебирать волшебное ожерелье. Корани делает вид, что не понимает смысла ритуала. Этой ночью свершится...

Нареченный испросил руки Корани у ее отца и дядей. Семейство, согласно обычаю, не ответило претенденту ни да, ни нет.

Пастор, лежащий спать последним на острове, задул наконец керосиновую лампу. Дождь лил как из ведра. Неслышная тень проскользнула в дом, где духи бдительно охраняли Корани.

Гость перешагнул через спящих на циновках родственников. Девушка открыла глаза. Мокрой ладонью он прикрыл ей рот. Она дала себя «выкрасть» без малейшего сопротивления. Игоши соблюдал правила игры. Он отнес невесту в дом своего лучшего друга — тот занял место Игоши в семейной хижине.

— Если бы мы жили на Бикини, — шепчет похититель, глядя волосы Корани, — я спустил бы на воду пирогу. Ты бы закрыла голову циновкой, чтобы не видеть, куда я везу тебя. Мы бы пристали к маленькому островку, куда увозят похищенных невест. Наши отцы построили там хижину. Старший брат моей матери рассказывал мне, как все это происходило у них там. Они питались птичьими яйцами и плодами. Если невеста соглашалась выйти замуж, она отбрасывала циновку и

с открытым лицом возвращалась на пирог жениха в селение.

Наутро родственники девушки весело здоровались с членами семьи жениха. И только братья делали вид, что гневались, и хмуро бродили вокруг дома похитителя. Невесте полагалось три дня не появляться на людях.

По истечении этого срока молодожены в полдень рука об руку проходят по центральной аллее деревни, объявляя всем и каждому:

— Мы хотим жить вместе!

А вскоре после этого празднуется свадьба.

Если же они расходятся порознь из дома, где провели три дня и три ночи, обе семьи с пониманием относятся к их решению. Девушка возвращается в отчий дом, и другой претендент волен испытать свою судьбу, когда минуют три луны.

Чтобы завоевать сердце красавицы Корани, Игоши последовал совету деревенского шута Джосии. Он дал ей выпить настойку трав с джекаро — пивом, которое готовится из сока цветущих растений. А потом позвал в укрытие на дереве. Корани согласилась, забросив волшебные бусы как можно дальше в рифы. Игоши нырнул, чтобы набрать кусочков коралла и заменить ими принесенные в жертву. Таким образом, Игоши и Корани соединились под знаком земли обетованной. С тех пор она каждое утро надевала на шею суженому гирлянду цветов гибискуса.

* * *

Джуда старается днем не выходить из дома. Он не хочет, чтобы люди видели, как болезнь иссушила его. Для бесед с Томаки он выбирает укромный уголок за хижиной.

— Там был у нас островок, его посещали раз в году. Птичий остров...

Высадившись на нем, люди переставали пользоваться обычным маршалльским наречием: они вступали во владение могущественного *эджаб* (духа). Чтобы задобрить его, нужно было говорить на тайном языке — ларойдже.

Женщинам, которые отправлялись туда, надлежало прятаться под циновками на дне пирога. Если любопыт-

ство брало верх и они нарушали табу, то могли заболеть, отведав птичьи и черепашьи яйца. Мужчины вытаскивали лодки. Потом каждый пригибал к себе пальмовую ветку и срывал по листу.

Алаб вел процессию к Каньялу — большому дереву-тотему. Всем полагалось аккуратно ступать след в след: в этом священном месте следы можно было оставлять только одному человеку. Женщины шествовали с циновками на голове и не видели ничего, кроме следа: им нельзя было смотреть на Каньял.

Войдя в обитель экджаба, каждый мужчина клал свой листок на нижнюю ветвь священного дерева и садился наземь. Вставать можно было лишь после того, как порыв ветра унесет лист кокосовой пальмы. Вождь произносил:

— *Вурин!* (Нас ждет удача!)

Вселившийся в дерево экджаб выказывал таким образом свое расположение. Это означало, что теперь урожай будет обильным, а новорожденные дети останутся живы — при условии, что они были зачаты не на священном острове. Птицы и черепахи тоже не затевали здесь брачных игр, они откладывали яйца на земле духа-хранителя.

Затем вождь вел своих спутников к тому месту, где рос редкий кустарник — *марутто*. Он срывал с него три зеленых листка и три желтых и готовил из них отвар, оберегающий людей от страшной болезни «*ройдж*» (дизентерии).

Подкрепившись этим «профилактическим» средством, члены экспедиции рассыпались по острову, выбирая из гнездовий птичьи яйца и выкапывая из теплого песка черепашьи.

Общий сбор назначался у священного дерева. Вождь запевал ритуальную песнь:

— *Джей джар ум* (Поблагодарим Духа).

Хор подхватывал тягучую мелодию, а вождь совершал жертвенный ритуал: бросал по яйцу во все стороны. После пения всю добычу складывали вместе и делили на равные части.

Пироги сталкивали в воду, поднимали паруса. Команды отдавались на языке ларойдж. Кормчий пел ритуальную песню, напоминая спутникам о том, что здесь нельзя пользоваться обыденным языком...

— Давным-давно, — рассказывал Джуда, — когда человек говорил на языке птиц, обитающих на Дереве, добрые духи давали ему всю необходимую пищу. И она никогда не была отравленной...

Но вот белые мореплаватели захватили Птичий остров, срубили Дерево, распилили его на доски и построили из него дом. Люди перестали ступать след в след, они забыли все заповеди и стали высаживаться на Птичьем острове в любое время года. Они топтали песок и брали все, что попадалось под руку. Птицы перестали вить там гнезда, а черепахи обходили стороной это место...

На Бикини у нас был священный остров, где черепахи могли мирно откладывать яйца — люди не жили там. Добрый дух охранял это место. Никто его не видел. Но мы знали, что у него крылья с ярко-красным оперением.

Старый алаб, от которого ребятишки требовали все новых легенд и преданий, был внуком «дри-канана» (маршаллыцы называют так чародея — толкователя снов). Когда его спрашивали, как случилось, что родители оставили Бикини, он неизменно повторял одну и ту же сказку:

— Жила-была королева, правившая богатейшим на свете королевством. Однажды она плыла по океану и увидела на острове нищую женщину. Корабль королевы был полон еды, она могла объехать вокруг света и ни в чем не нуждаться. А у бедной женщины была лишь пара орехов, больше ей нечего было дать своим детям. Она приняла королеву, устроила ее на ночлег, постелила циновку, надела на шею ожерелье из раковин, приготовленное для мужа, и спросила, не нужно ли чего высокой гостье. Королева ответила:

— Мне хочется попробовать орехов. Тех, что ты оставила своим детям...

В это время мимо проходил Игоши, занятый свадебными приготовлениями. Он почтительно приветствовал старого алаба. Внук дри-канана сделал ему знак подойти ближе:

— Я помню, как однажды после прихода к нам чужеземного судна на деревню обрушилась болезнь. Лю-

ди умирали. Умерла и одна новобрачная, которой было столько же лет, сколько тебе. Молодой муж тяжело страдал, больно было смотреть на него. И вот в один прекрасный день он исчез. В конце сезона пришел за копррой другой корабль, на котором оказался и наш беглец. Он показал нам свою новую жену. Она происходила из семьи, покинувшей Бикини много лет назад. Они стали жить, но очень скоро тоска заела нашего земляка. Он сказал, что хочет умереть и лег на циновку. Его пробовали лечить, позвали даже врача. Но когда он приплыл, было уже поздно. Семья отвела врача на кладбище, показала ему могилу и перевела надпись, вырезанную на нашем языке:

«Разбитое сердце».

— Игоши, ты берешь в жены гибкую, как пальма, красавицу Корани. Но знай, ты не будешь счастлив до тех пор, пока не вернешься с ней на Бикини!

16

Джуда не сомневался, что его атолл остался в том же виде, в каком предстал перед ним в последний раз в 1947 г. по завершении операции «Перекресток». В его памяти остров был неизменен, как первая любовь.

— Жизнь верна самой себе и заветам предков.

Это стало кредо изгнанников. Прошедшее спрягалось по законам будущего. Бикини — земля, где течет молоко и мед, а рыбы в лагуне сами просятся в руки. Зыбкий мираж еще больше отдалял племя Джуды от окружающего мира.

Брошенный на коралловом обломке посреди океана, маленький народ грезил о роге изобилия, оплакивая двадцать семь жемчужин родного атолла. Ту же самую землю миллионы людей на всех континентах, никогда не видевшие ее и легко путавшие слова «атолл» и «Анатолия», представляли в виде радиоактивной пустыни, лабораторным чудищем, микрокосмом планеты, опустошенной атомной войной и навсегда закрытым для человека.

Американские термоядерные испытания в Тихом океане закончились шесть лет назад. Рыбы и крысы, пережившие их, успели забыть о существовании людей. За

шесть лет карантина никто из ученых или военных не нарушил покоя лагуны, не отважился высадиться на зачумленном острове. Тайна этого уголка ада манила, как все недоступное.

И вот к кромке «пустыни» подходит судно. Люди, приплывшие на нем, чувствуют себя потомками аргонатов. Оказавшись по ту сторону будней, вдали от столбовых дорог, они решают проникнуть в глубь *terra incognita*, дабы отодвинуть границы невозможного и победить страх перед неведомым. Их путешествие, считают они, ознаменует победу рода человеческого над таинственными силами материи.

Ступив на землю Бикини, пятнадцать членов экспедиции — цвет молодой американской радиобиологии, отряженной Комиссией по атомной энергии в Вашингтоне, испытывали то же чувство, что и астронавты перед кратером инопланеты. Что ждет их? По возвращении «бикинийским космонавтам» надлежало ответить на главный вопрос: живо ли это земное тело? Можно ли там обитать?

Глава экспедиции, уже знакомый нам Лоуренс Дональдсон, присутствовал при всех испытаниях, проводившихся в 1946—1958 гг. Он вернулся после шестилетнего отсутствия пощупать пульс больного. Здесь все так изменилось, что он не уверен был, узнает ли знакомые места. Ученый оказался в положении капитана, годами гонявшегося за неуловимым Моби Диком и столкнувшимся вдруг после долгого плаванья лицом к лицу с излучающим нестерпимый свет Левиафаном.

В 1958 г. Дональдсон покинул развороченные, истерзанные острова. Он видел, как смерчи, пожары и извержения опустошали подопытные атоллы. Птицы и крысы оставались единовластными хозяевами голого коралла, обреченные, казалось, на голодную смерть.

Однако ученый был убежден, что жизнь должна всплыть из ядерного хаоса. Но какие формы она примет? Резонно было предположить, что после 23 атомных и водородных взрывов возврат к нормальному существованию невозможен. Островок Энгеби в атолле Эниветок, подвергшийся испепеляющему воздействию бомб, мог служить наглядным примером. Злаковые растения и вьющийся плющ прекрасно пережили катаклизм. Более того, три вида растений, находившихся

в 1949 г. на пути к полному исчезновению, дали в 1961 г. обильное потомство.

Часть растений, с излишней поспешностью объявленные мутантами во время «переписи», проводившейся на Энгеби в 1949 г., через двенадцать лет приобрели нормальный вид. Зато дикий виноград имел все признаки вырождения: стебли либо стали плоскими, либо покрылись вздутиями, напоминавшими желваки, листья выглядели рахитичными. На кокосовых пальмах вместо орехов торчали пучки тонких ветвей. Деревья казались многоголовыми. Некоторые пальмы начали закручиваться в спирали.

Но больше всего поражали крысы. Они вынесли не одну атомную бомбежку, питались зараженными злаками и в результате... популяция крыс на Энгеби возросла в несколько раз.

В их тканях, среди прочих радиоактивных изотопов, были обнаружены цезий-137 и кобальт-60. Но грызуны прекрасно жили со смертоносным «грузом», как и пальмовые крабы, хранившие под панцирями стронций-90.

Жителей Ронгелапа вернули на родину через три года после того, как их остров засыпал пепел с Бикини. Поскольку крабы составляли излюбленное лакомство островитян, американцы категорически запретили людям трогать их.

Что же ожидало ученых на Бикини?

Настоящие джунгли!

Кустарник стоял непроходимой стеной. Биологам пришлось, засучив рукава, взяться за мачете, чтобы проложить себе путь. Песчаная магнолия и саевола почти скрыли останки брошенного селения. Густые пучки мессершмидии заплотонили пляж. Немецкий ботаник Даниил Мессершмидт, исследовавший архипелаг в XVIII в. и назвавший своим именем эти растения с маленькими белыми цветами, был бы в восторге. Остров напоминал райские кущи. Кусты выглядели на желтом песке словно танцующие девушки в кринолинах, застывшие по мановению волшебной палочки балетмейстера.

Баракки американского лагеря тоже исчезли под густым листовым покровом, посадочные полосы захлестнул плющ — он расплзся по острову, словно стоглавая гидра, пожирающая следы пребывания человека. Ботаник

экспедиции доктор Пеламбо утонул в зеленом водовороте: шесть лет назад, по окончании испытаний, он пометил бетонными надолбами границы распространения отдельных видов. Сейчас ни одной из этих отметок нельзя было отыскать.

Крысы выскакивали из-под ног.

— Сколько их здесь! Немыслимо!

— Помните, еще на Энгеби нас поразило, что крысы сумели пережить четыре водородных взрыва...

— Возможно, они скрестились с крысами, привезенными сюда на судах обеспечения в перерывах между стрельбами?

— Не думаю. Вид несколько не изменился. Точно таких же мы ловили перед началом испытаний.

— Их мог спасти образ жизни. В конце концов крысиные норы — идеальные бомбоубежища.

— Но кто их оповещал о взрывах? Вспышка неминуемо должна была ослепить животных...

— Радиация не стерилизовала их... Наоборот, бомбежка активизировала процесс размножения!

— Честное слово, похоже, что атолл вместо пепла засыпало стимулирующими гормонами.

Да, главный остров Бикини страдал от перенаселенности: птицы не могли отыскать свободной ветки, чтобы свить гнездо, тысячи гнезд торчали из травы на побережье.

Ихтиолог Александр Уэлендер с сияющим лицом вынырнул на поверхность после первого погружения. Пока он откалывал кусок коралла, пестрые рыбы, несколько не обеспокоенные присутствием человека, роились вокруг.

— Я уверен, — снимая маску, сказал Уэлендер Дональдсону, — что в лагуне сейчас наблюдается такая же биологическая активность, как 500 миллионов лет назад, когда водная среда была колыбелью жизни на Земле. Мир начинается здесь заново! Следует говорить не «Бикини, 1964 год новой эры», а «Бикини, год 6-й после Бомбы».

Кабинетные гипотезы, лабораторные тесты — все прогнозы о ядерном эффекте оказались несостоятельными. Предполагалось, что острова облысеют, в лучшем случае останутся подстриженными под «ноль», — а тут непроходимые джунгли. Утверждалось, что ударная

волна и проникающая радиоактивность уничтожат все живое, — а тут кишки крысы, роились черепахи, не умолкали птицы.

— Ясно одно, — заключил Дональдсон. — Радиобиологам следует работать «на натуре». Лабораторные опыты способны включить лишь ничтожную часть параметров естественной среды, в которой производится взрыв.

Чья целительная длань простерлась над израненной и облученной землей? Великим врачом оказалась сама природа, ветры и течения, омывающие остров, едва выступающий над поверхностью океана.

Ведь океан когда-то рассеял жизнь по семи ветрам; сейчас летучие семена упали наземь, и земля покрылась зеленым убором. Ничего не выросло лишь там, где исчезла почва. Три островка, оказавшиеся в эпицентре последних взрывов 1958 г. — Аомоен, Ромурику и Уорику, потеряли растительный покров.

Свою роль сыграл также фактор времени. Дональдсон и Уэллендер отправились на катере к северной части атолла, где зиял знаменитый кратер теста «Браво», сфотографированный впоследствии со спутника. Верхушка островка Наму, начисто срезанная ударом, выглядела сейчас сплошным ковром белых цветов мессершмидий, где птицы свили гнезда.

В лагуне стаи рыб-попугаев эскортировали пловцов. Но куда делись ракушки, которые прежде собирала детвора? Должно быть, задохнулись в радиоактивном иле.

— Рекомендую вам дождевую воду. Она восхитительна. Я не встречал лучшей на полинезийских атоллах, — с видом знатока заявил доктор Гессель. Но восторг первого момента угасал по мере детального знакомства.

Не все было столь радужным, как показалось ученым на первый взгляд. Растения, заплонившие свободное пространство, оказались в основном сорняками. Кокосовые пальмы исчезли с главного острова. В южной части атолла были замечены лишь несколько рахитичных экземпляров: стволы не достигали и половины прежних размеров, в листьях не хватало хлорофилла.

Странная вещь. На Эниветоке и Ронгелапе наши коллекционеры столкнулись с обратным эффектом: кокосовые пальмы «болели» гигантизмом, их верхушки

пышно разрослись, тянулись к небу, не позволяя взреть плодам.

Вечером в палатке при свете керосиновой лампы Дональдсон и Уэлендер пытались предугадать дальнейший ход неведомой им игры.

— На других тихоокеанских атоллах существуют аномалии подобного рода. Деревья-монстры — не оригинальное явление, их появление не обязательно связано с ядерными испытаниями. У природы тоже ведь есть свои нетипичные представители, свои уроды.

— Действительно. В Гонолулу я видел пять пальм, выросших из одного корня...

— Факт налицо: в первые годы после атомного взрыва наблюдается своего рода растительная лихорадка, страсть к размножению...

— Возможно, она является следствием резкого изменения среды?

Откуда начать танцевать? Изыскатели боялись готовых теорий, как чумы. С одной стороны, они ни в коем случае не желали присоединяться к хору тех, кто в страхе перед атомом видел мутантов на каждом шагу. С другой — нельзя было и преуменьшать реальную опасность. Развенчать миф — да, но не ценой потери истины...

Кто оказался более дезориентированным — человеческий мозг, бессильный постичь последствия своих поступков, или природа, сбита с толку?

Как объяснить гигантизм одних и карликовый рост других? Безумный прилив жизненных сил и стойкую анемию?

— Деревья с пышной кроной — представители первого поколения. Так же, как дикий виноград, сквозь который нам пришлось пробираться с помощью мачете. Но чуть дальше растет другой виноград — с плоскими, как лапша, лозами и крохотными сморщенными листочками.

В предыдущие приезды Уэлендер встречал гигантские раковины в нескольких километрах от эпицентра. Сейчас ракушки попадались реже, чем жемчуг. Подвергшиеся радиации и доставленные в лабораторию кукурузные зерна дали нормальные ростки, но во втором поколении из земли вышли карликовые особи. Значит, болезнь поражает генетический механизм?

— Ничто не доказывает, что эти изменения вызваны радиацией, — говорил Дональдсон. — Попробуем найти более простое объяснение: а вдруг рахитичность — результат недостаточности питательных веществ? Не удивлюсь, если почва окажется обедненной некоторыми солями.

— На месте прежнего селения, — заметил геолог доктор Гессель, — можно высадить прекрасную плантацию кокосовых пальм. Почва там весьма богата минеральными солями.

Перед Дональдсоном начала вырисовываться пессимистическая картина. Возможно, чем выше живые существа находятся на эволюционной лестнице, тем более они чувствительны к радиации. В одном лесном заповеднике между сосен зарыли цилиндр со стойким радиоактивным изотопом цезием-137. За три года постоянного облучения массивными дозами гамма-лучей мхи и лишайники не претерпели особых изменений, а вот сосны умерли, перестав обновлять свою хвою.

На Бикини прослеживался аналогичный феномен: злаковые растения и кустарник выжили, а плодовые растения выродились. Низшие виды процветали, тогда как более развитые не в силах были адаптироваться к новым условиям.

Убить жизнь ни расщеплением атома, ни термоядерной реакцией оказалось не так легко, как считалось прежде. Это был первый урок, вынесенный «аргонавтами». Возможно, он вселит надежду в народы всех континентов? Нет, скорее, станет грозным предупреждением.

Пятнадцать человек, с трудом пробиравшиеся через заросли дикого винограда, исчезавшие с головой в цветущих кустах мессершмидии, ловившие руками полосатых рыб в лагуне, могли засвидетельствовать, что гибель людей не означала еще конец света. Теперь было ясно: некоторые формы жизни лишь выигрывали от смерти людей.

Да, жизнь была ключом на атолле, пережившем несколько атомных войн. Но о каких биологических проявлениях шла речь? Качество этой новой жизни вызывало серьезное беспокойство. Она не годилась в помощники человеку. Она процветала, но человеку не было места на этом празднике.

Бикини нельзя было заселять; ведь виды растений, дававшие островитянам пищу, обречены на вырождение. Человек мог смело вдыхать здешний воздух, пить дождевую воду, но как ему жить — если не сбрасывать на парашютах сухой паек?

* * *

Старый сказочник не знал о том, что по его родному острову бродят исследователи. Но ему и не требовалось совершать путешествие. Сидя на пороге своего временного жилища, вдыхая морской ветер, он с тоской думал о Бикини. Его братья считают, что избежали козней Либокры? Ведьма умерла, это так, но ее яд отравляет жизнь многих поколений...

— Один мореплаватель, — рассказывал алаб детям, — узнал тайну Либокры и поведал ее белым людям, жившим на Западе. Они воевали тогда с людьми, жившими на Востоке. Чтобы победить врагов, белые люди решили использовать чары Либокры. Всю ее злобу они собрали в ящик, похожий на акулу, и сбросили в лагуну Бикини.

И случилось то же, что и в тот день, когда моряк бросил рыбам Ронгерика тело Либокры. Ящик раскололся о рифы. Злые чары вырвались на свободу и поднялись в огромном столбе воды и пара. Они отравили океан и все наши острова.

Когда моряк снова вернулся туда, он увидел, что оставшихся в живых людей надо жалеть больше, чем умерших: кокосовые пальмы не давали больше орехов, вместо цветов росли карликовые пальмы, мясо крабов отравлено, черепахи ослепли — отложив яйца в песок, они не могли найти дороги к морю, их панцирями усеяны теперь могилы предков.

В древних преданиях говорилось, как Либокра, прилетев в королевство Ралик, попыталась сначала отравить Бикини. Ее прогнал дух-хранитель, и она устроила свое убежище на необитаемом атолле Ронгерик. И вот много веков спустя она добралась все же до Бикини в виде «белой смерти».

Жители других континентов называют это зло «загрязнением окружающей среды». Это отравление, пе-

редаящееся из поколения в поколение, — таинственный процесс искусственной радиоактивности, распространившейся на поверхности океана.

* * *

Биологи готовились увидеть на месте атолла адский котел. Поэтому главной их задачей было выяснение воздействия радиации на живые организмы. Речь шла о внешнем заражении, источниками которого были частицы пыли или материалы, испускающие радиоизлучение.

Гораздо труднее поддавалась выявлению опасность внутреннего заражения — поглощение человеком через дыхательные пути или с пищей ионизирующих частиц, когда он сам становится источником радиоактивности, разрушающей его собственные ткани.

Общая оценка была положительной. Человек мог оставаться даже без одежды на главных островах Бикини. Исключение составляла северная часть атолла, особенно Наму.

Давайте представим, что сюда попал Робинзон.

На самом Бикини и на Эниу уровень радиации не превышает нормы, Робинзону не грозит опасность. Но на Наму ему не рекомендуется задерживаться надолго. В пресной воде на Наму Дональдсон обнаружил высокое содержание стронция-90. Лучше уж не искать убежища на Наму. Зачем рисковать.

И еще один тревожный факт, о котором мы уже говорили: простейшие организмы — планктон, водоросли — оказались менее подверженными влиянию радиации, чем существа, для которых они служат пищей; уязвимость возрастала с каждой ступенькой эволюции.

Сыщется ли здесь место для столь сложного организма, как человек? Биологам предстояло установить «предел» опасности.

Поглощение изотопов, содержащихся в пище, вынуждало учитывать самые малые количества искусственной радиоактивности.

Вот на берег сходит заехавший в эти широты скиталец морей. Он лакомится нежным крабьим мясом, съедобными ракушками и возвращается к себе на судно. Беспокоиться не о чем. Но, предположим, он решает

обосноваться на острове и начинает питаться его дарами круглый год, т. е. все триста шестьдесят пять дней... В конце концов приходит время платить по «биологическому счету». Конечно, доза, составляющая миллионную часть кюри, ничтожна. Но умноженная на сто, на тысячу... Отрава не выводится из организма, она накапливается.

Каков же вывод — обитаем остров или нет? Судить окончательно можно будет лишь через энное количество лет. Предстоит проделать огромный объем работы, собрать обширнейший материал.

Биологам надлежало обследовать все, что служило пищей для островитян бывшего королевства Ралик на севере Маршаллова архипелага. За сутки бикиниец вдыхает столько-то кубических литров воздуха, выпивает два литра дождевой воды и сок десяти кокосовых орехов, съедает 400 граммов плода хлебного дерева, 100 граммов ароурута и таро, 200—300 граммов рыбы. Это обычно. Но ведь есть и праздники, когда режут поросенка и кур, а они тоже могли оказаться зараженными. Кроме того, излюбленные деликатесы — черепаший яйца и пальмовые крабы. Нельзя исключить, что какой-нибудь лакомка не объестся этой снедью... Оперировать средними данными в вопросах здоровья опасно.

Образцы пищи из коллекции Дональдсона были высушены в лаборатории; определялось содержание радиоактивных элементов в грамме сухого вещества. Одновременно биологам предстояло выявить «максимально допустимые дозы поглощения».

В стерильные вольеры поместили более тысячи крыс, которых не только подвергли облучению, но и кормили радиоактивной пищей. Затем наблюдали, какие изменения происходят в организмах животных на разных стадиях заражения. Статистическая кривая показывала, какое количество поглощенных пикокюри поражало костный мозг, кроветворные органы и железы. Отмечалась также частота появления злокачественных образований в зависимости от дозы.

В мякоти кокосовых орехов содержание стронция-90 (период активности — 28 лет) было весьма незначительным: 0,90 пикокюри на грамм. А вот плод пандануса содержал уже 160 пикокюри на грамм.

С рыбами осложнений не возникло: в их тканях оказалось мало цезия-137 и стронция-90. Оба вещества концентрировались в основном на суше. Так, в панцирях пальмовых крабов Дональдсон выявил содержание до 2300 пикокюри в грамме сухого вещества. На Бикини, как и на Ронгелапе, на крабов был наложен строжайший запрет.

Крабы стали хорошими индикаторами радиоактивного заражения природной среды. Максимально допустимая суточная доза равнялась 88 пикокюри. Прожорливый краб накапливал из растений и минеральных солей почвы необходимые для «производства» панциря элементы, а с ними стронций-90. Периодически во время линьки он сбрасывал с себя скорлупу — таким образом, радиоактивные вещества снова проникали в землю. Растения «обманывались», принимая стронций и цезий за кальций и калий.

Неизвестность витала над будущим. Ученые не были уверены, сумеет ли время залечить все раны. Экспериментаторы еще не обладали данными о влиянии слабых доз радиоактивности на генетический аппарат. Разве можно определить действие одной выкуренной пачки сигарет на жизнь человека? Никто не мог взять на себя смелость утверждать, что даже незначительное воздействие радиоактивности не отражается на генетическом материале. Риск появления дефектных генов в последующих поколениях не исключался.

* * *

С некоторых пор сказочника дри-канана стали посещать во сне кошмары.

Вот он выходит из церкви и хочет спуститься к морю. Но ноги сами почему-то ведут его к центру острова. Каждый шаг стоит невероятных усилий. Шум волн не доносится больше до его ушей... Обессиленный, он падает на землю и ползет, ползет. В рот набивается песок, солнце немилосердно печет голову. Агония близка. Он вот-вот умрет от солнечного удара, так и не ощутив ласковой прохлады моря.

Вокруг какие-то гигантские белые скелеты, застывшие в странных позах, — чудовищное зрелище. Должно

быть, по этому пути страданий двигались и другие существа, так и не сумевшие достичь заветного моря.

Он слышит мощный вздох. Нет, это не он испустил дух. Перед ним на песке лежит умирающая зеленая двухметровая черепаха. Ей уже лет сто, но она могла бы прожить еще два века. Ее не ранил человек, она не попала в ловушку — ее убило солнце, как и других ее сестер, очутившихся в центре острова. Старый алаб заползает на кладбище морских черепах. Нет сил шевельнуть рукой или ногой, чтобы прийти на помощь издыхающему существу.

...Раньше мы знали песни, помогавшие черепахам поползти до берега. Я знал их наизусть и часто пел на языке ларойдж. Но ни один звук не вырывается из пересохшего горла!

Когда мы жили в краю Ламорен и духи предков хранили нас, я часто видел на рассвете, как черепахи медленно ползут к морю. Ночью они выбирались на песок и зарывали яйца, а потом возвращались в родную стихию.

Черепахи потеряли чувство ориентировки. Они забыли «путь жизни». Либокра отравила водоросли, которыми они питались, и их разум поразили недуг...

В другую ночь сказочнику снилось, будто он идет по тысячам птичьих яиц, из которых никогда не вылупятся птенцы. Большие фрегаты и хохлатые рифовые цапли напрасно высиживали потомство. Старик считал полнолуния, тревожился вместе с птицами. Но однажды поутру птицы улетели, бросив яйца.

В кошмарах алабу грезилось, что он видит рыбу с выпученными глазами, которая карабкается по стволу пальмы за насекомыми и застревает в ветвях, не в силах спуститься.

— Скажи нам, где все это происходит? — спрашивали его юные слушатели. — Назови имя этой земли. Может быть, это Бикини?

— Не знаю. Я просто рассказываю вам то, что иногда вижу во сне...

Родители как могли успокаивали детей. Старик горит чепуху, он болен. Островитяне давно уже не верят дри-кананам. Странно другое — почему американцы, приезжающие со своих секретных баз, никогда не проносят при них имя Бикини...

Тодд Дженкинс сидел на носу баркаса, перевесив босые ноги через сундучок с вещами. Волна, откатившись от рифа, обдала его белой пеной. В нескольких саженях от берега Кили кормчий спрыгнул в воду и стал подталкивать баркас к берегу. Выгрузка доставляла немало хлопот — надо успеть выскочить и перетаскать груз до того, как с грохотом накатится очередная вал. Дженкинс старался изо всех сил, но все же его сбило с ног.

Было раннее утро. Все население столпилось на берегу, мокро блестящем от луж прибоя. Дети бросились навстречу гостю, осторожно ступавшему по слою ракушек и коралловых обломков.

— Йокве, — приветствовали его ребяташки, поблескивая зрачками и не без труда разжимая зубы: рты у них были набиты беловатой массой плодов хлебного дерева.

— Йокве, — приветствовали его женщины, прижимая отечными руками к груди младенцев.

— Йокве, — торжественно произносили главы кланов, протягивая руки.

Церемония затянулась. Каждый мужчина внимательно вглядывался в лицо гостя. Женщины смотрели на него исподтишка. Девушки смущенно прыскали в кулачок.

Джуда, которого поддерживал за локоть Томаки, надел на шею гостю гирлянду цветов. Островитяне впервые видели такого американца — бородатого, босоногого, в вылинявшей майке; «бамбуки» с военных баз выглядели совсем иначе. Вместо надписи «Армия США» на груди у него красовалась выведенное большими буквами «Я вас люблю». Точный эквивалент «Йокве юк».

Джуда не мог взять в толк цели его приезда. Гость — не врач, не пастор, не студент профессора Мейсона, собирающий материал об этнографических особенностях местного населения и природных ресурсах. Визитеры не балуют Кили, но их появление даже на несколько часов выводит заброшенный остров из тягостного оцепенения. А этот американец совершенно не похож на матроса с каботажного судна, еще меньше — на представителя

администрации. Он намерен пробыть целый год на Кили среди потерпевших крушение людей... как это он сказал... «с миссией мира»?

Это выражение неприятно резануло слух иройджа: двадцать лет назад американский коммодор попросил их убраться с Ламорена во имя мира. Нет-нет, успокоил старика Тодд Дженкинс, он не служит в армии, он вообще никак не связан с теми, кто делает или испытывает Бомбу.

Один из самых уважаемых членов совета старейшин, Лоре Кеджибуки, повел молодого гостя в общинный дом. По дороге он остановился и церемонно подал американцу кокосовый орех. Старейшины молча ждали, пока Дженкинс утолит жажду.

— Я знаю о ваших страданиях, — наконец произнес тот. — Но я приехал не затем, чтобы помочь вам составить очередную жалобу. Я не собираюсь инспектировать здесь что-либо. Я просто буду жить с вами, так же, как вы. Это будет самым верным свидетельством...

* * *

Когда Тодд проснулся, все юные члены клана давно уже умылись и оделись. Алаб, сидя на пороге дома, брился. Женщины убрали опавшие листья, куриный пух и прочий мусор. На границе территории клана были вырыты выгребные ямы, а дорожки и аллеи, посыпанные толченым кораллом, блистали чистотой. Тогда пригласили на «хабунг» — холодный завтрак; его ели руками. На пальмовых листьях лежало немного вчерашнего пюре из плодов хлебного дерева, несколько бананов; запивали все это пальмовым соком пополам с водой. Младенцев поили этим настоем бодрости из сосок.

— Извините, но у нас нет американской воды в банках, — сказал гостю алаб Лоре.

Покончив с завтраком, Тодд отправился с группой мужчин к сушильне копры.

На светлой маленькой поляне, среди кокосовых пальм, стоял крытый листьями навес. Там тлел костер, а над ним были подвешены половинки кокосовых орехов, обращенные внутренней частью к очагу.

Предназначенные в пищу орехи, наполненные соком, обычно срывают с деревьев — юноши карабкаются на

ствол и сбрасывают их стоящим внизу взрослым. Тяжелые плоды, похожие на мячи для регби, передают по цепочке. Остальные орехи оставляют дозревать, пока они не упадут сами. На этой стадии оливково-зеленая скорлупа приобретает шоколадный оттенок, внутри почти не остается жидкости, а мякоть превращается в твердую сердцевину. Из нее-то и делают копру. Орех раскалывают надвое ударом мачете и коптят над очагом.

После просушки мужчины сдирают скорлупу, рубят орехи на мелкие куски и наполняют ими мешки весом до 25 килограммов. Пустую скорлупу бросают в костер.

В полдень появилась девушка с хорошо умощенными волосами; она раздвинула ветви и поставила наземь котелок с рисом и банку тушенки. На двенадцать человек. Мужчины положили скудную снедь в половинки орехов, служившие тарелками. Пока они ели, девушка, вооружившись пальмовой веткой, отгоняла привлеченных запахом пищи крыс.

Работа в сушильне продолжалась до вечера. Мужчины торопились: надо подготовить урожай к прибытию японской шхуны с Джалуита. Она курсировала между островами, закупая копру для мыловаренной фабрики. Взамен бикинийцы могли приобрести на судне рис и несколько банок консервов.

— Будем молиться, чтобы непогода не задержала судно, — сказал Лоре американцу. — Рис уже на исходе, хотя весь год мы строго экономили его. Ведь продать урожай копры удастся не чаще двух-трех раз в год.

Проходя по деревне, Тодд ужаснулся виду детей: руки и ноги искусаны насекомыми; раздувшиеся от недоедания животы на ножках-спичках делали их похожими на маленьких уродцев.

* * *

На Кваджалейне Тодд слышался упреков в адрес ссыльных бикинийцев:

— Только и делают, что строчат жалобы. До чего бестолковый народ! Нет, чтобы начать ловить рыбу на Кили — пищи было бы сколько угодно.

Тодд хотел все увидеть своими глазами; он попросил младшего брата алаба Лоре взять его с собой в море. Островитянин поймал осьминога для наживки, разрезал его на куски, и лодка отчалила от берега. У кромки кораллового барьера они чуть не перевернулись. В ста метрах от Кили проходит довольно мощное течение, грозящее утянуть утлую посудину в океан. Но моряк умело маневрировал, не переставая забрасывать удочки с наживкой.

После шестичасовой борьбы со стихией от осьминога ничего не осталось — чаще всего наживку срывали огромные тунцы или акулы. В лодку удалось затащить лишь одну-единственную рыбу: обед для девяти ртов. Пора было возвращаться.

На Кили нет причала. Каждый раз надо спрыгивать в воду при высокой волне и тянуть лодку в опасной близости от острых выступов кораллового рифа... Еще один рыбак вернулся домой. Ему не повезло, он ничего не поймал.

— И так всегда... А на Бикини моя семья ела рыбу каждый день.

На пляж высыпали ребяташки. Рыбаки позвали самого сведущего в английском, чтобы перевести разговор.

— Что вы будете делать завтра? — осведомился Тодд.

— Опять выйду в море. Надо попытать счастья, потому что в ноябре станет совсем плохо. Шторм продлится несколько месяцев.

Старый рыбак смеется. Это не вызов — просто он уже потерял всякую надежду. В его смехе было что-то конвульсивное, близкое к истерике. У рыбака не хватает двух пальцев на руке, а ладонь обезображена глубоким шрамом.

— В тот день я во что бы то ни стало хотел вытащить тунца. Ах какой это был тунец! Мы боролись не один час. Из ладони хлестала кровь. Пришлось выпустить... Знаете, моим детям все равно больше нравится тушенка, они отвыкли от вкуса тунца!

Искалеченной рукой он обводит все вокруг.

— Кили джоб емон!

— Кили не есть хорошо, — добросовестно переводит мальчик.

Под навесом стоял большой баркас с подвесным мотором.

— Почему вы не пользуетесь им? Ведь с мотором можно выходить в открытое море? — спросил Тодд у Лоре.

— Однажды случилась беда. Рыбаки отправились в море на баркасе. Было девять часов утра, небо хмурилось, обещая бурю. Мотор вдруг заглох. Двое мужчин поплыли к берегу, чтобы позвать на помощь. У самого рифа акула оторвала ногу одному из них. Волна сразу стала красной. Мы не нашли потом никаких его следов... Так что пироги надежней!

Тодд окончил нью-йоркский колледж и получил диплом психолога. В механике он разбирался плохо, починить мотор ему не удалось. И даже если бы он смог завести его, островитяне не захотели бы пользоваться баркасом: посудина не внушала им доверия. Акулы попробовали человеческого мяса и теперь крутились у берега, ожидая поживы.

«А мои соседи наверняка умирают от зависти и говорят родителям: „Повезло вашему сыну, он живет в настоящем раю“. Да и как иначе? На островах Южных морей достаточно нагнуться, чтобы поймать рыбку, протянуть руку, чтобы сорвать плод хлебного дерева. Если бы Л. Б. Дж.¹ знал, до чего «легко» живется на тропическом островке, выступающем едва на двадцать футов над поверхностью океана... Легко, когда приезжаешь туда на комфортабельной яхте!»

Крик петуха, будившего на заре Тодда, на мгновение рождал иллюзию, будто он живет на богатом рыночном американского Запада. Но спазмы в желудке вызывали отнюдь не запах жарящегося бифштекса: «хабунг» день ото дня становился все скуднее.

Радио сообщило, что в районе Маршалловых островов приостановлено всякое движение самолетов и судов. Американцы готовились к новым сверхсекретным испытаниям. Эмбарго грозило голодом обитателям Ки-ли: ведь оно означало, что судно с продовольствием не сможет прийти из Джалуита. Кто знает, может японская шхуна уже повернула назад? Или направилась к Каролинским островам, где их тоже ожидали с копррой?

¹ Президент США Линдон Б. Джонсон.

Японцы аккуратные люди, если они не явились вовремя, значит... Значит, урожай будет лежать на складе Кили до следующего захода.

Даже когда не осталось ничего, кроме корней, Тодд восхищался, с каким старанием женщины готовили «кайот» — обед, на который в конце дня собирались все члены клана.

Две хозяйки разжигали из кокосовой скорлупы, коры пандануса и щепок огонь в особой печи, сложенной из окаменелых кусков коралла. Когда костер прогорал, они выкладывали завернутую в зеленые листья еду на горячие камни и закрывали печь мешковиной. Полчаса спустя «кайот» был готов.

* * *

Джосиа стучит железкой по пустому баллону от кислорода: деревенский пономарь созывает островитян на воскресную службу.

Прихожане от мала до велика, здоровые и больные, все без исключения входят в широко распахнутые двери церкви. Принаряженные бикинийцы запевают псалом. Здесь, в храме, они чувствуют себя пассажирами Ноева ковчега. По правому борту на скамьях сидят мужчины, по левому — замужние женщины. Прочая публика теснится на носу. Ребятишки ползают на четвереньках и норовят дернуть за умощенные косицы девушек, которым поручено присматривать за ними.

Дощатая часовня украшена бумажными цветами, гирлянды свежих цветов покоятся на груди прихожан. Пастор начинает читать первую строку псалма, остальные хором подхватывают. Служба заканчивается пением:

«Когда сберемся мы на небеси»...

Тодд смотрит на лица молящихся. Они просветлели.

В воскресенье бог возбраняет сушить копру и ловить рыбу. Костры погашены. Пищу тоже не готовят — утром доедают вчерашние остатки; целый день островитяне проводят в церкви или возле нее. Для детей действует христианская воскресная школа. Любой взрослый может испросить слова и рассказать о чуде, которое сотворил апостол Петр при ловле рыбы, или о том, как Христос шествовал по воде, «аки по суху».

— Нет ничего невозможного для человека, в ком живы вера и надежда, — заключает пастор.

В четыре часа пополудни Джосиа вновь стучит железом в старый баллон; надтреснутый звон плывет над островом. Церковь пустеет. Томительно тянется ожидание конца воскресного дня. Мужчины, сидя под панданусом, играют камушками в шашки. Школьники в тысячный раз листают разлохматившиеся страницы американских комиксов, забытых здесь редкими визитерами.

Девушка, присев на корточки, щиплет струны плаксивого японского банджо, глядя, как в луже отражается хоровод бабочек. Ей хотелось бы потанцевать с подружками и парнями. Но негоже предаваться этому занятию в день Господа.

Тодд вытащил фотоаппарат и навел его на молодую мать, кормившую грудью ребенка. Та быстро запахнула платье.

«Надо же! Немецкие миссионеры приучили этих людей стыдиться своей наготы».

На аэродроме военной базы Кваджалейна он видел в витрине фотографии девушек с Каролинских островов в длинных юбках с обнаженной грудью. На Кили женщины купались лишь ночью, а днем входили в воду в платьях. По счастью, протестантское пуританство не затронуло мужчин.

На острове царит обманчивый покой. В действительности он означает, что люди перестали бороться за жизнь, поддались тропической жаре. Человек стал безвольным моллюском, вялой пальмовой веткой. Тихо, незаметно, исподволь к нему подкрадывается смерть. Все это — результат продолжительного недоедания, которое со временем перестаешь ощущать. Молчание американских властей, их несдержанные обещания и кошмары старика-ведуна ослабляют волю, подрывают силы к сопротивлению.

Лейтенант Руни, явись он сейчас на Кили, не узнал бы жизнерадостных, неутомимых людей, которым двадцать лет назад он объявил о конце войны. Тогда они казались неподвластными ни бедам, ни стихиям. Они вынесли японскую оккупацию. Они подняли насмех игрушки «бамбуков-американов». А сейчас люди находились уже где-то между небом и землей.

— Я заметил, — сказал Тодд пастору, — что они обретают веру в себя, только когда поют хором.

— Да, они любят петь вместе. Джуда знает, что это означает. Он сказал мне: «Придет день, когда, прижавшись тесно друг к другу, мы будем стоять на палубе Корабля, который повезет нас обратно, и море подхватит нашу песнь».

Каждый куплет бесконечных псалмов — для них волна, уносящаяся далеко-далеко, к Ламорену.

* * *

«Чем помочь им? Как вывести их из оцепенения?»

Тодд снова и снова обходил остров, не в силах найти ответа. В задумчивости он пускал по воде камешки.

Смирившиеся жертвы покорно вручили свою судьбу безгласным божествам. Иногда шлют им вежливые жалобы и напоминания, а остальное время предаются грехам. Это кого угодно могло довести до белого каления!

У бикинийцев все свелось к культу земли предков, принявшему вид тихого помешательства. Разве можно обратить на себя внимание американцев культом родины? Нужна активная кампания за возвращение на атолл, необходимо драться! Если добиться судебного разбирательства, дело можно выиграть, а изъятия душивной скорби никого не разжалобишь.

Необходимо громко заявить американцам, что покинутые двадцать лет назад жалкие островки и кокосовые пальмы — единственные и незаменимые. Неколебимая преданность своему атоллу должна выражаться иначе, не молитвами и жалобами.

— Нельзя покидать могилы предков. Души обретут покой, лишь когда наши дети будут снова играть возле них. Предки не переносят разлуки...

Для Джуды эта причина была более чем убедительной. Но вряд ли она возымеет действие в Вашингтоне.

— Надо настаивать на своих законных правах!

Тодд попросил Джуду в мельчайших подробностях рассказать ему, при каких обстоятельствах он согласился уступить Бикини американцам. Был подписан договор? Нет, все решилось устно. Американцы сказали ему, на какой срок «перемещают» островитян? Нет. Военный

губернатор просто сказал: «Мы должны на время поставить в лагуне военные корабли». На сколько месяцев? Коммодор сказал: «Корабли будут выведены, как только мы закончим работу». И добавил: «И вы сможете вернуться». «Начальник бамбуков никогда не говорил, что мы больше не увидим своей земли! Собрался совет. От имени алабов я объявил начальнику: „Мы согласны уехать, пока вы будете здесь трудиться на благо всего человечества“. Никто из нас не помышлял, что изгнание затянется так надолго».

С тех пор как Бикини и Эниветок были включены в зону испытаний водородных бомб, правительство США делало вид, будто оба атолла аннексированы на одинаковых условиях. Полномочные власти стыдливо умалчивали о событиях 1946 г., никто не вспоминал о цирковом номере вице-адмирала Блэнди, а датой «исхода» бикинийцев считалось время эвакуации жителей Эниветока. Подобная «забывчивость» вполне устраивала попечителей Тихоокеанских территорий.

Но вышла осечка. С помощью великовозрастного скаута, явившегося голубем мира в стаю перелетных птиц, бикинийские алабы решили восстановить истину. История Бикини должна рассматриваться отдельно от Эниветока, который реквизировали на неопределенный срок. Бикини был «одожден» на кратковременное использование: в 1946 г. ВМС Соединенных Штатов не заявляли о намерении завладеть им окончательно.

— Не надо ждать, пока за вами приедут. Возьмите инициативу в свои руки, — убеждал Тодд. — Мы вместе напишем петицию.

Оставалось узнать, в какие двери стучаться. Полигон находился в руках военных, а просители — «перемещенное население» — подпадали под юрисдикцию гражданской администрации. Соединенные Штаты разбили всю Микронезию на районы. Верховный комиссариат по делам подопечных территорий находился на Сайпане (Марианские острова). Военные базы не входили ни в один из этих районов. Администрация Маршалловых островов размещалась на атолле Маджуро, примерно в 200 километрах от Кили.

«Столичный» остров притягивал возможностью заработать. Около двух тысяч островитян теснились на обочине аэродрома, лепились на берегу лагуны в наспех

сколоченных хижинах. Оторванные от родных мест, они пытались сохранить названия своих островов хотя бы в именах, которые они давали общим баракам: «Дом Арно», «Дом Уджаэ», «Дом Аилинглапалапа»...

У Тодда был на Маджуро знакомый — Джек Тобин, работавший консультантом-этнографом при управляющем Маршалловыми островами. Тобин был горячим сторонником изменения политики помощи перемещенному населению; он слал в правительственные инстанции рапорты, в которых указывал на необходимость помогать островитянам устраиваться на новом месте, а не сбрасывать им продовольствие в чрезвычайных случаях. К бикинийцам, утверждал Тобин, не следует относиться как к балласту, а надо помочь им освоить новую землю; Кили — не приют для инвалидов.

«Мы не собираемся превратить молодых островитян в образцовых американцев. Пусть они сохраняют свою собственную культуру, но необходимо улучшить условия жизни на коралловых островах. Полагаю, что прежде всего следует облегчить их общение с американскими властями. Языковой барьер остается в этом смысле существенным препятствием. Мэр Кили — Джуда — не говорит по-английски. Алаб Лоре Кеджибуки, который, по всей видимости, сменит его на этом посту, тоже не знает языка».

Тобин пытался добиться разрешения для детей Кили продолжать учебу в маджурской школе после того, как они освоят азы грамоты на своем островке. Приезд Тодда был как нельзя кстати: он сможет давать первые уроки английского местной детворе.

Тодд отправил с торговым судном адресованное верховному комиссару письмо бикинийского совета. В послании говорилось, что обитатели Кили не намерены признать этот остров своей новой родиной и никогда не откажутся от своих законных прав на Бикини. Им хотелось бы знать дату возвращения, если только это не идет вразрез с благом человечества и установлением мира на земле. В отдельной записке Тодд просил этнографа поддержать их просьбу.

Тобин сообщил, что американское правительство проводит исследования с целью установить, пригоден ли Бикини для нормальной жизни. В настоящий момент оно ждет заключения биологов, которые должны сооб-

щить, не таят ли его флора и фауна опасности для людей, пока же Пентагон не может подвергать риску подрастающее поколение.

Наконец после долгих месяцев ожидания пришел и официальный ответ. Тодд перевел его Джуде. Верховный комиссар Уильям Норвуд, ссылаясь на доклад Комиссии по атомной энергии, чьи эксперты пришли к выводу: человек может жить на главном острове атолла Бикини, — полагал, что репатриация не за горами. Правда, конкретной даты он не указывал. Но эмбарго по крайней мере было снято.

* * *

Минул сезон штормов; в небе над Кили испытывали ракеты; движение судов в этом районе было запрещено. Потом приехали покупатели копры и привезли съестные припасы. Верховный комиссар по-прежнему молчал, а Бикини был по-прежнему скрыт облаком Либокры.

Однажды в воскресенье Джосиа, как обычно, созвал прихожан в церковь, колотя железкой по пустому баллону. Глядя на него, Тодд подумал: хорошо бы иметь набат, чей звон разносился бы на тысячи километров.

Он смотрел, как его новые друзья, принарядившись по случаю праздника, теснились у церкви. Внезапно он поймал себя на мысли, что машинально пересчитывает их. Вдруг его осенило:

— Сколько вас было при отъезде с Бикини? — вскочив с места, спросил американец алаба Килона.

— Сейчас нас почти в два раза больше. Но раньше мы жили на двадцати семи островах атолла. А тут один остров должен прокормить нас всех.

— Так вот что надо внушать правительству! — вскричал Тодд. — Кили слишком мал, чтобы кормить вас. Этот довод возымеет действие.

«Их дело правое», — повторял Тодд. Этот маленький народ победит, если проявит твердость и упорство. И хотя он понимал, что предстоит борьба мухи против американского слона, он выступал на стороне островитян.

Время пребывания Тодда на Кили подошло к концу. Он возвращался к жене, которая ждала его в Штатах. Кстати, там, в Вашингтоне, он сможет кое-что предпринять. Но кто сменит его на Кили?

Одновременно с ним на Маршалловы острова приехал еще один доброволец.

— Надо попросить Ральфа сменить меня здесь!

Ральф Уолтц, холостяк, провел год на островке Эбей в атолле Кваджалейн — лысом пятачке, куда сгнали несколько десятков семей. Доступ на главный остров атолла, где располагалась секретная ракетная база, был запрещен негражданам Соединенных Штатов.

Накануне отлета Тодд успел повидаться с ним на Маджуро.

— Я составил жалобу и хочу передать ее в ООН, — сказал Ральфу Тодд. — В ней приводятся аргументы экономического плана. Я сопоставил ресурсы Бикини и Кили. На Бикини население использовало всю цепочку островков: на одних они жили, другие приспособили под плантации кокосовых пальм, пастбища для скота, сбор черепаших и птичьих яиц. Ничего подобного нет на Кили, здесь даже черепахи не выползают на берег, настолько плотно он заселен. Лагуна Бикини богата рыбой, а кроме того, она служила отличным портом. Берега Кили открыты, и волны не позволяют рыбацким пирогам выходить в море по пять месяцев в году. Наконец, раз власти беспокоятся, как бы дети не заболели на Бикини лучевой болезнью, я обращаю внимание на тот факт, что здоровью детей на Кили грозят более банальные, но совершенно реальные недуги: Кили — очаг всевозможных инфекций. Там выпадает вдвое больше осадков, чем на Бикини, полно болот, которые кишат насекомыми. Жизненное пространство сведено до минимума; на узкой полосе вдоль побережья скапливаются отбросы, где размножаются паразиты. Все это создает антисанитарные условия. Приведенное сопоставление Бикини и Кили со всей очевидностью показывает, что люди на Кили — не закоренелые жалобщики и не строптивые бездельники, какими их хотят изобразить. У них просто нет элементарных условий для жизни, вот и все!

Ральф решил принять участие в судьбе изгнанников Кили. Вскоре после отъезда Тодда он высадился на осажденном акулами острове. В сундучке он привез нехитрые пожитки и несколько долларов, которые умудрился скопить.

Алабы приняли его в общинном доме; никогда до этого они не видели человека с такими светлыми волосами и такой розовой кожей. Он сразу же завоевал их сердца, обратившись с «челобитной»:

— Вы добрые люди и гостеприимные хозяева. В первый день я буду вашим гостем. Но с завтрашнего утра я прошу старейшин Кили включить меня в рабочую бригаду и считать меня бикинийцем наравне с другими.

Алаб Лоре объяснил Ральфу, что в понедельник, среду, четверг и субботу каждый волен выбирать себе работу по вкусу: ловить рыбу, сушить копру или возделывать сад. Вторники и пятницы посвящены общинным работам: ремонту домов, приведению в порядок главной улицы и боковых дорожек, чистке емкостей для воды. Иногда объявлялся «аврал», и все отправлялись на заготовку копры.

Ральф вызвался идти с рыбаками. На обратном пути, когда пирога преодолевала рифовый барьер, крутая волна опрокинула суденышко. Ральф и оба его спутника оказались в воде.

— Бако! Бако! — отчаянно закричал один из островитян.

Прямо на Ральфа двигалась акула. Рыбаки тут же сорвали с пояса привешенный улов и бросили хищнику свою добычу — три красноперки и несколько розовых сардин. Предусмотрительная мера: бикинийцы не впервые оказывались в воде в опасной близости от острозубых «бако» и освоили этот отвлекающий маневр.

Ральф с трудом добрался до берега и без сил рухнул на песок. Немного успокоившись, он пожалел о пропаже дневного улова.

— Из-за меня ваши дети останутся голодными...

— Но ты ведь рисковал жизнью, чтобы добыть им еду, — ответил рыбак.

Бикинийцам еще не случалось наблюдать за работой художника. Ральф ежедневно после четырех часов полудни устанавливал в кокосовой роще мольберт. Иногда ранним утром он пытался запечатлеть на холсте неповторимую зарю. Томаки и его сверстники были знакомы с фотографией: армейские кинооператоры и саперы-любители часто просили их позировать перед объективами для семейного альбома. Но то были люди занятые, они торопливо нажимали на кнопки затворов, словно лабораторные крысы, приученные давить на сигнальную педаль. Островитяне никогда не видели, чтобы американец склонялся над холстом столь долго и усердно, словно пастор над Библией. Заезжие визитеры метались по острову, как заведенные. Ральф удивлял островитян своим долготерпением. Детишки, бывало, подходили пощупать его — а не заснул ли американец? Кисточка оставляла на холсте красочные следы. Люди узнавали их, это были знакомые цветовые сочетания тропического пейзажа.

Девушки решили показать ему узоры на сплетенных из различных волокон изделиях. Ральф отнесся к ним с таким восторгом, что совет старейшин поручил ему наладить работу пришедшей в упадок мастерской. Ральф владел также резьбой по дереву и предложил подросткам делать макеты пирога с балансирами — знаменитых судов, снискавших предкам микронезийцев славу отменных мореплавателей. Юные моделисты с жаром принялись за дело, используя для этого податливое растение панданус. Сам Ральф вырезал из него скульптуры.

В хоре девушек выделялась солистка — красавица Орина. Поначалу она стеснялась американца. Немало труда стоило ей заставить себя по утрам дарить ему венок из ярких цветов: после чего она со всех ног пускалась прочь.

Орина была невестой на выданье. Парни из разных кланов пытались ухаживать за ней, но никакие волшебные дары и колдовские зелья не помогали им. Орина никому из них не отдала своего сердца.

Она долго набиралась храбрости, но однажды все-таки пришла в мастерскую Ральфа и устроилась в угол-

ке. Он попросил ее что-нибудь спеть, подыгрывая на банджо. Так было и на следующий день, и еще много вечеров подряд. Подростки-островитяне достали Ральфу со дна красноватую глину, из которой он начал лепить статуэтку девушки.

Он с нетерпением ждал наступления каждого вечера. Американец не мог работать ни над какой другой вещью. Когда она не пришла два вечера подряд, он сам явился в дом ее клана. Мать сказала, что Орина спит.

Наутро, едва увидев ее, он хотел заговорить с ней, но та юркнула в дом. Ральф удивился и решил поговорить с алабом ее клана.

Чем мог он обидеть девушку? Что он сделал не так? Если он и нанес обиду, то невольно, из-за незнания обычаев.

— Она ждет, когда ты украдешь ее!

Ральф запротестовал:

— Я уважаю ваш народ и не собираюсь действовать грубо, как солдат в оккупированной стране. Я надеялся, что вы считаете меня своим, хотел спросить Орину, согласна ли она стать моей женой. Потом я бы попросил ее руки у родителей.

— Ральф, мы считаем тебя своим сыном. Ты хочешь жениться по нашим обычаям?

— Это мое самое заветное желание.

— Орина угадала его и поэтому прячется. Она хочет, чтобы ты украл ее ночью. По возвращении жених и невеста окончательно говорят, счастливы ли они друг с другом. Тогда устраивают свадебную церемонию. Молодой супруг переезжает жить в клан родителей жены.

Чтобы не обманывать ожиданий Орины, американцу пришлось забыть о своем воспитании и имитировать кражу невесты. По обычаю, им полагалось отсутствовать три дня и три ночи. Орина, обнимая любимого, сказала, что он вовсе не обязан жениться на ней. Она очень хочет иметь от него ребенка. Даже если у ребенка не окажется потом отца, клан с радостью примет его и будет воспитывать наравне с другими.

На четвертый день Ральф отправился просить руки нареченной. Дяди девушки показали ему место, где они должны жить. Вся деревня явилась с подарками для молодой четы. Вечером, после церемонии в церкви, Ральф написал Тодду Дженкинсу:

«Это удивительные люди. Они так добры и внимательны друг к другу! Мне посчастливилось: они относятся ко мне, как к обычному человеку, а не как к американцу...»

* * *

Джуда теперь целыми днями не выходил из дома; он не мог покинуть тень, даже чтобы присутствовать на совете старейшин. Старый иройдж не желал показывать обезображенного лица. Томаки говорил с ним через занавеску.

Однажды утром Ральф увидел, как члены клана усердно ищут что-то вокруг подножия деревьев.

— Что-нибудь пропало?

Ему не ответили. Ральф пристал к Орине. Та нехотя сказала, что родственники Джуды проверяют, не закопан ли возле дома знак черной магии. Иройдж угасал, лекарства не могли помочь ему. Старики знали, что такой смертью умирают люди, на которых напущены злые чары: чтобы заставить человека мучиться в долгой агонии, враг зарывал у подножия дерева вблизи дома пустой кокосовый орех, в который запускал ящерицу. Зверек не мог вырваться из тюрьмы и медленно погибал; столь же медленно умирал и тот, против кого были направлены злые чары. Ни одно лекарство не поможет ему, если не выпустить ящерицу из ореха.

— Но кто заинтересован в смерти Джуды?

Орина опустила голову. Муж просил ее не скрывать от него ничего. Он был своим и имел право знать.

— Знаешь, они ищут, не очень веря...

— Кого ты подразумеваешь? Скажи!

— Не знаю... Может, Либокру, — едва слышно прошептала Орина. Она не хотела произносить всуе имя ведьмы. И, чтобы подбодрить себя, топнула ногой:

— В нее никто больше не верит!

Злой дух не желал выходить из Джуды и продолжал терзать его измученное тело. Силы оставляли иройджа, уже несколько дней он был не в силах пошевелить губами. Джуда думал, что его душа отлетит глубокой ночью, когда вся деревня будет спать. Но он продержался до рассвета.

Томаки с удивлением услышал, как отец зовет его.

Иройдж попросил усадить его в кресло, которое он занимал на совете старейшин.

— Сынок, позови Лоре...

Алаб Лоре Кеджибуки опустился у его ног, и иройдж сообщил ему свою последнюю волю:

— Тело мое возьмите с собой на Бикини. Я хочу проплыть весь путь до Ламорена. Знайте, я не найду успокоения, пока не окажусь на кладбище предков.

Лоре в слезах вышел из дома умирающего и отправился за Ральфом.

— Джуда просит тебя к себе.

Иройдж чуть заметно пожал парню руку:

— *Ко моле*, — выдохнул он. — Спасибо, сынок. Помоги нашим детям вернуть несправедливо отнятое. Помоги соединиться живому телу с душами умерших...

Острая боль прервала его на полуслове. Тело напряглось и затихло. Внезапно громкий, полный жизненной силы голос вырвался из груди Джуды:

— Нет на свете земли прекрасней нашей!

Последний крик загасил искру жизни. Тело обмякло и застыло. «Царь Джуда» умер. Но ему предстоял еще долгий путь.

Лоре приказал разобрать часть дома старого вождя, чтобы изготовить гроб. Женщины его клана пошли на берег собирать острые обломки камней. Могилу вырыли на маленьком холмике, где находилось кладбище. Прежде чем забросать гроб землей, алабы бросили в яму кусочки коралла, отломанного от рифа, — в знак того, что тела и души островитян обручены с морем, которое унесет их с Кили.

Могила была выложена белой галькой и походила на детскую колыбель. Женщины засыпали ее сверху гравием. На погребальной стене появилась надпись:

«Царь Джуда Л. (Ладжурелик).»

Родился 8 июня 1895 г. Умер 4 мая 1968 г.»

Поверх надписи была нарисована огромная голубая птица с распростертыми крыльями на фоне заходящего солнца.

Алаб Лоре поставил рядом с могилой кресло, служившее Джуде скромным тронem в изгнании, и положил на него большой медный котелок, в котором иройдж кипятил себе чай.

Вечером, после похорон, Ральф составил обращение

в комиссию ООН, начавшую проверку работы американцев на опекаемых Тихоокеанских территориях:

«Если Бикини очистился от радиации и пригоден для обитания, просим обязать Соединенные Штаты возвратить домой перемещенных лиц с их семьями».

* * *

Полдень. Из транзисторных приемников в разных концах деревни льется приторно-сладкая музыка. Когда диктор бесстрастным голосом сообщает долгожданную весть, люди погружены в дрему и их сознание не может уловить сказанного. К тому же информация помещена в самом конце последних известий, среди незначительных фактов.

12 августа 1968 г. президент Джонсон, отдыхающий на своем ранчо в Техасе, заявил: «Атомная война на Бикини закончена».

Она длилась каких-то двадцать два года. Изгнанники могут покинуть свое «убежище» на Кили. Да, подтвердил президент США, опасности радиоактивного заражения на Бикини больше не существует, и бывшие обитатели атолла или же их потомки могут вернуться туда, если пожелают. Некоторые части атолла, возможно, останутся еще на какое-то время в ведении министерства обороны, но присутствие военного персонала никак не мешает маршалльской общине занять главные острова. В настоящее время изучается план устройства и переоборудования прежнего места жительства.

Ральф выскочил из дома. Он ожидал взрыва бурной радости. Как бы престарелые и больные не умерли от избытка волнений!

Но Бикини-стрит была пуста. Вокруг хижин кудахтали куры, вспугнутые детворой. Джосиа не хохотал и не плясал, как в прежние времена, не колотил железкой по набатному баллону. Ральф был уверен, что уж парни и девушки по крайней мере затеют праздничный хоровод по такому поводу! Черт с ними, с пуританскими привычками, насажденными миссионерами!

Выбеленная солнцем улица была безлюдна. Ральф вошел в соседний дом. Люди сидели, словно оглушенные вестью, с недоверием глядя друг на друга. Моло-

дые, казалось, не понимали важности сообщения. Старика качали головой: за двадцать два года они стали недоверчивыми, слишком много было за это время обещаний, и ни одно не сбылось. Техас далеко, и голос оракула показался им совершенно нереальным. Вот уже двадцать два года радио сообщало обо всем на свете, кроме самого главного. Да и из чьих уст вырвалось название «Бикини»? Кто это сказал: диктор, президент Соединенных Штатов или больной старик на Кили, очнувшийся от тяжелого полуденного сна?

В тот же день с Маджуро прибыл чиновник. Он подтвердил сказанное. Значит, островитянам не померещилось...

Месяц спустя Лоре Кеджибуки в новом качестве «мэра» Кили встречал прибывшего с визитом верховного комиссара Норвуда. Американцы хотели, чтобы процедура избрания нового главы общины прошла демократически. Островитяне отправились к урнам положить камень за кандидата совета старейшин — Лоре. Алабы с горькой усмешкой смотрели на эту комедию.

Лоре встретил Вильяма Норвуда с таким торжественным видом, что гость сначала принял его за пастора.

— Когда мы впервые услышали весть о скором возвращении, — сказал ему новоизбранный мэр, — мы уже и не надеялись увидеть вас когда-либо на этом острове. Но теперь, когда вы приехали, мы верим, что это правда, и мы счастливы!

Орина родила ребенка. Глава клана отвел в сторону молодого художника:

— Теперь, даже если ты уедешь и больше не вернешься, часть твоей плоти и крови останется навсегда с нами.

Ральф уже не раз помышлял остаться навсегда в островной общине. Это решение было продиктовано духом искупления. Но сейчас его страна возвращала отобранную у бикинийцев землю. И те деликатно возвращали ему свободу.

— Мой дом там, где живут моя жена и мой сын, — ответил Ральф. — Жена хочет вернуться на Бикини. И я буду сопровождать ее.

19

Обычно, когда подплываешь к главному острову микронезийского атолла Бикини, еще издали видишь дымок над травяной кровлей. Сейчас безжизненность плоской земли нарушали лишь останки фортификационных сооружений. Вдоль берега, там, где некогда окаймляли пляж высокие панданусы, торчали полуразвалившиеся башни.

В 1964 г. биологи группы Дональдсона вскользь упомянули об огромной массе металла, сохранившей радиоактивность. За четыре года коррозия съела почти все. К 1968 г. остались лишь скелеты понтонов у причалов, металлические фермы, искореженная арматура. Все это напоминало какие-то чудовищные орудия пыток на прокаженной земле.

В глубине острова густая растительность скрывала уродливые порождения американской оккупации. Но на галечнике в прибрежной части громоздилось автомобильное кладбище, мрачное царство металлолома. Кокосовые пальмы исчезли, словно никогда и не росли здесь. Скальпированный остров покрывала саванна.

Верховный комиссар Норвуд пригласил Лоре сопровождать его в инспекционной поездке, разрешив взять с собой восемь-девять алабов; вместе они должны были составить представительную делегацию. При отплытии с Кваджалейна офицеры, физики-атомщики, чиновники, этнографы и фотографы заняли все спальные места на борту географического судна «Джеймс М. Кук». Лоре и восемь бикинийских делегатов всю ночь дрожали от холода на открытой палубе, скорчившись под брезентом на пропитанных сыростью матрацах.

На рассвете они побрились и облачились в праздничный наряд: белые рубашки и черные брюки, любовно выстиранные накануне женщинами их кланов. Лоре прицепил бабочку, алаб Килон повязал черный галстук.

Потом они осторожно втиснули ноги в новые штиблеты, купленные дорогой на Маджуро.

Гости спустились в десантные шлюпки и указали рулевым удобные места для причала. Островитяне первыми выскочили на берег, за ними бегом устремились фотографы, чтобы не пропустить волнующий момент. Но бикинийцы решили, что американцы тоже торопятся взглянуть на Бикини, и прибавили шагу. Им было неведомо, что репортеры спешили запечатлеть «радостное волнение на лицах людей, впервые за двадцать два года ступивших на родную землю».

В программе была предусмотрена церемония подъема флагов в честь передачи острова бикинийцам. Норвуд хотел провести ее на берегу, но Лоре сказал, что флаги надо поднимать на кладбище, среди могил предков, где они попрощались с островом в 1946 г. и где будет покоиться прах Джуды согласно его последней воле.

— Что ж, ведите нас!

Американцы боялись потеряться в хитросплетении дикого винограда. Сами бикинийцы не могли отыскать привычных ориентиров.

Люди углубились в растительный лабиринт. Когда-то к обители вечного покоя предков, туда, где сейчас должна была начаться новая жизнь общины, вел прямой путь. Но кладбище как будто исчезло вместе с бывшим селением. С ожесточением они махали мачете, прокладывая дорогу сквозь ветви и кустарники. Бикинийцев охватило какое-то неистовство, они торопились пробиться через нелепое препятствие, словно вели битву за освобождение предков из плена растений-паразитов.

Наконец после часа рукопашной схватки враждебный частокол расступился, и они вышли на кладбище. Килон пал ниц, тихий стон вырвался у него из груди; он произнес несколько ритуальных фраз на языке ларойдж. Его спутники опустились на колени и гладили могильные камни. Алаб Мозес Лоури порезал руки, раздвигая колючие ветви. Найдя могилу своих предков, он лег на коралловую плиту и обнял ее, словно драгоценный камень.

— Это моя! — зарыдал он.

Алабу казалось, что он держал в объятиях тень своего отца.

— Это моя!

Подожли запыхавшиеся американцы и начали усердно расчищать площадку. Верховный комиссар, словно министр при закладке первого камня, старательно орудовал тяпкой: управляющий Маршалловыми островами, капитан корабля и часть экипажа рубили ветки, утрамбовывали землю. Вскоре место было готово. Оставалось водрузить две мачты, на которых взвоятся флаги Соединенных Штатов Америки и Микронезии — россыпь белых звезд на ярко-синем фоне. Сгодились бы два дерева... но их не было на острове. Моряки достали из трюма «Джеймса М. Кука» два шеста.

Минутное замешательство. Каков ритуал при подъеме флагов? Норвуд поворачивается к советнику по развитию местных общин:

— Дик, как, по-вашему, должны висеть флаги относительно друг друга?

Дик в растерянности обращается с тем же вопросом к управляющему районом.

— Флаг Штатов должен быть слева, а микронезийский — справа, — решает тот.

Когда шесты воткнули в землю, оказалось, что флагшток Микронезии на добрый фут возвышается над древком американского флага — какая честь для подопечной территории! Пускай дети наших островов чувствуют себя здесь как дома!

Торжественная церемония началась. Алаб Килон читает «Отче наш», прося небеса о хлебе насущном. Кончив молитву, девять бикинийцев открывают глаза и смотрят, как национальные флаги медленно ползут вверх. На полпути американский застревает: сошел с колесика шнур. Моряки замирают, чиновники смущенно переглядываются — «шишки» падут на них. Фотографии знаменитого момента в истории американо-микронезийского культурного сотрудничества будут испорчены. Если не выправить положения, оно останется в памяти как провал внешней политики великой державы. Самый молодой бикиниец проворно скидывает лаковые штиблеты, быстро карабкается на шест и освобождает застрявший флаг. Аплодисменты. Вот когда пригодился навык лазания по кокосовым пальмам.

Норвуд, облегченно вздохнув, начинает заготовленную речь. В ней отмечается искренняя дружба обоих

народов и особенно подчеркивается забота его правительства:

— Вы — сыновья Америки, а правительство Соединенных Штатов никогда не бросает своих детей. Доверив нам эту землю, вы тем самым помогли укрепить мир во всем мире. Теперь вы сможете пожать здесь плоды честно заработанного мира...

Лоре от имени своих соотечественников поблагодарил Соединенные Штаты.

— Как хорошо, — сказал он, — что такой могучий народ услышал из такого далека наш слабый голос и возвратил нам родную землю. Это поистине акт щедрости и великодушия.

Советник по делам развития общин символично высаживает в землю четыре кокосовые пальмы, морща нос от острого запаха удобрений. Представитель Комиссии по атомной энергии подходит к Лоре и его спутникам, держа в руках большую коробку с памятными медалями, на которых выбито: «Бикини, 1968». Каждая медаль на серебряной цепочке. Опять «накладка»: одной медали не хватило. Физик обещает оставшемуся без награды, что непременно вышлет ему медаль по возвращении в Вашингтон. Надо же было так случиться, что не повезло тому самому алабу, который спас положение, высвободив застрявший флаг! Кстати, островитянин не понял заверений представителя, он вообще не понимал английского.

Из кустов появился опоздавший офицер с тесаком в руках: лоб в испарине, форма вся в колючках, руки изодраны, ноги подкашиваются — он словно только что вырвался из засады вьетнамских партизан.

— Куда подевалось это чертово кладбище! — хрипит он.

Гражданский администратор тихо объяснил ему, что бикинийцы давно вывели всех на место и церемония уже закончилась. Офицер ужасно раздосадован: надо же было потеряться на таком маленьком островке. Оглядевшись, зажатый между лагуной и морем клочок суши, он проворчал:

— Сколько шума вокруг этого Бикини! Я бы не стал лезть в драку за право жить здесь.

Ей-богу, это выше человеческого понимания: разводить канитель из-за такого пустяка.

Представитель КАЭ в восторге оглядывает свою добычу: он подобрал на берегу два больших стеклянных шара-поплавка от японской сети. Шары украсят вход в его виллу. «Какая прелесть», — восхитятся гости.

Американцы рассыпались по острову в поисках сувениров. Обломок железа из атомного ада будет выглядеть возле дома куда оригинальней скульптуры в стиле «поп». Бикини — сущий кладезь подобных вещей!

Пока офицеры и чиновники охотились за сувенирами, Лоре, горестно вздыхая, пытался отыскать следы домов, останки церкви или хотя бы пни срубленных пальм. Куда исчезли панданусы, дававшие и пропитание, и древесину для пирога, и стропила для жилищ? Из чего строить теперь дома, в которых куда прохладней, чем в американских бунгало? Все исчезло без следа...

Главная улица бывшего селения с трудом прослеживалась в густой саванне, пучки травы проросли сквозь гравий, безлистные кустарники тянули щупальца во все стороны, колючки больно секли по ногам.

— Все изменилось, — твердит Лоре алабу Килону.

Высочивший земляной краб шевелит тонкими ножками и сверлит его стебельчатыми глазами. Лоре отшатывается: физик-атомщик Томми Макгроу предупредил, что мясо крабов таит опасность. Либокра, готовясь к их возвращению, превзошла самое себя.

Повсюду кишат крысы. Алаб запустил в них галькой, бормоча проклятия.

Среди зелени торчат щиты, установленные в то время, когда уровень радиоактивности был еще высок. Надписи хорошо сохранились: «Осторожно! Употреблять в пищу плоды, растущие на этом острове, запрещается». В 1958 г. эти предупреждения должны были остановить людей, случайно оказавшихся в запретной зоне. Опасность миновала, но щиты забыли убрать, и издали они напоминали уведомление «По газонам ходить воспрещается». Но, взглядевшись в полинявшие от дождей строчки, человек ощущал, как по коже пробегает мороз.

Томми Макгроу подносил счетчик Гейгера к металлическим останкам на берегу, перешагивал через телефонные кабели, змеившиеся между каркасами тракторов, джипов и понтонов.

— Каждый скелет в отдельности не опасен, — заключает физик. — Обломки «остыли». Но если собрать их в кучу, я не рекомендую никому устраиваться на ней на ночевку!

Бикинийцы не улавливают смысла сказанного, они вопросительно смотрят на Макгроу всякий раз, когда он задерживается у очередной груды металлолома.

— Все в порядке! О'кей! — говорит Томми, приглашая следовать дальше.

Островитяне пытаются улыбнуться волшебнику, изгоняющему дьявола с помощью маленького прибора. Завезенные из другого мира стальные громадины вызывают у них страх и отвращение. пляж, некогда сверкавший белизной песка, захламлен искореженными механизмами: люди, научившиеся метать молнии, уничтожают свою собственную технику. Зачем? Это не перестает поражать островитян. Американцы не привыкли ничего беречь. Создание искусственных руин? Подобная расточительность непонятна бикинийцам, для них это просто варварство. Столько грузовиков и железных лодок уничтожено зря... А языковой барьер не позволяет понять, что говорит им симпатичный эксперт.

Двоим бикинийцам удалось отыскать одинокую кокосовую пальму, внешне вполне нормальную. Они сорвали орех, разрубили его пополам. Но можно ли пить молоко? Алабы не осмеливаются доверять собственному опыту, вековым привычкам. Приходится обращаться к американцам. Килон берет орех и подносит его ко рту. Макгроу ободряюще кивает:

— Давайте, давайте, это вкусно! О'кей!

Алаб не решается. Томми весело смеется и, запрокинув голову, выпивает половинку кокоса. Бикинийцы вежливо следят за ним. Поистине мир перевернулся: белые пришельцы учат их пить традиционный напиток на их собственной земле. Не окажись здесь милосердных попечителей, «дикари» умерли бы с голоду за пиршественным столом!

Корабль везет гостей и хозяев на второй по величине остров атолла — Эниу. Их встречает такое же неистовство дикой растительности. Люди вновь вступают в рукопашную с цепкой саванной, шумно пыхтя и кружась на одном месте. Час спустя добираются до бывшей авиабазы. Взлетно-посадочные полосы заросли кустарни-

ком, сквозь щели ангаров торчат ветки. Такое впечатление, будто археологи трехтысячного года раскопали аэродром доатомной эры. Вот, очевидно, диспетчерская башня, цистерны для горючего, мастерские. В этом лабиринте уже невозможно понять, где бетон, а где растительность.

В Хиросиме и поныне в 250 метрах от эпицентра взрыва поднимается к небу купол бывшего промышленного училища, чудом уцелевший посреди засыпанной пеплом пустыни. Единственный свидетель атомной катастрофы. Точно так же в центре Эниу сохранился бетонный каркас огромного ангара. Джунгли плотно закрыли двери и окна. Пришлось прорубаться внутрь помещения с помощью мачете и топоров. Целая армия крыс ждала пришельцев на пустом полу.

— Сборочный цех, — объявил Томми Макгроу.

В этом ангаре сотни рабочих и техников собирали водородную бомбу. Неосведомленные пришельцы могли принять его за тысячелетний храм страшного бога войны.

— Что это? — удивленно спрашивает Лоре. Американцы застыли на месте, благоговейно подняв взор к высоким сводам. Может, здесь была церковь оккупационных войск? Томми жестами пытается объяснить им смысл и назначение святилища. Он делает вид, что поднимает непосильную тяжесть, потом вздымает руки и кричит: «Бум-м-м!»

Интермедия прерывает томительную тишину, офицеры аплодируют миму. Лоре легким поклоном благодарит «артиста» за исчерпывающие разъяснения. В разговорах между собой атомщики избегают слова «бомба»; они предпочитают назвать ее «системой». Нейтральный термин.

Инженер, а за ним несколько фотографов полезли через окно на второй этаж в столовую для рабочих, монтировавших бомбу. Гости оказались в кухне. Дикий виноград буйно рос в мусорных баках, обвивался вокруг труб и холодильных камер. Инженеру пришла в голову удачная мысль: почему бы не переоборудовать это помещение для островитян? Здесь вполне может разместиться общинный дом или даже церковь.

— А мне кажется, — прервал его подошедший физик, — из этого здания выйдет прекрасная больница.

Верховный комиссар подбирает с пола несколько графинчиков для уксуса и масла: чудесный бикинийский сувенир для жены. Присутствующие следуют его примеру — один берет на память кофейник, другой — деталь от мясорубки, кастрюлю, пустую бутылку. Потом, дома, из этого можно будет сделать забавный ночник. Второго такого наверняка не найдешь во всем Техасе...

Американцы разглядывают свои туристские трофеи, радуясь, как дети. Норвуд, шествуя по сувенирной лавке, присел на пустой котел. Фотографы тут же защелкали камерами. Верховный комиссар имитирует позу усталого монарха разоренного царства в окружении почетной стражи электронных роботов. Аудитория показывается от хохота. Исключение составляют лишь девять бикинийцев, чьи лица сохраняют похоронное выражение среди резвящихся на пикнике скаутов.

Начинает сказываться жара, одежда прилипает к телу. Но фляги пусты, а кокосовых орехов, так утоляющих жажду, не осталось на выжженной земле. Карманы мундиров оттянуты сувенирами. На Эниу больше нет ничего заслуживающего внимания, пора на корабль.

Усталые туристы бредут по прорубленной тропинке. Когда же кончатся треклятые джунгли? Взмокшие американцы вдруг обнаруживают, что кружат по одному и тому же месту. А бикинийцы? Им, похоже, нет до этого никакого дела. Пусть хоть сейчас пригодятся на что-нибудь — надо вывести заблудившихся американских дядюшек. Какой-то офицер раздраженно бросает этнографу Джеку Тобину:

— Послушайте! Вы ведь понимаете их язык. Спросите у них, как выйти на чертов берег к кораблю... Ведь это же их родной остров!

Но бикинийцы тоже не уверены, что идут правильной дорогой: их остров изменился до неузнаваемости за эти десятилетия. Наконец сквозь ветви блеснула гладь моря.

Турне по островам продолжалось.

— Давайте съездим на Наму, взглянем на кратер, вырытый первой водородной бомбой, — предложил один офицер. — Тот, что сфотографировали со спутника. Как называлась та операция?

— «Браво» — подсказал Томми Макгроу.

Четыре года назад Дональдсон и его спутники ку-

пались в зоне, считавшейся навеки зараженной. Эксперты полагали, что почва в результате взрывов будет стерилизована. Наличие следов даже самых примитивных форм жизни граничило с чудом. Появление рыбы в лагуне и птичьих гнездовий на островах превзошло самые смелые предположения.

Бикинийцы не могли оценить прогресса. Они сравнивали нынешние джунгли с прежними ухоженными рощами, рядами плодовых деревьев. Они ведь покинули не первобытный хаос. Представшее зрелище показало им случившееся несчастье во всем масштабе.

Островок Наму — не что иное, как покрытый слепящим песком риф. К «цоколю» намертво прилепили куб из бетона и стали, в который упрятали измерительные приборы. Бетонный колпак был наполовину погружен в воду, и белые цветы мессершмидии росли на крыше, словно причудливые похоронные венки. По песку тянулись следы черепах, огибавших выброшенные волной дезактивационные контейнеры. «Инструкция по использованию находится внутри», — гласили надписи на ящиках.

Четверо бикийцев заметили возле берега стайку рыб-попугаев цвета топаза. С громким воплем, не щадя воскресного платья, бросились они в воду и выгнали рыбешек на неглубокое коралловое ложе. Двадцать два года судьба не давала им рыбацкого счастья. Теперь, когда они вернутся в родную лагуну, можно будет устраивать «рыбные праздники», кормить жен и детей! Рыбы-попугаи были тут же проткнуты длинными прутьями, поджарены на костре и съедены.

Только алаб Килон, сидевший возле огромной мессершмидии, не принимал участия в пиршестве. Темные очки скрывали его набрякшие веки. Отсюда, с Наму, он неотрывно вглядывался в горизонт. Пусто. А прежде здесь поднимались над водой два цветущих островка, частичка Ламорена, принадлежавшая его клану. Взрывы водородной бомбы в 1954 г. испепелили землю и пальмовые рощицы.

Мечта алаба канула в небытие. Все годы он черпал силы в надежде увидеть хоть на миг заветный кжкосовый сад. Ожидание длилось треть жизни и кончилось крахом.

Лоре тоже переживал. Ведь теперь, став вместо

Джуды главой маленького народа, именно он должен сообщить всем горестную весть. Иройджа потрясло состояние главного острова. Как они смогут жить там? Поднимутся ли когда-нибудь пальмы на атолле, где агонизируют остовы грузовиков, торчат пилоны, ржавые башни и бетонные доты?

* * *

Вечером на борту «Джеймса М. Кука» состоялся ужин. С удовольствием лакомясь шейкой омара и жареными на углях бикинийскими красноперками, Норвуд пытался развеселить Лоре:

— Дивная рыба! Теперь я понимаю, почему вы так настаивали на возвращении в эту лагуну.

Ответ Лоре влил ложку дегтя в расточаемый верховным комиссаром мед. Время благодарностей и цветочных гирлянд миновало.

— Когда наш народ жил здесь, он питался не одними лангустами и рыбой. Бикини для нас не просто остров. Это земля-кормилица... Мы были счастливы здесь. А что получаем сейчас? Обезображенный берег, по которому бродят отравленные крабы. Американские руины с полчищами крыс. Все изменилось. Многие исчезло...

Это зрелище переполнило наши сердца болью и горечью... Жизнь на Кили была печальной, но мы старались сохранить силы. Мы мечтали в один прекрасный день вернуться домой и залечить старые раны. Как же теперь рассказать нашим братьям, сколь истерзана родимая земля, как больна? Они потребуют от Соединенных Штатов ответа: что вы намерены сделать для нас? Мы хотим не просто возвращения «территории». Мы хотим, чтобы на ней можно было жить...

Старик Килон тоже был возмущен разыгранным фарсом. Нет, он не был на Бикини, он ничего не видел! Вот когда ему покажут пальмы, он сможет сказать, что ездил на Бикини и видел атолл.

— Сто лет жизни и упорной работы вложили мы в остров, — сказал он с рыданиями в голосе. — Штаты все разрушили. Пусть теперь Штаты все восстанавливают.

— Следовало ожидать подобной реакции, — сказал Джек Тобин Норвуду. — Я лично был уверен. Двадцать

два года островитяне жили ожиданием этой встречи и не рассчитывали на такое зрелище.

Верховный комиссар согласился. Прежде чем везти хозяев смотреть оставленные владения, следовало навести хоть какой-то порядок на разоренном атолле: почистить, подмести, посадить деревья — все выглядело бы иначе. Вид молодой поросли подбодрил бы их.

— Да, но ведь нельзя было ни к чему приступать до того, как уровень радиоактивности не войдет в норму. А эксперты представили доклад совсем недавно, — вступил в разговор прибывший из Вашингтона представитель Комиссии по атомной энергии.

Норвуд попытался успокоить старика Килона:

— Плантация кокосовых пальм поднимается не за сто, а всего лишь за семь лет.

Он даст распоряжение благоустроить главные острова. Разумеется, это обойдется очень дорого...

— На разрушение Бикини ушли сотни миллионов долларов, — горячо возразил Джек Тобин. — Долг Соединенных Штатов — проявить щедрость и показать, что мы действительно великая нация. Когда Америка хочет, она прекрасно справляется с такими задачами.

— Все это замечательно, — прервал его один офицер. — Но получить кредиты будет нелегко. У нас столько трат: война во Вьетнаме, гражданские права, космическая программа...

20

На Кваджалейне, прощаясь с Норвудом перед отплытием на Кили, Лоре напомнил верховному комиссару о его обещании.

— Когда вы намерены очистить Бикини? Нам бы хотелось участвовать в работах... Мы надеемся, что Америка умеет не только разрушать, но и восстанавливать.

— Могу вас заверить, мы полностью разделяем ваши надежды, — ответил Норвуд. — Масштаб восстановительных работ теперь ясен. Разумеется, я не в состоянии гарантировать возвращения вашему острову прежнего облика. Но я обещаю, что мы непременно выплатим компенсацию за ущерб.

— Что мне объявить совету старейшин? Все увере-

ны, что мы переедем совсем скоро... Мы хотим жить на Бикини сейчас, а не через десять лет!

Девять бикинийцев понуро отправились к себе, в место ссылки. Полная неясность будущего. Они целиком и полностью зависят от великой державы, которая находится от них далеко-далеко; а замыслы ее непредсказуемы, как ураганы. Ясно было одно: им придется пережить в изгнании еще не один сезон.

Верховный комиссар назначил комиссию по делам Бикини из экспертов, сопровождавших его в поездке.

На первом заседании выступил советчик по сельскому хозяйству Маршалловых островов Джеймс Т. Хайен:

— Соединенные Штаты морально обязаны восстановить атолл. Двадцать три ядерных взрыва превратили цветущую землю в безжизненную зону. В таком виде атолл не сможет прокормить даже дюжину человек. Белый дом намеревается построить образцовое селение для общины.

— Если будут деньги, Нью-Бикини сможет принять со временем все семьи, живущие ныне на Кили, — откликнулся другой оратор. — Более того, там можно будет создать экологическую базу...

— Да, но где взять фонды? — вздохнул Норвуд. — Бюджет комиссариата по делам подопечных территорий ограничен. Мы располагаем только оборотными средствами. Если не предпринять решительные шаги, восстановление действительно затянется на сто лет, как говорил тот рыдавший старик. Я должен вскоре ехать в Вашингтон. Составьте мне подробный доклад для министерства обороны и для министерства внутренних дел.

Хайен. Если у нас будет пятьдесят рабочих-добровольцев с Кили и несколько специалистов-техников, первую часть программы восстановления земель и плантаций можно закончить за год. Потребуется посадить как минимум 7500 кокосовых пальм. Все это обойдется примерно в 170 тысяч долларов.

Норвуд. Где строить новое селение?

Дж. Тобин. Желательно на месте прежней деревни. Это сохранит общественную культурную структуру. Островитяне всегда ставят дома вблизи могил предков.

Томми Макгроу. Если исходить из соображений безопасности, лучше строить деревню на втором остро-

ве атолла — Эниу. Там остаточная радиация в два раза меньше, чем на Бикини.

Физик. Прежде чем что-либо строить или сажать, необходимо очистить землю от «горячего» металлолома. В забытом богом уголке нужную очистку сумеет произвести только специализированная техническая организация. Потребуется вывезти тысячи тонн металлолома. Как доставить туда мощную технику? Как производить разгрузку и выгрузку? При таких масштабах придется пролить на атолл долларовый дождь.

Томми Макгроу. Хорошо бы, перед тем как строить селение на Бикини, покрыть всю площадку слоем кораллового щебня. Это хороший изоляционный материал. На Эниу таких мер безопасности не потребуется.

Тобин. У меня нет возражений, это соответствует традициям маршалльцев. В их домах полы устланы слоем мелкой гальки.

Норвуд. Идея использовать работоспособных мужчин с Кили кажется мне превосходной. Мы сможем менять их каждые три месяца или раз в полгода. Перевозку обеспечим на вспомогательном интендантском судне.

Норвуд улетел в Соединенные Штаты, увозя в портфеле подробный доклад и проект создания Нью-Бикини. Предстоящая операция должна была обойтись в один миллион долларов. В проекте особо подчеркивались аргументы Хайена. Восстановление атолла явится не только компенсацией ущерба и гуманным жестом — средства будут вложены в своеобразную агрономическую лабораторию. Можно превратить Бикини в базу интереснейших экологических исследований.

В свое время верховный комиссар успешно выступал в сфере рекламного бизнеса в Гонолулу. И теперь он приберег про запас настоящую рекламную «бомбу». На этих островах можно построить роскошный отель, а лагуна станет идеальным местом для катаний на водных лыжах и гарпунной ловли рыбы. На необитаемых островах организовать фотосафари на птиц, а селение превратить в живой этнографический музей. Включить в маршруты кругосветных путешествий на роскошных теплоходах остановку на Бикини: «Лучшее в мире место для купаний!» Наклейка «Нью-Бикини» должна

красоваться на чемоданах туристов. И вообще, почему бы не поручить Уолту Диснею коммерческую эксплуатацию суператолла?!

* * *

Миллион долларов. Смета была явно занижена. Одна доставка техники и рабочей силы обойдется дороже содержания поисковой партии на Аляске. На Бикини придется восстанавливать аэродром, чтобы наладить снабжение воздушным путем. Счет за разработку плана благоустройства достигнет астрономической цифры. Понадобится бюджет минимум втрое больше первоначально предусмотренного.

Три миллиона долларов. Эта сумма без труда нашлась бы для предвыборной кампании, подготовки химической и бактериологической войны, изысканий нефти, для операций ЦРУ. Но экология, кокосовая цивилизация? В благословенном 1968 г. вряд ли кто рискнет вкладывать такие деньги без особой надежды на возврат.

Три миллиона долларов... Следовало добиться решения как можно скорей, не дать администрации в который раз похоронить проект.

С Кили, а для пушей верности с Джалуита и Маджуро, Ральф засыпал прошениями Организацию Объединенных Наций; он писал в ведущие газеты Гавайев, беспокоил сенаторов в надежде поднять общественное мнение и вынудить американский конгресс проявить «щедрость».

История бикинийцев тронула сердце сотрудника газеты «Гонолулу адвертайзер» Сэмюеля Кронинбурга. Он придал ей форму сказания дри-канана и в декабре 1968 г. напечатал в газете.

«Жил-был могущественный король, правивший целым континентом, раскинувшимся от океана до океана. То был самый богатый властитель. Его армии покорили и подчинили себе многие народы. Его корабли бороздили все океаны. Его города сверкали белыми домами. Его поля давали обильный урожай, а закрома были всегда полны. Его сундуки ломились от золота и сокровищ. Да, в целом мире не было империи, способной сравниться великолепием с этой.

Однако король не знал ни сна, ни отдыха. Дерзкие мечты уносили его далеко-далеко, в заброшенный уголок империи посреди огромного океана. Там жил один бедняк, который добывал себе пропитание, возделывая свой крохотный участок и собирая дары моря. Простой человек, он не ведал ни о могуществе государя, ни о его богатстве, ему не было до этого дела.

Мечты о завоевании не тревожили сон праведника, жажда золота была чужда ему; он вполне довольствовался тем, что имел. Он не обращал завистливые взоры на дворец короля и не помышлял отдыхать в его садах. Он хотел лишь, чтобы ему оставили его коралловый остров, чтобы море кормило его, чтобы небо было чистым, а земля приняла бы после смерти его прах.

Но однажды могущественный король вышел из золоченых покоев и в сопровождении пышной свиты отправился обозревать свои владения. Едва взглянув на завоеванные земли, он нетерпеливо пересек океан, пока не оказался перед жалкой хижинкой — целью необычного путешествия. Король приказал:

— Уходи с этой земли, я желаю уничтожить ее. Удались с земли, где покоятся останки твоих предков, ибо я заражу твой остров и смету все, что растет на нем, отравлю твое море и все, что в нем водится. Я навеки изгнать память об острове, сотру его с лица земли.

И бедняк уехал. Что ему оставалось? Он бросил на острове все, чем владел, а с собой взял лишь слезы и горе.

Шли годы, десятилетия. Могущественный король вершил суд в спорах между народами. Не раз посылал он свои армии и корабли на защиту слабых, вступался за обиженных и поработенных.

На заседаниях Совета наций он клеймил агрессора. Он объявил, что будет кормить бедняков из своих кладовых. И вот, когда король, счастливый от мысли, что творит добро, мирно заснул в своем большом белом дворце, ему явился изгнанный бедняк, состарившийся раньше времени из-за лишений и долгого ожидания. Призрак задал один-единственный вопрос:

— Скажи мне, о могучий государь, что стало с коралловыми пляжами Бикини?

Король очнулся ото сна и заплакал.

На Сэмюеля нашло вдохновение и он добавил:

«Если мы в состоянии по-прежнему считать себя гуманной нацией после всего содеянного с Бикини, мне нечего больше сказать. Но если нас гложет стыд за все это, мы обязаны исправить причиненное им зло. Давайте же поможем благородным смиренным людям, которым мы нанесли тяжкую обиду. Залечим раны Бикини и согреем сердца детей океана. Сотворим добро после зла.

Пусть это послужит искуплением. Сделаем больше того, что может требовать господь бог от раскаявшегося человека или народа, охваченного угрызениями совести. И сделаем это, чтобы не проснуться однажды ночью от кошмара и не зарыдать».

* * *

Добрыми пастырями, которым надлежало заниматься делом Бикини, были не проповедники слова божьего, а вашингтонские специалисты, дипломаты и пентагоновские стратеги. Они знали лучше, как надлежит поступать. Да, какой-нибудь широкий жест на публику успокоит умы... О, простой расчет показывает: достаточно просыпать манну в одном месте, построить одно образцовое селение, чтобы утихомирить страсти во всем Тихоокеанском бассейне.

Вирус протеста — вещь заразная. Всегда находились строптивые упрямы, требовавшие возвращения реквизированных для военных нужд земель. А тут еще международный коммунизм может подать микронезийцам мысль затеять шумиху вокруг Бикини. Если Вашингтон не возьмет инициативу, не анестезирует болячку, наивные островитяне, взбудораженные примером японцев на Окинаве и вьетконговцев¹, в один прекрасный день вывесят на своем райском острове глупый лозунг, сочиненный безответственными горлопанами, «Янки, убирайтесь домой!»

Нет, если мы хотим сохранить свои базы на Кваджалейне и Энвиреттоке и чувствовать себя там спокойно, не надо скаречничать в проекте Нью-Бикини. Очень хорошо! На островах прекрасно уживутся сверхсекретная ракетная база и лаборатория по разработке средств хи-

¹ Так в США называли патриотические силы освобождения Южного Вьетнама.

мической войны, с одной стороны, и райские кущи и Музей мира — с другой. Равновесие будет сохранено, а крикуны замолкнут. Движение за независимость будет подавлено в зародыше. Американская стратегия в Тихом океане стоит презента в размере трех миллионов долларов.

* * *

На главных островах атолла развернулся широкий фронт работ. Прекрасное место — хочешь, строй военные укрепления, тюрьму, хочешь, сажай кокосовые пальмы.

Первая фаза программы реконструкции Бикини началась с очистки двух главных островов. В начале марта 1969 г. фирма «Холмс и Нарвер» поручила Чарльзу Данлопу привести в порядок развороченные джунгли. У этой лос-анджелесской фирмы имелся богатый опыт работ в тропических районах: именно она оборудовала секретную военную базу на Эниу. Инженеры фирмы возвели там в свое время огромный цех для сборки водородной бомбы, построили башни и бетонные бункеры вдоль побережья. Чарльз Данлоп был менеджером всей операции. Он же осуществлял эвакуацию жителей атолла Ронгелап, которых засыпало пеплом бикинийского взрыва в 1954 г.

Базовый лагерь опять устроили на Эниу. Туда доставили армейские палатки, лебедки, спальные вагончики — все помеченное клеймом «Сделано в США». На базе поселилась бригада рабочих и маленький гарнизон под командованием полковника Джона В. Роулингса.

Посадочную полосу очистили от цепких плетей дикого винограда. Теперь раз в неделю здесь приземлялся транспортный самолет. Восстановили причалы для выгрузки прибывавших в лагуну судов.

«Мусорщики» работали и на адском солнцепеке, и под шквалами летней грозы. Убирать следы пребывания Либокры — это не то, что подметать посыпанную коралловым щебнем аллею. Не получай бригада платы за страх, можно было бы решить, что это мученики гнут спину в наказание за атомный грех.

Взрывы вновь сотрясали остров и могилы предков,

Для рыб, привыкших иметь дело с килотоннами и мегатоннами, динамитные шашки казались цирковыми петардами. Чарльз взрывал обветшавшие бункеры и проржавевшие башни — «горячие» радиоактивные развалины.

Обломки зараженной арматуры извлекали из зарослей кустарника и складывали на пляже. Оттуда их грузили на баржу, отвозили в океан и сбрасывали в глубокие впадины. Более двухсот тонн вредоносных останков было захоронено таким способом.

Летчик, совершавший разведывательные полеты над густой саванной, не заметил ряда строений. Так, бульдозеристы с удивлением обнаружили клуб, построенный для офицеров атомного полигона. Стены остались целыми, сгнила лишь мебель, и то не вся: в спортзале сохранился стол для пинг-понга. Барак окрестили «отель „У крабов“». Уцелела и часовня бывшей военной базы. Если все как следует убрать, ее можно использовать.

На Бикини и Эниу в свое время провели вдоль берега окружную дорогу. Поперечные трассы пересекали острова от лагуны до океана. По этим артериям сейчас безостановочно двигались грузовики с бетонным щебнем и землей. Остров был обезображен ямами и воронками, их надо было засыпать и выровнять. Шестьсот семьдесят пять раз — обливавшиеся потом люди считали ездки, как считают оставшиеся до возвращения дни, — самосвалы вываливали грунт, закрывая зияющие раны Эниу.

Очищенные и разровненные островки разбили на участки под плантации.

В общей сложности ушло полгода на то, чтобы обработать несколько гектаров земли. Шеф Чарльза Данлопа получил благодарность от начальника оперативного отдела Комиссии по атомной энергии: «Вы успешно справились с трудным заданием, потребовавшим от Ваших сотрудников большого напряжения сил в тяжелых условиях».

Обнаженную и обезоруженную Либокру можно было наконец показать гостям. С Кили доставили алабов на торжественный акт вступления в эру возрождения. Присутствовали только что назначенный на место Норвуда верховный комиссар Джонсон и управляющий Маршалловыми островами.

— Видите, — заметил он Лоре, — насколько преобразился остров? Можно и ходить пешком, и разъезжать в автомобиле!

Алабы первым делом отправились на семейное кладбище Бикини. Лоре сказал, что община желает поселиться вблизи могил предков.

Представитель администрации на строительстве Нью-Бикини Чудзи Чутаро попросил алабов указать место для будущих общинных домов и размежевать личные участки кланов. С помощью Лоре, Мозеса и Килона он установил разграничительные колышки наследственных наделов.

Советники по сельскому хозяйству отвели старейшин на будущие плантации — они уже были вспаханы и удобрены.

— Мы собираемся посадить несколько тысяч деревьев рядами шириной по 24 фута... Кокосовые пальмы будут еще лучше прежних. Кстати, за двадцать три года те бы уже состарились и перестали плодоносить. Орехи на новых посадках будут высшего качества, поскольку мы отобрали селекционные семена... Представляете, что здесь будет через десять лет!

21

Трехмоторный реактивный лайнер компании «Эйр-Микронезия» заложил крутой вираж перед заходом на посадочную полосу, тянувшуюся между лагуной и морем. Атолл Маджуро раскинулся звездой на поверхности океана; местами главный остров сужался настолько, что казался насыпной дамбой. По тонкой полоске земли бежало тридцатикилометровое шоссе.

Пассажиров, севших в самолет в Гонолулу, шесть часов убаюкивала сладкая гавайская музыка, под которую стюардессы в ярких нарядах разносили напитки. Они с сожалением покинули рай с кондиционированным воздухом и окунулись в духоту; даже ночь не приносит здесь желанной прохлады. Лозунг «Йокве юк» выделялся на фасаде аэровокзала, словно название острова. Очень экзотично.

Таможенник безразличным взглядом проводил единственного среди пассажиров француза: гость явно выделялся среди людей, одетых в шорты, джинсы, яркие рубашки и военные мундиры. Аккуратно подстрижен-

ный сорокалетний мужчина в тропической пиджачной паре напоминал колониального администратора былых времен. Его оксфордский выговор привел в легкое замешательство местных переводчиков, перенявших английский у солдат-янки.

Перелет из Парижа занял 27 часов, и сейчас Пьеру Дюнну казалось, будто он оставил свою тень на границе смены суток, которую самолет пересекал дважды за одно утро. Его попытки быстро протолкнуть свой объемистый багаж к выходу напоминали ужимки клоуна, пытающегося играть на шести инструментах сразу.

Убожество земли и отсутствие зелени было для него первым разочарованием. Пьер Дюнн ожидал увидеть гирлянды цветов, веерные пальмы, гологрудых островитянок в пестрых юбках, летающих рыб. Он надеялся перенестись в мир темнокожих братьев Гогена. А тут... Куда он попал? Война на Тихом океане и миссионерское рвение породили новый пейзаж — «океанский пригород».

Хозяйка единственного отеля, толстоногая евразийка с миловидным лицом, предложила отвезти его в город. Пьер попросил выгрузить его прямо на причале: он страшно боялся пропустить судно, раз в месяц курсирующее по маршруту Маджуро — Кили — Бикини.

Два года он добивался этой поездки. Главная трудность заключалась в том, чтобы оказаться в списке немногих пассажиров местного бюро путешествий. Зафрахтованное администрацией Маршалловых островов судно редко заходит на Бикини: только чтобы забрать очередную группу рабочих-островитян, благоустрояющих обетованную землю, снабдить лагерь продовольствием, лекарствами и запасными частями. Твердого расписания нет, а маршрут меняется в последнюю минуту. Иногда судно отправляется на какой-нибудь дальний остров взять на борт заболевшего. Кроме того, у администрации может возникнуть срочное задание. Каждый такой заход означал крюк в добрую тысячу миль, поэтому пассажирам надлежало быть в полной готовности за одну-две недели до выхода корабля в море.

Канцелярия верховного комиссара вначале просто не отвечала на просьбы Пьера, надеясь на то, что у него иссякнет терпение. Однако француз оказался упря-

мым. Тогда ему сообщили, что «в данное время на Бикини нет возможностей для ведения изысканий этнологического и биологического характера». В задачу канцелярии входило не допускать частных посетителей на остров. База на атолле не могла принять на довольствие лишние рты. Обеспечение водой и провизией шло с перебоями, запаса хватало лишь для ограниченного числа работавших на острове. Между тем уже выпущенные рекламные брошюры расхваливали «сказочную рыбную ловлю, которая может обеспечить питанием всех приезжающих».

Пьер письменно заверил власти, что не станет обузой и возьмет с собой все необходимое на время пути и пребывания на Бикини. Верховный комиссар отослал его к управляющему Маршалловых островов на Маджуро. Тот, в свою очередь, запросил канцелярию на Сайпане. Прошение француза путешествовало от острова к острову. Наконец Пьер получил разрешение сесть на дежурное судно... если это ему удастся.

* * *

Такси японской марки неслись от аэропорта к центру города. Из радиоприемников раздавались маршалльские напевы, прерываемые изредка передачей местных новостей. Такси на Маджуро выполняет роль омнибуса и сажает едва ли не каждого, кто «голосует» по дороге. Ничего, в тесноте, да не в обиде. Молодые островитяне садятся, чтобы проехать двести-триста метров: американцы отучили их ходить пешком даже в гости к соседу, так что такси кружат безостановочно до глубокой ночи.

Автомобиль хозяйки гостиницы то и дело проваливался в рытвины и колдобины: главная улица Маджуро представляла собой грунтовую полосу, которую первая же тропическая гроза превращала в ручей жидкой грязи. А в сухой сезон приходилось ездить по глубоким колеям, проложенным тяжелыми грузовиками.

По берегу лагуны теснились разнообразные жилища — от традиционной хижины до лачуг из картона и толя. Пьер пометил в блокноте: «Разрушение общественных связей». Правда, чуть дальше он заметил могильные камни на откосе между бараками. Значит, обита-

тели этого квартала жили в согласии с духами предков.

В центре виднелись ангары, доки и отель, напоминавший блиндаж. Между двумя складскими помещениями поднималось здание районного управления, сооруженное из сборных панелей.

Вдоль берега океана тянулся ровный ряд бунгало, в которых жили чиновники районного ведомства, там же располагались больница, школа, протестантский храм и католическая церковь, сплошь деревянные постройки.

У причала Пьер увидел лишь два судна: одно из Сан-Франциско, второе с Оаху. Француз забеспокоился. Что, дежурное судно уже ушло? Нет, просто сухогрузам предоставляют наиболее удобные стоянки, а «дежурное» стоит в лагуне, и его не видно за огромными корпусами «американцев».

Действительно, где-то возле доков Пьер заметил непритязательное каботажное суденышко под названием «Хафа Адай». Интересно, какого оно цвета? Сейчас, во всяком случае, краска не видна из-под слоя ржавчины. Старая океанская калоша потаскалась на своем веку из порта в порт и вышла на пенсию здесь, возле райских врат.

От нее отделяется шлюпка с подвесным мотором и подходит к причалу. Капитан и стармех, оба филиппинцы, спрыгивают на берег и направляются развлекаться в аэропорт, который по прибытии каждого самолета превращается в клуб, биржу, олимпийский стадион.

— «Хафа Адай» уходит с Маджуро завтра вечером, — сказал капитан Пьеру. — Советую прибыть пораньше, если вы не хотите спать на палубе: у нас всего двенадцать двухъярусных коек. В этом рейсе будет довольно много народу — рабочая смена с Кили, школьники с Маджуро, которые разъезжаются на каникулы по своим островам, депутаты конгресса², направляющиеся на Кваджалейн...

Канцелярия управляющего Маршалловыми островами закрыта до завтрашнего утра. Пьеру ничего не остается, как фланировать по берегу бухты. На пляж страш-

² Конгресс Микронезии — местный выборный орган с крайне ограниченными правами.

но ступить — песок усеян обломками автомобилей, кусками водопроводных труб, дырявыми кастрюлями, консервными банками, гнилыми ветками пандануса. Лагуна была столь же «привлекательной», как Сена в месте впадения в нее парижской канализации. А вот и объяснение, вывешенное на видном месте санитарными властями:

«Вода в лагуне заражена»

Охота к купанию пропала. Расхотелось даже нанять такси и поехать на отдаленный «чистый» пляж для белых (которым рекомендовалось, выйдя из моря, тут же вымыть тело с мылом).

* * *

Девять часов утра. Канцелярия управляющего районом Маршалловых островов начинает работу. Отдел развития общин помещается в деревянном бараке. Служащие-островитяне раскрывают пухлые гроссбухи и делают первые записи нетвердым ученическим почерком. Их движения напоминают замедленную киносъемку; они долго-долго смотрят вам прямо в глаза, прежде чем ответить на самый простой вопрос. Объясняется это тем, что они боятся неверно понять вас и отвечают почти шепотом, чтобы скрыть свое английское произношение, которого стыдятся.

Джек Тобин, расстегнув успевшую взмокнуть рубашку, печатает на допотопной машинке, сохранившейся со времен «золотой лихорадки» на Аляске и списанной сюда за ненадобностью. Вентилятор со скрежетом разгоняет горячий воздух. Управление подопечных территорий — небогатая организация.

Штатный этнограф вручает Пьеру фотокопию карты 27 островков атолла Бикини.

— Северная часть атолла формально не является больше запретной зоной. Наму очищен от обломков, и туда можно совершить экскурсию, но эксперты не рекомендуют задерживаться там надолго. Сейчас центром стал Эниу, там разбит базовый лагерь. Земли Бикини являются собственностью общины. Рабочие бригады меняются каждые три месяца; это в основном

бикинийцы, отряженные советом Кили. Рабочим предоставляется жилье, питание, им платят жалованье.

— Строительство идет только на Эниу?

— Нет. Каждое утро катер доставляет бригаду за три мили на главный остров Бикини. Там строится новый поселок.

— Когда предусмотрено возвращение жителей?

— Репатриация будет проходить постепенно, партиями по 70—80 человек.

Почему она до сих пор не начата? Управление по опеке сочло необходимым подождать, пока деревья начнут давать тень и плодоносить. Без этого жизнь на Бикини невозможна. Программой предусмотрено также строительство водопровода, причалов и складов.

— Значит, это будет нетрадиционное селение из сборного алюминия, как на Ронгелапе?

— Ни в коем случае! План был составлен в проектном бюро на Сайпане с учетом местных особенностей, ежедневных потребностей и обычаев островитян. Их вожди одобрили его. На атолле будет мастерская по строительству больших парусных пироги. Бикинийцы смогут свободно передвигаться между островами, вести лов в открытом море и возле рифов. Мы хотим, чтобы у них было все необходимое для ведения традиционного хозяйства. Вместе с тем планом предусмотрено улучшение средств производства и расширение ресурсов. Нельзя забывать, что через десять лет их на острове будет уже пятьсот человек... А в один прекрасный день и тысяча... Я полагаю, что после переезда община будет гораздо богаче. Бикини станет цветущим краем.

* * *

Отец Франсуа-Ксавье Зевен раскрыл блокнот с перечнем дел на сегодняшний день. Католическая миссия была расположена на берегу океана, и священник с наслаждением подставил лицо прохладному бризу. Десять лет назад этот пухлый розовощекий человек имел приход в глухой деревушке Великого Герцогства Люксембург. Однажды он поведал епископу о желании стать миссионером в Южных морях. Очутившись на Новых Гебридах, он заболел лихорадкой, но не пожелал уехать с Тихого океана. Ему предложили пере-

браться на атоллы, где климат гораздо мягче и нет малярии. Так слабое здоровье привело его на Маджуро.

Пьер быстро узнал, что здесь есть человек, говорящий по-французски. Отец Зевен встретил Дюнна с распростертыми объятиями. Юные прихожане с удивлением слушали, как их наставник говорит на незнакомом языке: французская речь еще никогда не звучала под сводами часовни.

— Да, бикинийцы, еще вчера бывшие бедными сиротами, слынут сегодня балованными детьми Микронезии, любимчиками дяди Сэма. В прошлом они не раз оказывались на пороге гибели от голода и болезней, но никому до них не было дела. А сейчас их возвели в символ. В ожидании, пока подрастут кокосовые деревья, американцы держат их под крылышком. Бикинийцы получают пенсию из Вашингтона, они гораздо богаче остальных маршалльцев. И, как все балованные дети, молодые — не пострадавшие от переезда, ибо они родились уже в изгнании, — стали капризными. За примером недалеко ходить: представьте себе, они устроили забастовку!

— Забастовку? А в какой связи?

— Они жалуются на перебои с мясом и требуют новую обувь. И не просто обувь, а подбитые мехом сапоги! Это последний крик моды среди молодежи на Маджуро. Сюда пришел американский каталог зимней моды, и им всем захотелось иметь меховые сапоги. Самое интересное, что живущие здесь американцы — кооператоры, парни из Корпуса мира, студенты, как и аборигены, ходят в пластмассовых сандалиях на босу ногу... Если так пойдет дальше и молодые маршалльцы решат, что на Маджуро можно жить, как в Филадельфии или Бостоне, они скоро будут щеголять по тропикам в дубленках.

— Значит, обычаи исчезли?

— Обычаи — нет. Но островитяне не хотят больше служить экзотическим прикрытием американских военных баз и административных центров подопечных территорий.

— Антропологи, как, например, Джек Тобин, весьма озабочены процессами распада традиционных общин на атоллах. Как это случилось на Маджуро...

— Да, американцы стараются не нарушать тради-

ций маршалльцев. В результате получается следующее: если молодой парень на Маджуро, оторванный от дома и родных, начинает хлестать пиво или красть, не вздумайте попрекать его! Он вам ответит: «Таков наш обычай». «Обычай» стал теперь защитой от всего. На Маджуро появилось доселе неизвестное на Маршалловых островах явление: юношеская преступность. На Кили совет старейшин запретил употребление спиртных напитков. А здесь молодежь не знает удержу. Не имеет значения, одна перед ними бутылка или десять: они считают своим долгом выпить все до последней капли. Они ничего не берегут, не хранят даже продуктов питания.

Отец Зевен был озабочен также оккультной практикой, принимавшей сплошь и рядом извращенный характер. Люксембургский священник рассказал о недавнем случае на Маджуро. Внезапно заболел один молодой парень. В больнице врачи не нашли у него никаких патологических изменений. Тогда члены семьи начали раскапывать землю у подножий деревьев и в конце концов нашли кокосовую скорлупу, в которой агонизировала ящерица. Скорлупу разбили, и сутки спустя парень был на ногах...

Пьер Дюнн спросил, верны ли сведения о том, что у ряда животных на Бикини изменились инстинкты. Отец Зевен пожал плечами.

— Представители комиссариата по делам подопечных территорий, ездившие туда, уверяли, что не заметили ничего особенного. Не знаю, насколько дезориентировано потомство животных, получивших облучение на Бикини. Но совершенно ясно, что молодые аборигены, оказавшиеся в лагунгах на Маджуро, стали неуправляемыми.

— Пример Кили, однако, показал, что оторванная от корней община не обязательно теряет лицо. Народ Джуды удивил мир преданностью своим традициям, верой в будущее, тесной спаянностью.

— Да, вы правы. Но ведь триста пятьдесят бикинийцев жили на Кили в полной изоляции. Короткая интермедия на Кваджалейне слегка затронула умы молодежи, но по прибытии на Кили все вошло в прежнее русло. Суровые испытания заставили общину сплотиться вокруг Джуды. Не так получилось с их юными братьями, чьи родители рассыпаны по другим островам. Их

около двухсот пятидесяти. Эти ребята не получили духовной закалки, не воспитываются на культе родины-матери, рассказы старых алабов не воздействуют на их воображение.

Я думаю, что мальчики с Кили, поступившие в школу на Маджуро, тоже вырастут иными. Что представляет для них Бикини? Наследственный надел, источник дохода, разменную монету для получения привилегий... Не знаю, смогут ли они прижиться там по возвращении. Бикини далек от образа «земли обетованной», жившего все эти годы в мечтах скитальцев и изгнанников Кили. Нынешний иройдж-лап-лап бикинийцев Леджоланг надеется извлечь выгоду из нынешней ситуации, когда закончится стройка. Однако молодежь общины не склонна признавать его права, она хочет вести диалог непосредственно с американцами. Опекуны пока не решили, чью сторону принять. Политический курс предписывает им строго соблюдать маршалльские обычаи, а значит, увековечить «феодальный режим». На практике же они ведут себя гораздо проще; имеют дело с выборным мэром. В сущности, американцы довольны тем, что молодежь отменяет «непонятное прошлое».

Резюмируя разговор со священником, разочарованный Пьер Дюнн, сидя перед сном под вентилятором, дававшим иллюзию движения воздуха, записал в дневнике:

«Двадцатипятилетняя ссылка извратила любовь к родине. Осталось желание использовать с выгодой землю предков».

* * *

Американки, приехавшие с мужьями к месту службы, на тихоокеанские атоллы, полностью сохранили привычку к комфорту, неприязнь к окружающим и эгоцентричность поведения. Они умели лишь нажимать на кнопки. Если им везло и они попадали на базу Кваджалейна в квартиры, оборудованные кондиционерами, то чувствовали себя весь год пассажирами океанских лайнеров. Зато супруги гражданских чиновников районных управлений переживали в глубине души адские муки.

Летти Маклур, секретарь управляющего Маршал-

ловыми островами, оказалась на пирсе Маджуро одновременно с Пьером Дюнном. Ей хоть на несколько дней хотелось оставить опостылевший остров. Но куда можно поехать в такой глуши? Летти решила отправиться к мужу. Он работал на Бикини по выгодному двухгодичному контракту техническим советником по реконструкции атолла.

Летти, брезгливо поджав губы, поднимается по шаткому трапу на борт «Хафа Адай». Джек Тобин внутренне усмехается, но как подобает джентльмену помогает ей устроиться поудобней — вносит складное парусиновое кресло, походный холодильник и банки с пивом. Американка делает вид, что не замечает бикинийцев, которые семьями располагаются на циновках прямо на палубе. Антрополог сложил багаж леди на кушетку в трюме.

— Боже, какая ужасная ночлежка! — с гримасой отвращения говорит Летти.

Трюмы забиты досками, балками, ящиками и бидонами так, что некуда ступить. Добрая часть груза еще лежит на пирсе, а солнце уже начало клониться к горизонту. Капитан объявляет, что швартовы будут отданы завтра. Все спускаются на берег.

На молу Пьер встретил маршалльского бизнесмена, владельца большого магазина на Маджуро. Раньше он жил в Лос-Анджелесе, но удушливая пелена бензинового смога вызывала у него приступы астмы и он перебрался делать доллары сюда. Французу пришлось выслушивать его жалобы:

— На стройке производительность труда аборигена вшестеро меньше, чем американского рабочего. Но что делать — приходится нанимать их. Вы видели, как они грузят судно? Выход в море обязательно задерживается на один-два дня, а о времени прибытия к месту назначения знает только господь бог.

На следующее утро Летти восседала в парусиновом садовом кресле на второй палубе, подальше от сбившихся тесной группой «дикарей». Она со вздохом закрыла детективный роман и обратилась к Пьеру, которого полузабавляло-полураздражало ее нытье.

— Посмотрите, у них опять набит рот! Эти люди только и делают, что спят и едят.

Алабу Лоре предложили спальное место, но глава

общины сказал, что все будут спать по очереди, по два часа. Просыпаясь среди ночи, Пьер видел каждый раз новое лицо. Справедливость торжествовала.

На рассвете грузовое судно вошло в лагуну Кваджалейна. Едва ступив на сушу, Летти начала страдальчески жаловаться на лень маршалльцев и их неумение работать. Пьер довольно сухо отрезал:

— Но они ведь не хотят стать американцами. У них собственные обычаи и представления о труде...

Летти залилась саркастическим смехом:

— Ах, вот оно что! Вы сторонник «кокосовой цивилизации»! Значит, вы хотите, чтобы они и дальше прыгали по деревьям? Может, вы станете упрекать нас за то, что мы стряхнули их с пальм, открыли им двери школ и университетов, показали молодежи, что существует иная жизнь?!

Судну предстояло заправиться топливом и питьевой водой в военном порту Кваджалейна. В ожидании разрешения на заход в порт торговые суда всегда бросают якорь возле островка Эбей.

Неприятная новость: вынужденная стоянка продлится неопределенное время. Суда, пришедшие раньше «Хафа Адай», все еще ждут своей очереди. В результате суточной задержки на Маджуро пароход прибыл на Кваджалейн рано утром в пятницу. В порт он не попадет раньше 17 часов, и, если опоздает к последней смене, ему придется ждать до утра понедельника, когда после уикенда к работе приступит очередная смена. В выходные дни база не работает.

Но это еще не все! Следующий понедельник, как нарочно, приходится на День независимости. Атоллы Кваджалейн и Маджуро находятся по разные стороны линии смены дня. Воскресенье на Кваджалейне — это понедельник на Маджуро.

Так Пьер Дюнн оказался в вынужденном карантине на голом островке Эбей. Он спросил, можно ли посетить Кваджалейн. Ответом было категорическое «нет»: только американские граждане, имеющие паспорт Соединенных Штатов, могут посещать секретную ракетную базу. Рабочих-аборигенов утром привозят туда, а вечером отправляют назад, причем каждый раз тщательно проверяют. Женам и детям рабочих доступ на Кваджалейн строго воспрещен. Семьи американцев на Кваджа-

лейне дышат кондиционированным воздухом, а местное население теснится на пустырях Эбея в нескольких милях от «стратегического пункта».

В воскресенье днем Пьер Дюнн решил попытать счастья и забрался в катер, направлявшийся на Кваджалейн. Портовая охрана дремала в тени, паспортного контроля не было.

Француз погулял между складами по нумерованным улицам. Неожиданно его окликнул полицейский патруль. Нарушителя тотчас доставили в кабинет начальника службы безопасности. Тот служил на Кваджалейне шестой год и не мог припомнить, чтобы какой-нибудь француз появлялся на этом атолле (исключение составил член делегации ООН, приехавший на подписание официального акта передачи атолла Бикини комиссариату подопечных территорий в марте 1970 г.). Француз, разгуливающий в одиночку по Микронезии, — это невидаль.

Полицейский погрузился в раздумье. Дотошный допрос показал, что этот человек не шпион. Но офицер никак не мог взять в толк, как мог Пьер спутать Маджуро с Папеэте:

— Раз вы француз, вам надо ехать в Полинезию. Что, вас интересуют последствия атомных взрывов в Тихом океане и их влияние на окружающую среду? Но Бикини — это прошлый век. Теперь Франция взрывает водородные бомбы в Полинезии. Поезжайте туда и посмотрите, что стало с пальмами на ваших атоллах и с рыбой в ваших лагунах!

Он вызвал дежурного офицера и поручил ему доставить Пьера на Эбей. Так закончилась экскурсия. Француз снова оказался на Эбейе с Лоре и стариком Килоном. Оба алаба находились в обществе Бвейна, пастора Кили. Они приехали для участия в конгрессе протестантских церквей Маршалловых островов. Большую часть дня все трое проводили в часовне. Бесконечные заседания прерывались пением.

* * *

Прошла неделя. Судно беспрерывно меняло маршрут, опаздывало, подолгу стояло. Пьер решил больше не спрашивать капитана о программе на завтра. Сколь-

ко раз он поднимался на борт со всеми своими пожитками, чтобы час спустя снова сойти на берег. Первые дни Дюнн волновался, потом пришло смирение. Пусть его, подобно кокосовой скорлупке, мотает по океану, вряд ли еще когда-нибудь доведется попасть в эти места. Но подспудно француза точило чувство беспомощности — той самой, что терзала столько лет бикинийцев. Беспомощности перед немой непостижимой силой. Разве Бикини — не остров, куда никому не дано попасть?

22

Пьер с наслаждением плавал кругами возле лодки, глядя на проступавшее сквозь сорокаметровую толщу воды дно. На Маджуро море было в нефтяных разводах, как повсюду на атоллах, где началась «индустриализация». Ни разу во время бесконечных остановок его не тянуло купаться. Только здесь, на краю света, его ждало редкое удовольствие. В коралловом аквариуме на Бикини можно бултыхаться без боязни.

Льюис Гленн, вынырнув рядом с Дюнном, влез в лодку. С пояса у него свисало несколько розовых рыб.

— Сейчас вокруг Бикини самая чистая в мире вода, — сказал он. — Здесь нет микробов, нет промышленных отходов и сточных вод.

Льюис Гленн, атлетического сложения блондин, жил на Эниу с женой и тремя детьми, в комфортабельном вагончике-«трайлере». Должность представителя комиссариата по опеке была необременительной, и все свободное время он тратил на подводную охоту и уроки естествознания своим детям.

— Подводный лов здесь сказочный. Возле мелких островков атолла человек не появлялся давным-давно, и рыбу можно брать голыми руками! Есть ли акулы? Есть. Они нахлынули сразу после взрывов, привлеченные массой оглушенной рыбы. Но на людей они не нападают. Во всяком случае, на моей памяти не произошло ни одного инцидента.

Увлечшись охотой, Льюис забывал о правилах погружения — поднимаясь с глубины, он не всегда делал остановки для декомпрессии. И месяц спустя его пришлось эвакуировать в госпиталь на Кваджалейн с лопнувшей барабанной перепонкой.

А пока они лежали вдвоем на пляже. Льюис просеивал между пальцами тонкий песок.

— Настоящая мука́, — сказал он Пьеру. — Один специалист по грунтам утверждает, что до атомных бомбардировок зернистость песка была более крупной. Кстати, вы знаете, что означает слово «бикини» на местном наречии? «Пальмовый песок»...

Он указал рукой на группу островков, окаймлявших на горизонте лагуну:

— Это необитаемые. На одном из них гнездятся птицы. Дивные экземпляры.

Льюис с сыновьями фотографировал и рисовал их: белохвостых пастушков, морских ласточек, мускатных голубей.

Когда Пьер спросил, где можно посмотреть кладбище морских черепах, Льюис залился смехом:

— Это сказки! Черепахи прекрасно сохранили чувство ориентировки. До расчистки Бикини они приползали сюда откладывать яйца. Если вам удастся отыскать скелет одной из них — лично я такового не видел, — то скорее всего черепаха не смогла вернуться в море, натолкнувшись на понтон или бетонный бункер. Бедняга истощила последние силы, пытаясь одолеть препятствие! Но с тех пор как на Эниу и Бикини идет стройка, черепахи предпочитают выползать на необитаемые островки. Ночью на Наму или Птичьем острове вы можете услышать мощные вздохи: это они с усилием приподнимают свою огромную массу и продвигаются на несколько сантиметров...

Утром бригады рабочих на катере отправились с Эниу на главный остров. 80 процентов плантаций уже засажены, кокосовые пальмы выросли на два с половиной метра. Коллективные дома нового селения готовы.

— Жизнь для бикинийцев пойдет куда легче, чем прежде, — сказал Льюис французу. — О, я вовсе не хочу сказать, что разрушения и тяготы изгнания прошли для них даром. Эвакуация — это всегда несчастье. Но факт есть факт: новые деревья дадут плоды лучшего качества.

— А проект «суператолла», разрекламированный Норвудом?

— Дело движется. Сейчас посадочная полоса на

Эниу — самая большая на Маршалловых островах, не считая базы на Эниветоке. Вот-вот начнут прибывать туристские группы, желающие ознакомиться с историческими достопримечательностями. Судя по ежегодному докладу Соединенных Штатов в ООН, туризм может стать одной из главных статей дохода в бюджете подопечных территорий.

Пока же Нью-Бикини, к вящему удивлению Пьера, служил местом круглогодичных каникул одной-единственной американской семьи. Сын Льюиса ездил верхом на громадной морской черепахе, прозванной Уонни («уон» на маршалльском диалекте — «черепаха»). Семья Гленнов втайне мечтала о том, чтобы эра организованного туризма никогда не настала...

* * *

При взгляде на плантации кокосовых пальм и хлебных деревьев, при виде того, как рабочие после смены нежатся на белом песке пляжа или потягивают в тенечке пиво, заедая его вяленой рыбой, можно было подумать, что «грех» Бикини уже исправлен. О Бомбе никто не вспоминал. Но Пьер, чем дальше, тем больше, не мог отделаться от поднимавшегося в его душе протеста. Ведь этот кошмарный эпизод длиной в четверть века должен был побудить к запрету испытаний термоядерного оружия в атмосфере, и особенно в океане. Так нет же! Урок не пошел впрок, он лишь вызвал дух соперничества.

Возрождение из пепла опустошенного взрывами атолла успокоило тех, кто принял эстафету испытаний Бомбы в Тихом океане. Правда, мы во Франции гордимся «чистой» бомбой. По телевидению нам показывали, как министр обороны через пять с половиной часов после взрыва водородной бомбы в лагуне атолла Муруроа купается в нескольких сотнях метров от эпицентра. Это купание было призвано символизировать в глазах полинезийцев, японцев, американцев с Кваджалейна и наблюдателей со всего света «чистоту» бомбы. Однако никто в дальнейшем не упоминал о том, что пять лет спустя после первых французских испытаний полинезийцам все еще было запрещено ловить рыбу в лагуне Муруроа.

Обошли молчанием и то, что взрывы разнесли в клочья рифовый барьер. Зараженным оказался не только обширный сектор акватории лагуны — Облако унесло тяжелые радиоактивные частицы в средние и высокие слои атмосферы. Была объявлена «горячая тревога». Ветры часто меняли направление и грозили отнести смертоносное облако за пределы запретной зоны. Как тогда из предосторожности эвакуировали коренных жителей атолла Гамбье. Но история не повторяется: ссылка длилась лишь месяц. Пустяк в сравнении с четвертью века скитаний бикинийцев...

Миф о «чистой» Бомбе куда опасней первых робких испытаний, пугавших самих участников. Верно, что средства местной защиты от радиации усовершенствовались. Но эффект длительного воздействия радиоактивных выпадений на окружающую среду полностью не изучен. Неужели во имя «чистой» Бомбы Микронезии суждено стать вместо Окинавы плацдармом для ядерного вооружения, накапливаемого американцами в Тихом океане?

Вернувшись во Францию, Пьер Дюнн не стал предвещать смертельный риск последствий ядерных испытаний. У окружающей среды немало других опасностей. Из своей поездки на Маршалловы острова он сделал выводы, которые, быть может, не так бросаются в глаза.

Атомная бомба не только загрязнила среду обитания; она нарушила гармонию, роднившую микронезийцев с океаном, нарушила равновесие между человеком и природой. Что изменилось на коралловых островах? Все.

По возвращении на Бикини пасынки Тихого океана привезли с собой яд тревоги, навеки поселившейся в сознании перемещенного народа.

Преступление начинается там, где нарушается естественный порядок, где прерывается цепь, обеспечивающая сосуществование человека с другими формами жизни.

В 1968 г. на обожженной земле Бикини старый алаб Килон плакал по исчезнувшим кокосовым плантациям, а Лоре — по разрушенной деревне. Все это восстановимо.

В суператолл были вложены деньги: компенсация за

ущерб, причиненный термоядерной войной. Но чем компенсировать омертвление душ, атомизацию жизни?

За экоцид нельзя заплатить ничем.

Природа смеется над войнами людей. Она возрождается всякий раз благодаря неисчерпаемым внутренним ресурсам, благодаря бесконечному циклу, заведенному не нами. Облучая заброшенные уголки планеты или загрязняя свои собственные берега, мы, цивилизованные люди, уничтожаем лишь самих себя.

И, как свидетельствует история Бикини, худшее, что с нами может случиться, — это не исчезнуть безвозвратно с лица планеты, а остаться навсегда за кадром живой жизни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В начале июня 1946 г. неизвестное до той поры слово «Бикини» облетело весь мир. С тех пор оно навсегда вошло в политический лексикон как синоним величайшего злодеяния колонизаторов.

1 июня 1946 г. над атоллom Бикини, входящим в группу Маршалловых островов, американцами была взорвана атомная бомба.

Местом испытаний самого смертоносного оружия в истории человечества была избрана территория, лишь незадолго до того полученная Соединенными Штатами под «опеку». В то время Устав ООН в специальной статье (76б) возложил на государство-опекуна обязанность «способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу территории под опекой, прогрессу в области образования и развитию по пути к самоуправлению или независимости...»

Соединенные Штаты давно мечтали получить бесчисленную россыпь островов, объединенных географическим понятием Микронезия, главными из которых являются Марьянские, Маршалловы и Каролинские архипелаги.

Когда в ходе второй мировой войны США удалось овладеть Микронезией, они сразу же приступили к лихорадочному сооружению на островах военно-морских и военно-воздушных баз. После войны небольшие, разбросанные на необозримых просторах величайшего из океанов микронезийские острова стали, с точки зрения американского командования, идеальными естественными площадками для размещения ракетно-ядерного оружия и проведения ядерных испытаний.

До американских «опекунов» микронезийцы пережили не одну смену иноземных правителей. Колонизация островов началась раньше всех других океанийских территорий: 26 января 1565 г. прибывший на остров Гуам, входящий в Марианский архипелаг, Мануэль Лопес де Легаспи объявил суверенитет испанского монарха на Гуам «и все земли, относящиеся к нему». Во время плаванья Легаспи европейцы впервые увидели острова, позднее названные Маршалловыми и Каролинскими. На Гуаме же испанцы побывали еще во время экспедиции Магеллана в 1521 г. Но тогда не произошло сакраментальной церемонии присоединения найденной земли к испанской империи.

Приход испанских колонизаторов был для микронезийцев подобен стихийному бедствию громадной разрушительной силы. Замеча-

тельный русский мореплаватель О. Е. Коцебу, посетивший Марианские острова в начале XIX в., с грустью замечал в своих записках: «Достойно сожаления, что испанцы при захвате этого архипелага и насильственном насаждении здесь католичества истребили все коренное население»¹.

Это действительно так и было. Если к концу 60-х годов XVII в. коренное население Марианских островов насчитывало около 100 тысяч человек, то к концу XVIII в. оно не превышало нескольких тысяч. Пытаясь исправить положение, испанцы стали завозить туда жителей из других районов своей колониальной империи (главным образом с Филиппин и из Мексики), которые, смешиваясь с коренными обитателями, образовывали, в сущности, новую народность.

Положение на Маршалловых и Каролинских островах, правда, было лучше. Дело в том, что их фактическая колонизация началась много позднее Марианских островов и вообще испанцы мало интересовались этими архипелагами во время обладания ими.

Со второй половины XIX в. на тихоокеанской сцене весьма активизировалась Германия, спешившая принять участие в колониальном разделе океанийских территорий. Одним из объектов ее колониальной экспансии были микронезийские острова.

Пользуясь слабостью Испании, Германия в 1885 г. захватила 24 острова Маршаллова архипелага, а в 1898 г. приобрела у Испании Каролинские и Марианские острова (кроме Гуама, перешедшего к США) за 25 млн. песет.

Германские предприниматели пытались извлечь экономические выгоды из обладания океанийскими территориями, создавая там плантационные хозяйства и начав разработку полезных ископаемых. Немцы владели кроме микронезийских островов еще Науру, Западным Самоа и северо-восточной частью крупнейшего тихоокеанского острова — Новой Гвинеи.

При всей энергии немецким колонизаторам сделать этого не удалось. В 1911 г., когда общий объем германского импорта составлял 10,8 млрд. марок, на тихоокеанские колонии приходилось всего 17 млн., или 0,16%, а по экспорту соответственно 8,4 млрд. и 14 млн. марок, или лишь 0,2%. В то же время немецкий налогоплательщик отдавал немалые суммы на покрытие расходов по управлению колониями.

Идеологи капитализма, в том числе и германские, как известно, указывали на перенаселенность европейских стран как на причину и оправдание колониализма. Но к 1914 г. в тихоокеанских колониях Германии находилось лишь 1334 человека, в том числе служащие

¹ О. Е. Коцебу. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. М., 1959, с. 276.

колониальной администрации и солдаты. Тихоокеанские колонии были нужны германским империалистам лишь для политических комбинаций, разжигания военного психоза, усиления милитаризации экономики Германии.

В результате поражения в период первой мировой войны Германия потеряла все свои колонии, в том числе тихоокеанские. Мандат Лиги наций на управление Марианскими, Маршалловыми и Каролинскими островами получила Япония.

Япония сравнительно недолго владела микронезийскими островами, но успела продемонстрировать свои особые колониальные методы управления. Суть их состояла в «эффективной оккупации» подмандатной территории. К 1935 г. японцы составляли половину населения Микронезии, а к 1939 г. их было уже большинство — 70 тыс., в то время как коренного населения — 50 тыс. человек.

Японские власти провели ряд экономических мероприятий.

В период японского управления на островах Сайпан, Тиниан и Рота были созданы большие плантации сахарного тростника (производилось 80 тыс. т сахара-сырца в год), Пилау, Трук и Понапе стали центрами рыбной промышленности (до 40 тыс. т в год). На Марианских и Каролинских островах была организована добыча фосфатов (экспортировалось свыше 200 тыс. т в год), на Палау — бокситов, а на острове Рота — марганца. На всех островах в довольно широких масштабах велись торговые операции.

Но эта энергичная деятельность управляющей власти почти не повлияла на условия жизни микронезийцев. Она осуществлялась только в интересах японского населения. Все предприятия, как промышленные, так и торговые, находились в руках японских предпринимателей. Даже в качестве рабочей силы выступали почти исключительно японские и корейские иммигранты. Коренному населению была оставлена только одна отрасль сельскохозяйственного производства — копра, да и то в незначительных размерах. С уходом японцев из Микронезии после второй мировой войны все указанные выше предприятия сразу же прекратили свое существование.

Основные же направления деятельности американской администрации в Микронезии были подчинены фактически одной задаче: максимальному использованию островов в стратегических планах Соединенных Штатов. Коренные жители интересовали американские власти лишь как рабочая сила на военных базах. Вся полнота власти на подопечной территории безраздельно находилась в руках американского верховного комиссара. Американская администрация, вопреки своим обязательствам по опеке, тормозила политическое развитие островов. Лишь под давлением острой критики прогрессивных сил в ООН Соединенные Штаты в 1964 г. объявили о создании конгресса Микронезии, выборы в который состоялись в январе 1965 г.

Этот орган не имел законодательных функций. Реальная власть продолжала полностью сохраняться в руках американской администрации. Тем не менее создание конгресса Микронезии в значительной мере способствовало укреплению в микронезийской среде идеи о предоставлении островам действительного самоуправления. Спустя два года конгресс начал переговоры с американским правительством о будущем статусе Микронезии.

В условиях значительного усиления освободительного движения на подопечной территории после 1965 г. США уже не могли просто игнорировать требования микронезийцев. Но американское правительство стало всячески затягивать переговоры с конгрессом Микронезии, выступавшим от имени всей подопечной территории, возбуждая в то же время всеми средствами сепаратистские настроения на отдельных архипелагах.

В результате этих действий американские власти добились в феврале 1975 г. специального соглашения с Марианскими островами, согласно которому архипелаг превращался в Содружество Северных Марианских островов со статусом свободно присоединившихся к США территорий, подобно Пуэрто-Рико. На территории архипелага США не только сохраняли уже существовавшие военные базы, но и могли строить новые. Подлинный смысл действий американского правительства в Микронезии, скрывавшийся за цветистыми фразами о заботе и благе островитян, достаточно откровенно определяла сама буржуазная пресса США. Так, газета «Нью-Йорк таймс» 19 июня 1975 г. писала, что соглашение сохранило за Соединенными Штатами контроль над Марианскими островами на неопределенное время. С вводом в действие новых военных баз, в дополнение к базам на Гуаме, продолжала газета, Марианские острова станут «аванпостом Соединенных Штатов на Тихом океане». Помимо авиационных и морских баз США смогут разместить там сухопутные войска в целях «более гибкой реакции на все, что происходит в этом районе», а это очень важно для США, подчеркивала газета, ибо их войска в Южной Корее скованы в своих действиях, а свобода действий американских войск в Японии, в том числе и на Окинаве, ограничена «из-за сильных пацифистских тенденций в стране». Газета указывала и на экономические выгоды содержания военных баз на архипелаге: Марианские острова окажутся в пределах американской валютной зоны и базы и, таким образом, не будут бременем для платежного баланса, подобно американским базам в Японии и Южной Корее.

Действия Соединенных Штатов в отношении Микронезии, находящиеся в вопиющем противоречии с их обязанностями государства-опекуна, грубо нарушающие Устав ООН, вызвали резкий протест прогрессивной международной общественности.

Но правительство США продолжает свою политику в Микронезии. Поощряемые американскими властями сепаратистские настроения на Маршалловых островах привели к тому, что представители и этого архипелага вступили в самостоятельные переговоры с американским правительством о политическом статусе, аналогичном статусу Марианских островов. Одновременно США намечают создание, в дополнение к уже имеющимся, новых военных объектов на этом архипелаге.

Еще не так давно мало кому известные, острова Микронезии стали в наши дни очень важным элементом «островной стратегии» США.

К этим далеким островам привлекает внимание читателя Андре Кутен. Два года провел он на Маршалловых островах, собирая материал для своей книги, что сделало ее неотразимо документальной. Вместе с тем это не сухая хроника событий, а полный драматизма, проникающий в душу рассказ о страшной трагедии.

Нельзя без глубокого волнения следить за судьбой простодушных, доверчивых бикинийцев, бесцеремонно обманутых представителями страны, претендующей на роль благодетеля океанийских народов.

Одновременно нельзя не восхищаться огромным патриотизмом островитян, не представляющих себе жизни вне земли их предков. Именно это помогло им выжить, находясь в течение многих веков в полной изоляции на маленьких клочках земли среди океанских волн. Они могли рассчитывать только на свое умение, упорство, бесстрашие. Это же помогло им выдержать страшное несчастье, пришедшее в 1946 г. Даже на «опекунов» произвело сильное впечатление поведение коренных жителей Бикини в тяжелое для них время. «Они прошли через все тяжкие испытания, сумев сохранить человеческое достоинство,— передает автор впечатление американского верховного комиссара, посетившего бикинийцев после ядерного взрыва,— в минуту отчаяния они не поддались панике; их дисциплинированность и выдержка замечательны. Вожди пользуются непрекращаемым авторитетом. Теперь понятно, как островитяне смогли пустить корни на Бикини, не получая помощи ниоткуда; у них природное чувство выживания. Они доказали это жизнью нескольких поколений на родном атолле».

Бикинийцы были выселены с родного атолла и 23 года находились в изгнании на острове Кили, ни на минуту не допуская мысли о том, что они не вернуться на Бикини.

А в это время над атоллom и в его водах продолжали рваться ядерные бомбы, в сотни и тысячи раз большей разрушительной силы, чем сброшенная на Хиросиму. Автор описывает жуткие впечатления,

вынесенные американскими специалистами, побывавшими на Бикини спустя шесть лет после прекращения там ядерных испытаний.

«Убить жизнь ни расщеплением атома, ни термоядерной реакцией, оказалось не так легко, как считалось прежде... Да, жизнь была ключом на атолле, пережившем несколько атомных бомб. Но о каких биологических проявлениях шла речь? Качество новой жизни вызывало серьезное беспокойство. Она не годилась в помощники человеку. Она процветала, но человеку не было места на этом празднике».

Тем не менее американская комиссия по атомной энергии объявила в 1969 г., что жители Бикини могут вернуться на родину. Бикинийцы были перевезены с острова Кили домой. Но очень скоро оказалось, что для человеческого организма жизнь на Бикини невозможна. И многострадальные бикинийцы были вторично выселены на остров Кили. Трагедия их не кончилась. Она продолжается. В мировой печати высказывались мнения, что возвращение бикинийцев на родной атолл и их долгая жизнь там в условиях повышенной радиации были не следствием некомпетентности американских властей, а намеренной проверкой эффективности длительного воздействия радиоактивных продуктов атомного взрыва на человеческий организм.

Книга А. Кутена призывает к борьбе с угрозой термоядерной войны, за прекращение производства и испытаний атомного оружия.

Страшный опыт Бикини, подчеркивает автор, показывает, что атомная война приведет к уничтожению необходимой человечеству среды обитания, сделает нашу планету невозможной для жизни людей.

К. Малаховский

СОДЕРЖАНИЕ

Потерянный рай	3
Исход	59
Земля обетованная	108
Атомный грех	148
Послесловие (К. В. Малаховский) .	183

Андре Кутен

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БИКИНИ

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Рассказы о странах
Востока»*

Редакторы *Л. Ф. Демарцева, Л. З. Шварц*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *Д. Станкович*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 13979

Сдано в набор 20.09.79. Подписано к печати 5.12.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,08. Тираж 30 000 экз. Тип. зак. 650.
Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Кутен А.
К 95 Возвращение на Бикини. Пер. с франц., М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

189 с. («Рассказы о странах Востока»).

О судьбе коренных жителей тихоокеанского атолла Бикини, служившего на протяжении четверти века полигоном для испытаний американских атомных и водородных бомб, рассказывает французский писатель.

К 70304-011
013(02)-80 133-80. 4703000000

8 И

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Национальные кадры освободившихся стран:
(Проблемы подготовки и использования). 18 л.

Процессы деклассирования в странах Востока:
Сб. статей. 20 л.

Страны Южных морей: (История, экономика,
этнография, география). Сб. статей. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами
книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192.
Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3
(«Книга — почтой») «Академкнига».

